

Годъ 16-й.

Кн. LXII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѦНІЕ.

Издание Этнографического Отдѣла
Императорского Общества Любителей Естествознанія,
Антрапологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1904, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. Ф. Миллера

и

Моваринца Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Смирн. А. А. Левенсонъ. Комиссионеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновский пер., с. д.
1904.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Изъ исторіи русскаго былого эпоса. III. Къ былинѣ о Глѣбѣ Володѣвичѣ. <i>А. В. Маркова</i>	1
II. Къ пѣснѣмъ обѣ Иванѣ Грозномъ. <i>Вс. Ф. Миллера</i>	38
III. Бѣломорская былина и повѣсть Петровскаго времени. <i>Н. В. Васильева</i>	51
IV. Смѣсь:	
1. Еще къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца. <i>А. В. Маркова</i>	64
2. Былины изъ братчинахъ. <i>И. А. Шляпкина</i>	65
3. Къ пѣснѣ обѣ осадѣ Соловецкаго монастыря. <i>А. В. Маркова</i>	66
4. «Красная смерть» у русскихъ старообрядцевъ. <i>Д. К. Зеленина</i>	67
5. Дѣтскія игры Московской губерніи Бронницкаго уѣзда въ с. Быковѣ. <i>В. Н. Харузиной</i>	68
6. Новыя пѣсни—частушки. По поводу войны <i>В. И. Степанова</i>	69
7. Причетки, запис. въ г. Веневѣ. <i>В. Н. Харузиной</i>	71
8. Нечеркескіе эсты (Сетукезы)	71
V. Критика и библіографія:	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.	
Н е г т з. <i>Moderne Rassentheorien</i> , <i>В. Н. Х-ой</i> (78).— <i>J a s t r o w</i> . Die Religion Babyloniens und Assiriens. Lief. 1—6. <i>Е. Н. Е-ой</i> (79)— <i>G ü n t e r</i> . Ziele Richtpunkte und Methoden der modernen Völkerkunde. <i>В. Н. Х-ой</i> . (80).—Дирръ. Грамматика Удинскаго языка. <i>Вс. Ф. М-а</i> (82).—Коропчевскій. Первые уроки этнографіи. <i>А. Н. Максимова</i> (84).—Гр. Уварова. Кавказъ. Часть III. <i>Вс. Ф. М-а</i> (89).—Московская церковная старина. Подъ ред. А. И. Успенскаго, т. I, т. III. <i>Е. Н. Е-ой</i> (93).—Хан-	

г а л о нъ. Балаганский сборникъ. Вс. Ф. М-а. (94).—Х а л а н- с к и й. Материалы и заметки по истории древне-русского героиче- ского эпоса. I, II. А. В. Маркова (97).—Н а р б е к о въ. Южно- русское религиозное искусство XVII—XVIII вв. Е. Н. Е-ой (98).— Т р у ды Троицкосавско-Кяхтинского отделения И. Р. Г. О. т. VI, вып. 2. Н. М. М-на (99).—П р у г а в и нъ. Религиозные отще- пенцы. Вып. I, II. Е. Н. Е-ой (100).—Л е м же. Н. М. Ядринцевъ. Биогр. очеркъ. Н. М. М-на (101)	102
2. Обзоръ газетъ и журналовъ	103
3. Новости этнографической литературы	117

VI. Хроника:

Отчетъ о деятельности Этнографического отдела и Музы- кально-Этнографической Комиссіи.—А. Н. Пыпинъ (некр.) <i>Вл. Б.</i> .—В. М. Михайловский (некр.). <i>В. М.</i> .—В. И. Си- зовъ (некр.) <i>Вл. Б.</i> .—Н. П. Припузовъ (некр.).—Былин- ная традиція въ Сарат. губ.—По сѣв.-западнымъ и прибал- тийскимъ губерніямъ.—Къ вопросу о переустройствѣ Берл. Этн. Музея.—Къ сближенію языковѣднія и народовѣднія.— Значеніе фонографа для записыванія пѣсень.—Къ исто- рии общинного землевладѣнія.—Вопросъ о полевомъ хозяй- ствѣ у примитивныхъ народностей.—Записки Герберштейна.— Новый трудъ Тейлора.—Евгеника.—Обзоръ греческихъ ми- фовъ.—Дорійская надпись. На о. Италии.—Этн. коллекція изъ Чили, Боливіи и Перу.—На междунар. конгрессѣ амери- канистовъ.—Въ лѣсахъ Ю. Америки.—Объ отношеніяхъ сѣв.-азіатскихъ народностей къ сѣв.-американскимъ.—Изуче- ніе монголо-бурятскаго языка.—Саратъ-Чандра-Дасъ, изслѣ- дователь Тибета.—Къ изученію Китайскаго Туркестана.— Статистика Японіи.—Къ изученію австралийцевъ.—Изъ Абиссиніи.—Численность евреевъ.	122
---	-----

VII. Объявленія объ изданіяхъ Этнографического Отдѣла и другія . . . . .

Изъ исторіи русского былевого эпоса.

III ¹⁾.

Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ.

Записанная мною на Бѣломъ морѣ былина о князѣ Глѣбѣ („Бѣломорскія былины“, №№ 50 и 80) послужила материаломъ для статьи проф. В. О. Миллера: „Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ“ (Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія 1903 г., № 6, отд. 2, стр. 304—321). Предположительные выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, можно кратко формулировать слѣдующимъ образомъ:

- 1) Имя князя восходитъ къ Глѣбу, сыну Владимира Святого.
- 2) Былина сохраняетъ отголоски преданія о походѣ Владимира подъ Корсунь и его женитьбѣ на греческой царевнѣ.
- 3) Женская личность былины, получивъ въ XVII в. имя Маринѣ (Мнишекъ), пріобрѣла и свойства, связанныя съ этимъ именемъ въ нашемъ эпосѣ.
- 4) Редакція былины, существовавшая до XVII в., кончалась не смертью корсунской дѣвицы, а ея увозомъ.
- 5) Слѣдъ этой редакціи остался въ пѣснѣ, записанной на Терекѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ первые три вывода, остановимся на двухъ послѣднихъ. Сдѣланы они путемъ сравненія былины съ пѣсней, записанной у гребенскихъ казаковъ, и анализа содержанія послѣдней. Этимъ анализомъ В. О. Миллеръ выяснилъ уже, что начало пѣсни, рассказывающее о плаваніи по морю тридцати кораблей съ купцами торговыми, представляетъ при-

¹⁾ См. „Этногр. Обозр.“ 1904 г. № 2.

крепленіе къ пѣснѣ о Маринѣ Кайдаровой другой, самостоятельной пѣсни, известной и въ отдельномъ видѣ. Что касается той части, гдѣ говорится о Маринѣ, то, по мнѣнію автора, ее нельзя назвать въполномъ смыслѣ слова вариантомъ архангельской былины, хотя въ нихъ замѣтны некоторые общія черты. Чтобы опредѣлѣніе выяснить вопросъ объ отношеніи южной пѣсни къ сѣверной былинѣ, отвѣтимъ сперва на общий вопросъ: что представляютъ собою отголоски былинной традиціи на югѣ Россіи?

Въ южной Россіи былины сохранились почти исключительно у казаковъ—уральскихъ, донскихъ и терскихъ. Цѣльныхъ былинъ съ развитымъ содержаніемъ здѣсь не записано пока ни одной. Но мало попадалось собирателямъ и скомканныхъ былинныхъ версій; большинство же записей представляетъ изъ себя зачины былинъ, известныхъ намъ въполномъ видѣ въ сѣверныхъ пересказахъ. Такъ, известно нѣсколько записей, описывающихъ выездъ Дюка Степановича и его вооруженіе; у уральскихъ казаковъ записана первая половина былины о Добрынѣ и Маринѣ; первая половина былины объ Алешѣ и Тугаринѣ записана въ одной изъ станицъ Терской области; въ Донской области нашелся болѣе обширный пересказъ, по тоже нецѣльный; у терскихъ казаковъ нашлось также начало былины о Дунаѣ въ 18 строкъ¹⁾. Записанный тамъ же отрывокъ о турахъ и турицахъ осложненъ, также какъ и интересующая насъ терская пѣсня, запѣвомъ, который не имѣть отношенія къ дальнѣйшему разсказу и чисто вѣшнимъ образомъ спалять съ нимъ: пѣвецъ предлагаетъ своимъ слушателямъ „скинуться“ по денежкамъ, купить вина и распить за городской стѣной, а затѣмъ посмотретьъ въ чистое поле. Затѣмъ слѣдуетъ такой переходъ къ разсказу о турахъ:

«Какъ не во далечѣ да во чистомъ полѣ
Тамъ не пыль-кура да споднималася,
Споднимавши кура съ земли до неба:
Тамъ увидѣли два гїдыхъ тура...» и проч.

Это—не что иное, какъ запѣвъ довольно распространенной пѣсни о скіменѣ-звѣрѣ. Терская пѣсня кончается эпизодомъ о

¹⁾ См. Кирѣевскій, III, 100, VII, прил., 15; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 126, 8, 188, 271, 273, 279; Сб. мат. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа, вып. XXII, отд. III, 35, 37; Этнограф. Обозр. III, 131—143, 125, 129; Таковы же новые записи г. Листопадова въ Донской области, сюще не напечатанныы.

турахъ и Богородицѣ, составляющимъ зачинъ былины о Василіи-пьянице и Батыѣ¹⁾.

Для сравненія съ пѣсней о Маринѣ особенный интересъ представляетъ пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ, записанная въ Грозненскомъ округѣ Терской области. Эта пѣсня начинается обычнымъ разсказомъ о столкновеніи Ильи Муромца съ разбойниками, но конецъ ея вовсе не соотвѣтствуетъ началу:

Всходить старинушка (Илья Муромецъ) онъ во царскій кабакъ,
И крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Цѣловальники, вы кабатчики!
Вставайте поскорѣе,
Вы налейте мнѣ зелена вина,
Зелена вина на пятьсотъ рублей,
А любимому моему товарищу—
Ему вина на всю тысячу».
Цѣловальники перепужались,
Всѣ врозь-то разбѣжались.
— Что это къ намъ пришелъ за пьяница,
Что это за питухъ такой!—²⁾

Несомнѣнно, что приведенные стихи представляютъ отрывокъ изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ и голяхъ кабацкихъ и приставлены къ первой пѣснѣ такъ же механически, какъ отрывокъ былины о Маринѣ—къ пѣснѣ о плаваніи купцовъ по морю.

Изъ всего сказанного видно, что былины, попадающіяся въ сборникахъ казачкихъ пѣсенъ, въ большинствѣ случаевъ дошли до насъ въ видѣ нѣсколькихъ начальныхъ стиховъ; изрѣдка встречаются спайки различныхъ частей пѣсень и былинъ. Обратимся теперь къ интересующей насъ пѣснѣ о Маринѣ Кайдаровой. Приведемъ эту пѣсню въ обычномъ литературномъ правописаніи:

И со синяго моря погодушка она чуть потягивала,
Она мащенки ломала да тонки парусы рвала,
Да заносила этотъ червленъ корабль во иную землю.
Да во иной было земелюшкѣ ни цари нѣту, ни короля;
И да тамъ царюеть, тамъ королюеть она красная дѣвица,
Она красная дѣвица-душа, Маринушка она дочь Кайдарова.
И да корабль по морю бѣжитъ—она пошлицу съ него брала,

¹⁾ Соболевский I, 570. Подобный отрывокъ изъ Донской области—въ Этногр. Обозр. LIII, 139.

²⁾ Тихонравовъ и Миллеръ, Русскія былины, II, 272.

И да корабль къ яру да онь подвигался—она другую съ него брала,
 И да корабль на яръ да онь выгружался—она третю брала.
 И да выходили этиот купчинушка на свой высокъ балконь:
 «Не угодно ли тебѣ, красной дѣвушкѣ, во червленъ корабль зайти,
 Не угодно ли тебѣ, красная дѣвушка, всѣ наши товарушки посмо-
 трѣть?

Не понравятся ли тебѣ, красная дѣвушка, шелки, бархаты?»
 Выходила она, красная дѣвица, она улыбалася,
 Посмотрѣла она на товарушки, сама усмѣхнулася.
 Выходиъ-то этиот купчинушка на свой высокий балконь,
 Онь кричалъ-то, зычаль своимъ громкимъ голосомъ:
 «Вы мазурушки, мои мазурушки, мои главные приказчики!
 Отрубайтъ кианаты смоленые, подымайтъ парусы шелковые».
 Ухватилася красная дѣвица среди моря синяго.

Начало былины о Глѣбѣ Володьевичѣ почти буквально сходно съ первой половиной этой пѣсни:

А какъ падала погодушка да со синя моря,
 А со синя морюшка съ Корсунскаго...
 Заносила туть неволя три червленыхъ три-то карабля
 Что подъ туть подъ славенъ городокъ подъ Корсунь же...
 А въ томъ-то городѣ во Корсунѣ
 Ип царя-то не было, ип царевича,
 А ип короля-то не было и пе королевича,
 Туть жила была Маринка дочь Кайдаловна...
 Они какъ вѣдь въ гавань заходили, брала пошлину,
 Паруса ронили—брала пошлину,
 Якоря тѣ бросали—брала пошлину...
 А къ мосту приставали—мостово брала ¹⁾.

Что касается второй половины кавказской пѣсни, то она не соответствуетъ продолженію былины: въ послѣдней идетъ разсказъ о томъ, что корабельщики пишутъ письмо князю Глѣбу съ жалобой на притѣсеніе со стороны Маринны, между тѣмъ какъ пѣсня оканчивается неожиданнымъ увозомъ притѣснительницы. Такая развязка такъ мало соответствуетъ началу пѣсни, гдѣ говорится о бурѣ и пошлинахъ, что я никакъ не могу согласиться съ В. О. Миллеромъ, видѣвшимъ въ пѣснѣ болѣе древнюю редакцію, нежели въ былинѣ. Мнѣніе мое можно подтвердить и тѣмъ обстоятельствомъ, что увозъ дѣвицы посредствомъ хитрости представляеть широко распространенную тему пѣсень

¹⁾ Бѣлом., былины, 429, ср. 251.

разныхъ народовъ¹⁾ и общее мѣсто въ народныхъ сказаніяхъ. Что касается кавказской пѣсни, то она могла заимствовать эту тему изъ былины о Соломонѣ и Василіи Окульевичѣ²⁾ или—о князѣ Романѣ и Марьѣ Юрьевнѣ. Въ этихъ былинахъ посланный царя, переодѣтый купцомъ, предлагаетъ женщинѣ зайти на его корабль и посмотретьъ товары, а когда она вступаетъ на судно, то онъ приказываетъ отрубить канаты, поднять паруса и увозить женщину за море. Нужно замѣтить, что только одинъ пересказъ терской пѣсни кончается увозомъ дѣвицы. Въ станицѣ Червленой пѣсня оканчивалась разсказомъ о томъ, что „Маришка съ Бутаринки“ береть пошлину съ кораблей; въ этомъ варианѣ—увоза нѣть. Соединеніе двухъ сюжетовъ легко объясняется тѣмъ, что мѣсто дѣйствія и въ томъ и въ другомъ—одно: морская гавань.

Итакъ, обликъ дѣвицы, властительницы приморскаго города, къ которому буря пригнала русскіе корабли, чище сохранился въ сѣверномъ пересказѣ былины, нежели въ южномъ ея отрывкѣ, и нѣть никакого основанія думать, что болѣе ранняя редакція былины кончалась увозомъ женщины, какъ невѣсты; наоборотъ, этаъ увозъ, или похищеніе посредствомъ обмана нужно считать позднейшою вставкою общаго эпического мѣста.

Прежде чѣмъ разбирать другіе выводы В. Ф. Миллера, я укажу на одну старинную повѣсть, которая, думаю, поможетъ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, соединенныхъ съ разборомъ былины.

Я имѣю въ виду „Слово о Димитріи купцѣ, прозваніемъ Басаргѣ, и о сынѣ его Добромыслѣ“. Повѣсть эта принадлежитъ къ числу назидательно-благочестивымъ произведеній, приходившихъ въ Россію изъ Византіи. Хотя Димитрій называется кіевскимъ купцомъ, но приключенія случаются съ нимъ въ городѣ, который названъ въ одномъ спискѣ Антіохіей, и при томъ по дорогѣ „отъ славнаго Царяграда“. Одинъ списокъ, начинающій

¹⁾ Былица эта извѣстна въ искаженномъ видѣ у донскихъ казаковъ. См. Эп. Обозр. LIII, 141.

²⁾ Многочисленные варианты этого сюжета указаны г. Довнаромъ-Запольскимъ: Пѣсни пичуковъ 164—5. Сюда можно прибавить Великор. нар. пѣсни *Соболевскую*, I, №№ 216—225, 244—6; Варн. Губ. Вѣд. 1897. №№ 30 и 37; *Добровольскій*, Смоленскій этнogr. сборникъ. IV, 579—580.

рассказъ отъ лица самого Димитрія, прямо указываетъ на Царьградъ, какъ на первичную географическую обстановку повѣстіи: „Бысть ми нѣкогда отплыти отъ отечества своего, Царяграда славнаго, въ корабли“. Съ Димитріемъ Фхаль семилѣтній сынъ и девятнадцать (150) наемныхъ слугъ. Путникамъ пришлось испытать сильную бурю и великое волненіе. Тридцать дней ихъ носило по волнамъ, и наконецъ они увидали издали большой, богатый незнакомый городъ ¹⁾). Приставши къ городу, они замѣтили около него 300 (или 330) кораблей. Граждане объяснили Димитрію, что ими править поганый царь Несмѣянъ Гордѣевичъ (Гордіанъ ²⁾) Несмѣяновъ, Гордій), „елинськія вѣры“, почитающій Аполлона; онъ принуждаетъ ихъ кланяться идоламъ и насильно приводить къ своей поганой вѣрѣ. Купцы и „карабельники“ ³⁾), пріѣзжающіе въ его городъ, обязаны или отгадать его три мудренныя гаданія, или принять его вѣру. Въ противномъ случаѣ, онъ сажаетъ ихъ въ темницы, гдѣ они терпятъ нужду и наготу, и запрещаетъ гражданамъ продавать имъ хлѣбы на торжищѣ, желая уморить ихъ голодомъ.

Въ то время какъ граждане разсказывали объ этомъ Димитрію, его корабль былъ взятъ подъ стражу. Взявши съ собою драгоценные дары, купецъ пришелъ къ царю и сказалъ ему: „Я, купецъ Греческой земли, прѣхалъ поклониться тебѣ, владыка царь, чтобы ты позволилъ торговатъ“. Царь принялъ дары, прігласилъ купца съ собою обѣдать и во время обѣда сказалъ ему: „Я тебѣ хочу дати 3 гаданія; ежели отгадаешь, то повсю торговати; ежели же ты не отгадаешь, то смерти преданъ будешъ, а богатство твое будетъ взято въ казну царскую“. Купецъ попросилъ „срока на три дня“, обѣщалъ на четвертый день прійти къ царю, а затѣмъ отправился на свой корабль. Увидавши, что сынъ его весело скачетъ на палочкѣ, отецъ сказалъ „изъ глубины сердца своего съ яростю:—Что, чадо мое полоненое, играешъ подѣлки, отцевы печали не вѣдаешь?—Сынъ берется помочь отцу, говоря: „Конь на рати познаваемъ бываетъ, вѣрный

¹⁾ По одному синеку. Антіохію.

²⁾ Имя царя, вѣроятно, восходитъ къ имени римскаго императора Гордіана; въ житіи св. Трифона разсказывается, какъ отрокъ изгналъ изъ дочери Гордіана нечистаго духа въ видѣ собаки.

³⁾ Капитаны кораблей.

другъ—у печали и бѣды“... „Азъ готовъ царю ити предложенаѧ гаданія вся разрѣшати... Точію не скорби пынѣ, не стужай, отче, яждь, пой и веселися“. Прошло три дня. На четвертый день отецъ съ сыномъ оба явились къ царю. Царь угостилъ ихъ медомъ и предложилъ первую загадку: „Много ли есть отъ востока и до запада обхоженъя всего?“ Дитя отвѣчашь за отца:—Гаданіе ваше, царю, невелико есть: отъ востока до запада обхожденія день есть съ нощю, понеже солнце преидеть весь кругъ небесный отъ востока и до запада единимъ днемъ, а нощю единою идетъ солнце отъ сѣвера до юга.—Царь подивился разумному отвѣту мальчика и велѣлъ прійти ему съ отцомъ на слѣдующій день.

Утромъ у царской палаты собирались ипаты, тироны, страти-латы, воеводы, князья, земскіе бояре, великие люди и всѣ граж-дане, пришедшіе посмотрѣть на чуднаго отрока. Царь сѣлъ на высокомъ престолѣ посреди двора и предложилъ мальчику вто-рую загадку: „Что есть: десятая часть въ міру днемъ убывающа, и десятая часть нощю въ мірѣ призывающа?“ Отрокъ отвѣтилъ царю:—Не велико ваше гаданіе есть, царю; азъ ваше гаданіе разрѣшу скоро. То есть: десятая часть днемъ убываетъ—сіе изъ моря, изъ езеръ, изъ рѣкъ на всякий день воды солищемъ усы-хаютъ по всему міру; ато ¹⁾ десятая часть нощю въ мірѣ при-бываетъ—ино то есть: въ морѣ, и въ рѣкахъ и езерахъ воды изъ моря призываютъ по всей земли, занеже солищу зашедшу за окружность земную.—

Затѣмъ царь предлагаетъ отроку послѣднюю загадку: „Что есть сіе, еже бы поганой не смѣялся?“ Мальчикъ отвѣчаетъ:—Не глубоко ваше вопрошеніе, царю, сіе. Даждь ми время точію на три дни; повели етѣ три дни по всему своему граду пропо-вѣдникомъ волити, чтобы весь градъ, мужы, и жены и со мла-денцы, и совершины мужы, и дѣвицы и юноши стекошася вси на дворъ царевъ въ четвертый день.—

Когда народъ собрался и царь предложилъ свою загадку, мальчикъ сказалъ, что отгадаетъ загадку, когда царь пустить его сѣсть на престолѣ и дасть ему все свое царское одѣженіе, вѣнецъ, скипетръ и острый мечъ. Желая потѣшить мальчика,

¹⁾) = что касается, лат. ut. По Срезневскому. пущь. да.

царь на это согласился. Тогда мальчикъ, неожиданно обернувшись, отсѣкъ мечомъ царю голову и сказалъ: „Се ти моя третьяя отгадка: не смѣйся, поганой, намъ, христіяномъ“ . Затѣмъ его самого выбрали царемъ; онъ велѣлъ призвать патріарха, скрывавшагося въ пещерѣ, и быль имъ вѣнчанъ на царство. Во времѧ вѣнчанія вскипѣло масло, которое держали въ рогѣ надъ головою отрока. Увидѣвши это чудо, всѣ граждане единогласно вскричали: „Многа лѣта государю нашему новому, царю младому Многославу (Добросмыслу, Борзомыслу, Мудросмыслу) Дмитреевичю, многа лѣта!“

Затѣмъ царь велѣлъ патріарху крестить жену убитаго имъ царя, которая была „вѣры латыпскія, земли Римскія“, и ея dochь, „вельми красну осми лѣтъ“ . Когда онѣ были крещены, онъ женился на царевнѣ и назвалъ ее Еупраксіею¹⁾. Незадолго до вѣнчанія онъ велѣлъ призвать къ себѣ изъ темницы 308 (330) человѣкъ купцовъ. Они пришли къ нему въ печальному видѣ: „быша лица ихъ аки земля, власы у нихъ до рамену, брады у нихъ до персей, а лица у нихъ изсохша отъ глада, а голосы ихъ яко пчелиные; лежаша въ ветихъ срапыцахъ до глезну²⁾“. Царь устроилъ для нихъ большой пиръ и съ подарками отпустилъ ихъ домой. Затѣмъ, богато одаривши своего отца, повелѣлъ ему съ честью бхать въ его землю³⁾.

Соберемъ черты, общія этой повѣсти и интересующей насъ былинѣ:

- 1) Обѣ начинаются описаніемъ бури, которую переносятъ торговые корабли.
- 2) Несмѣянъ Гордѣевичъ, самъ эллинской вѣры и имѣюцій жену латинской вѣры, соотвѣтствуетъ еретицѣ, безбожнице Маринкѣ.
- 3) Царь беретъ подъ стражу корабли, засаживаетъ въ тем-

1) Это имя—въ рукописи г. Григорьева.

2) До пять (двойств. ч.).

3) При изложеніи содержанія повѣсти о Басаргѣ и пользовался а) рукописью XVIII в., принадлежащею А. Д. Григорьеву; „Повесть о некоемъ купце и сыновъ его“ находится на лист. 25—36; б) спискомъ, изданнымъ Н. Полевымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1842 г., № 1, стр. 65—75; в) двумя списками, изданными въ Памятникахъ старинной русской литературы. II. 347—356; г) замѣчаніями Пыпина въ Очеркѣ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, 95—98.

ницу „корабельниковъ“ и морить ихъ голодомъ; Маринка къ кораблямъ.—

«ставила своихъ да крѣпкихъ сторожовъ,...
Засадила всѣхъ у нихъ младыхъ матросичковъ;...
Заморить она вѣдь хочетъ все смертью голодною
Еще тѣхъ она нашихъ младыхъ все матросичковъ».

4) Купцу Димитрю въ его бѣдѣ помогаетъ его мудрый сынъ; корабельщикамъ, попавшимъ въ Корсунь, помогаетъ князь Глѣбъ Володьевичъ.

5) Царь обѣщаетъ позволить купцу торговать, если онъ отгадаетъ его три загадки; Маринка обѣщаетъ отдать Глѣбу корабли, если онъ отгадаетъ ея три загадки (таково количество загадокъ въ болѣе арханческомъ пересказѣ, № 80).

6) Есть сходство и въ самыхъ загадкахъ, хотя загадки въ былинѣ болѣе примитивны и наивны, нежели въ повѣсти. Первые двѣ загадки касаются явлений природы: въ повѣсти—смѣна дня и ночи и возмѣщеніе ночью воды, испаряющейся днемъ изъ озеръ и рѣкъ; въ былинѣ—смѣна лѣта и зимы и естественное возникновеніе снѣговъ и рѣкъ:

«А какъ въ лѣтѣ-то было—Господь хлѣбъ дасть,
А въ зимѣ-то зелено—да тутъ вѣдь ель цвѣтеть;...
Безъ кореньца растуть бѣлы снѣги,
Безъ замочековъ-то текутъ да рѣчки быстрыя».

Что касается послѣднихъ загадокъ, то ихъ сходство ограничивается лишь тѣмъ, что обѣ они относятся къ личности состязующихся. Загадка царя: „еже бы поганой не смѣялся“, не имѣть смысла въ его устахъ, и очень возможно, что ее въ болѣе древней редакціи повѣсти задавалъ мальчикъ передъ убийствомъ Несмѣяна, а третья загадка царя была другая. Загадка Маринки относится къ личности Глѣба Володьевича:

«Что у васъ-то это есть да на святой Руси,
У тебя, князь, это есть у широка двора—
Ай стоять-то высока гора, великая;
На горѣ-то есть вѣдь кипарисъ растеть,
А на томъ кипарисъ-деревѣ соколь сидить».

Князь отгадываетъ такъ: гора—конь, кипарисъ—сѣдло, соколь—онъ самъ. Подобная загадка встрѣчается въ повѣсти о

Водотѣ Волотовичѣ: „Выростало великое древо кипарисное... А поверхъ того древа сидить птица кречеть“.

7) Есть сходство и въ отношеніи Добросмысла и Глѣба къ „премудренымъ“ или „хитромудрымъ“ загадкамъ: первый говорить царю: „не велико (или не глубоко) ваше гаданіе“, второй говорить Маринкѣ: „Не хитра твоя загадка хитромудра!“.

8) Наконецъ, и расправа съ притѣснителями купцовъ—однакая въ обоихъ произведеніяхъ: какъ Добросмыслъ собственно ручно отрубаетъ голову царю, такъ и Глѣбъ отсѣкаетъ голову Маринкѣ.

Изъ этого сравненія видно, что повѣсть, известная намъ по рукописямъ XVII в. и былина, дошедшая до насъ въ устахъ пѣвцовъ и сказателей XIX в., находятся въ органической связи между собою.

Оба произведенія восходятъ къ одному и тому же сказанію, несомнѣнно, фантастического характера, которое пріурочивалось къ различнымъ географическимъ районамъ. Такими районами въ повѣсти являются Царьградъ и Антіохія, въ былинѣ—Новгородъ и Корсунь. Является вопросъ, какое изъ этихъ прикрѣплений древище? Отвѣтить на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, будетъ не трудно, если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя противорѣчія между двумя пересказами былины. Прежде, чѣмъ указать эти противорѣчія, я приведу подобныя же разногласія въ географическихъ датахъ былины о Дюкѣ Степановичѣ. Дюкъ выѣзжаетъ то изъ Галича Волынского, то изъ Индіи богатой. Объясняется это тѣмъ, что пѣвецъ первую дату взялъ изъ какихъ-то историческихъ преданій, а вторую—изъ фантастической повѣсти, послужившей основой для былины. Подобного же явленія естественно ожидать и въ былинѣ о Глѣбѣ. Пересказъ Гаврилы Крюкова (№ 80) называетъ море, на которомъ терпятъ бурю корабли, Корсунскимъ, городъ, куда ихъ занесло, Корсунемъ; пересказъ же Аграфены Крюковой (№ 50) называетъ море Арапскимъ, а землю, къ которой забросило корабли, Татарской и Арапской. Извѣстно, что название татаръ въ нашемъ эпосѣ потеряло опредѣленный этнографический смыслъ и свободно замѣняется разныхъ другихъ враговъ Россіи; поэтому названію Татарской земли не слѣдуетъ придавать никакого значенія. Что же

касается Арапской земли, то это название не стоить одиноко: 1) Гаврила Крюковъ начинаетъ былину о томъ, какъ Идолище сватается за племянницу князя Владимира (№ 79), такъ:

«А изъ-за синего моря изъ-за Карьского,
Изъ-за Карьского моря, Арапського
А приходило три черненыхъ три-то карабль.»

Подобнымъ образомъ начинаетъ ту же былину бѣломорскій сказатель Пономаревъ:

«Изъ-за Карьского, изъ-за Арапського
Приходило три караблья три черыяны.»¹⁾

2) Малорусская дума объ Алексѣѣ Поповичѣ начинается описаніемъ бури на Черномъ морѣ:

«Що на Чорному морю... хвиля вставае,
Судна козацькі—молодецьні на три части разбивае:
Перву часть ухопило—у Арабську (уг. Агарску, Агарянську,
Арапскую, Гаранську) землю занесле,
Другу часть схопило—
У Дунай въ гирло забило,
А третя часть тутъ мае,
Посередъ Чорного моря на бистрій хвилі,
На лихій хуртовині
Потонлае.»²⁾

Сопоставленіе здѣсь названій „арабскій“ и „агарській“ объясняетъ намъ значеніе слова „Карьскій“ въ бѣломорской былинѣ: конечно, это—искаженіе, вместо „гарьскій“, агарянскій.

3) Арабская земля упоминается также въ другой малорусской думѣ „Плачъ невольника“:

«Будуть ушками, турки-яничари набігати,
За Червоное море, у Орабськую землю запродати.»³⁾

¹⁾ Эта былина печатается въ I выпускѣ Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссии.

²⁾ Альтоновичъ и Драгомановъ. Историч. пѣсни малорусского народа, I, 176—200; Життецкій. Мысли о пар. малор. думахъ, 235, 233, прил. 2.

³⁾ Альт. и Драг., I, 94. Ср. Сузицовъ. Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ: „Кievская Старина“, т. XLIV, 13 (1894 г. январь); М. Сперанская, Южно-русская пѣсни, Пѣсни Пархоменка, 14.

4) Въ думѣ о плѣнной девушкѣ Маріанкѣ „арабинѣ“ упоминается наряду съ турчиномъ и татариномъ¹⁾.

5) Наконецъ, въ одномъ изъ вариантовъ стиха о Егории-змѣеборцѣ упоминается „Арапинское царство“²⁾.

Название сарацинъ арапами не встрѣчается въ самыхъ древнихъ произведеніяхъ русской литературы. Мы встрѣчаемъ его въ описаніи хожденія въ Палестину Зосимы въ 1420—1 гг. Зосима наряду съ „лютыми срацинами“ упоминаетъ и „злыхъ араповъ“³⁾. Въ посланіи Дмитрійского патріарха къ в. кн. Василію III (до 1533 г.) упоминаются „нечестиві, зловѣні, безбожні и немилостиві Арапляне“. Въ грамотѣ 1668 г. говорится объ „Арапской“ землѣ⁴⁾.

Въ повѣсти о Басаргѣ дѣйствіе происходитъ въ Сиріи, въ приморскомъ городѣ Антіохіи; въ былинѣ упоминается Арапское море и Арапская земля. Эти факты сами собою напрашиваются на сопоставленіе. Очевидно, повѣсть въ своемъ первоначальномъ видѣ представляла эпическое произведеніе изъ эпохи борьбы Византіи съ сарацинами, какъ и греческая поэма о Диогенісѣ, переработанная въ „Девгеніево дѣяніе“. Стѣсненіе греческой торговли, преслѣдованіе христіанской церкви и ея представителя, антіохійскаго патріарха—все это исторические факты X—XI ст. Въ виду этого можно съ увѣренностью сказать, что въ болѣе древнемъ изводѣ повѣсти упоминались не только Антіохія, но и арабы.

Пукино замѣтить, что былина о сватовствѣ Идолища за племянницу князя Владимира, въ Крюковскомъ пересказѣ, изъ котораго я приводилъ начальныя строки, кромѣ Арапскаго моря, говорить также и объ арабахъ, которые прѣѣзжаютъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ Идолищемъ: его послы—„три татарина, да три мурина“. Любопытно, что пѣвецъ отдавалъ себѣ отчетъ въ этомъ названіи: по его объясненію, татаринъ или муринъ—все равно, что арапинъ¹⁾. Слѣдовательно, слово „муринъ“, т.-е. мавръ,

1) Головадцкій, Народныи пѣсни галицкой и угорской Руси, I, 22; Антоно-вичъ и Драгоманова, I, 134—6.

2) Галаховъ, Исторія русской словесности, изд. 2-е, т. I, 248.

3) Пыпинъ, Ист. русской литер. I, 391.

4) Акты исторические. I, 194; IV, 390.

извѣстно нашимъ былинамъ въ своемъ этнографическомъ смыслѣ. Но этотъ терминъ прилагается также къ Ильѣ Муромцу, какъ его прозваніе: въ Волынской губерніи записана у малороссовъ обширная сказка объ Ильѣ Муринѣ, содержащая комбинацію различныхъ похожденій русскаго богатыря, а также и другія наносныя черты ²⁾). Я думаю, что эта замѣнна прозвища нашего „старого казака“ объяснить одно мѣсто въ пересказѣ Аграфены Крюковой, былины о Глѣбѣ. Въ этомъ пересказѣ Илья Муромецъ является въ совершенно неподобающей ему роли „милаго друга“ Маринки, которая дарить ему пошлину съ кораблей. Эту несообразность В. О. Миллеръ объясняетъ тѣмъ, „что Крюкова некстати припомнила другую ей извѣстную былину о боя Ильи Муромца съ сыномъ (№ 4)... Въ архангельскомъ былинномъ репертуарѣ, наряду съ преданіемъ о происхожденіи Подсокольничка отъ связи Ильи Муромца съ бабой Латынгоркой (см. №№ 70 и 94), существуетъ другое о происхожденіи его отъ Ильи и Маринки Кайдаловки“.

Но такую версію въ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ нельзѣ никакъ объяснить: ни въ одномъ изъ многочисленныхъ пересказовъ этой былины не упоминается ни Маринки, ни морской бури, ни пошлинъ, ни кораблей ³⁾), и, по моему мнѣнію, введеніе всей этой обстановки въ былину, описывающую богатырскую заставу среди широкаго поля, можно объяснить лишь вліяніемъ былины о Глѣбѣ Володьевичѣ, где Илья Муромецъ замѣнилъ собою Илью Мурина, а этотъ послѣдній, въ свою очередь,—просто „мурина“. Такимъ образомъ, я предполагаю, что пересказъ Аграфены Крюковой сохранилъ въ искаженномъ видѣ старую черту былины, забытую въ варианте Гаврилы Крюкова. При такомъ предположеніи, необходимо допустить, что въ сказаніи, послужившемъ основой для былины, фигурировалъ начальникъ города „муринъ“ и его любовница, названная въ былинѣ Маринкой.

1) Бѣломорскія былины, стр. 425 и прм.

2) В. О. Миллеръ, Очерки, 379, 406.

3) Я ничто въ виду между прочимъ новыя, еще не напечатанныя, записки мои и А. Д. Григорьева изъ Архангельской губ. и Печорскія былины, Оинчукова, 14, 40.

Остановимся сначала на названіи „муринъ“. Слово „муринъ“, муринъ, муръский“ довольно часто встречается въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв., гдѣ этимъ словомъ переводится греч. Αἴθοψ; въ такомъ же этнографическомъ смыслѣ слово мурина употреблено въ одномъ памятнике XIII стол., а также въ Прологѣ XIV в. („Св. Моисій бѣ Мурина чернь“¹). Но уже въ XIII стол. смыслъ этого слова начинаетъ забываться. Такъ, въ Пандектахъ Никона-Черногорца, по рукописи конца этого столѣтія, слово „мурина“ употребляется въ смыслѣ „страшилище“; въ житіи новгородского епископа Нифонта, по рукописи 1219 г., еще встречается „мюре“ въ смыслѣ „эзопы“, но въ двухъ другихъ мѣстахъ „муриномъ“ названіе бѣсь (очевидно, на основаіи черноты кожи). Въ спискѣ XIV в. тѣхъ же Пандектовъ слово „мурина“ уже замѣнено словомъ „изувѣръ“²). Изъ этого можно заключить, что название мурина, мавръ, было понятно для русскихъ читателей только до XIII стол. Въ XIV стол. самое слово это исчезаетъ. Это соображеніе даетъ нѣкоторыя данія для хронологіи сказанія, послужившаго основой для былины.

Обратимся теперь къ Маринкѣ. Въ повѣсти о Басаргѣ ей соответствуютъ невѣрыя, некрещеная жена царя, не названная по имени, и прекрасная дочь его Евпраксія. Въ нашихъ былинахъ оба имени, Марина и Евпраксія, усвоены сластолюбивымъ и измѣпчивымъ женщипамъ: у обѣихъ—одинъ и тотъ же милый другъ Тугаринъ Змѣевичъ, который, какъ указалъ акад. Веселовскій, въ сказаніи о семи богатыряхъ (здѣсь вместо Апраксіи является царица Елена) живо напоминаетъ половецкаго хана Тугорткана († 1096)³). Очевидно, въ былинѣ о Глѣбѣ Володьевичѣ мурина, изъ которого выпелъ Илья Муромецъ, игралъ ту же роль, что Тугаринъ въ былинахъ обѣ Алешѣ Поповичѣ (гдѣ является Апраксія) и Добрынѣ (гдѣ является Маринка).

Пользуясь этими аналогіями, можно предположительно возсоздать древній видъ былины о Глѣбѣ. Въ теперешнемъ видѣ

¹⁾ Арх. Сергій, Полный мѣсяцесловъ Востока. I. M. 1875. Приложенія, стр. 179. См. также 35, 129, 168.

²⁾ См. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, vv. ss.

³⁾ Южно-руssкія былины, g.X, 371.

былины Илья Муромецъ не играетъ никакой роли; самое его упоминаніе сохранилось какъ безформенный осколокъ древности: Маринка выражаетъ желаніе выйти замужъ за Глѣба Володьевича, но обѣ ея старомъ милою другъ иѣть и помину; былина его вовсе забыла. Для возстановленія конца былины воспользуемся былиной о Добрынѣ и Маринкѣ. Здѣсь обычно разсказывается, какъ Добрыня, желая попасть въ голубей, сидѣвшихъ на теремѣ Маринки, угодилъ стрѣлой въ ея милаго друга, Змѣя Тугарина, и убилъ его. Маринка мстить Добрынѣ тѣмъ, что привораживаетъ его къ себѣ, а потомъ обращаетъ въ тура. Получивши вновь человѣческій образъ, Добрыня жестоко съ ней расправляетъся.

Между двумя былинами замѣчается большое сходство: въ обѣихъ у Маринки есть другъ, въ обѣихъ она предлагаетъ взять ее замужъ; она говоритъ Глѣбу:

«Ты возьми, возьми меня да все въ замужество»,
или:

«А сама-то красна дѣвица за тебя замужъ иду» ¹⁾.

То же самое говоритъ она и Добрынѣ:

«Если ты возьмешь, такъ я замужъ иду
За молодого Добрынушку Никитича.» ²⁾

Наконецъ, обѣ былины оканчиваются расправой съ Маринкой. Въ былинѣ о Добрынѣ желаніе Маринки выйти за него замужъ мотивировано тѣмъ, что, согласившись взять ее въ жены, Добрыня тѣмъ самымъ подвергался опасности быть обернутымъ своей женой въ животное ³⁾, между тѣмъ какъ въ былинѣ о Глѣбѣ иѣть ничего подобнаго; самая злоба на князя мотивирована (въ пересказѣ Агр. Крюковой) крайне странно:

«Она зло-то все несла на Глѣба-та Володьевича,
Потому она-то несла да все вѣдь думала,—
За его-то ей хотѣлось замужъ выйти все.»

¹⁾ Бѣломорскія былины, 253, 433.

²⁾ Гильфердингъ, № 78. То же и въ другихъ пересказахъ.

³⁾ То же самое—въ былинѣ о Потыкѣ: Бѣлом. был. 386, 512; ср. Гильфердингъ, № 5, ст. 192—208.

Эта злоба (выразившаяся въ попыткѣ отравить князя) была бы вполнѣ понятна, если бы князь Глѣбъ убилъ Маринкина друга¹⁾. Если былина содержала этотъ эпизодъ, то ее можно возстановить въ такомъ болѣе старомъ видѣ: Муринь захватываетъ корабли Глѣба; князь ѿдетъ на выручку; Муринь выходитъ ему навстрѣчу; князь его убиваетъ и подъѣзжаетъ къ воротамъ Корсуня; Маринка²⁾ лѣстиво выражаетъ желаніе выйти за него замужъ и подаетъ ему вина съ отравой; князь замѣчаетъ обманъ и убиваетъ ее.

Неудивительно, что пѣвцы забыли личность Мурина, такъ какъ въ такой версіи, которую я сейчасъ изложилъ, онъ не игралъ большой роли.

Что касается послѣдняго эпизода былины, попытки отравить Глѣба, то мы находимъ его въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Добрынѣ. Въ записи изъ Симбирской губ. говорится, что послѣ убіенія Змѣя Притугальника, Марина усадила Добрыню за столъ, налила лютаго зелья и поднесла ему. Добрыня отвѣчаетъ: „Прежде хозяина п попъ не пьетъ“³⁾.

То же самое мы находимъ въ пересказахъ Олонецкой губ. Определенно обѣ отравы разсказывается въ кенозерскомъ варианте:

«Подносила ему чару зелена вина,
А въ чарѣ змѣиной силы положено.
Принимаетъ онъ чару правой рукой,
Подаваетъ кобелю мелединскому,—
Разрываетъ кобеля мелединскаго.
Вынимаетъ онъ саблю вострую,
И отсѣкъ Маринкѣ буйну голову⁴⁾».

Въ другихъ вариантахъ находятся только намеки на отраву. Добрыня проситъ слугъ подать чару зелена вина „оправшую“ (отравшую, съ отравою?); тѣ подаютъ ему саблю, которой онъ убиваетъ Марину⁵⁾. Въ одномъ пересказѣ ядъ замѣненъ соннымъ

¹⁾ Подобно тому какъ сынъ Басенги убиваетъ царя Гордіана.

²⁾ Замѣтимъ, что имя „Марина“ въ основѣ спрѣйское. См. Веселовскаго: Развѣканія въ области русскихъ дух. стиховъ, Спб. 1880. Стр. 77 и прим. 3.

³⁾ Кирѣевскій II, 49.

⁴⁾ Рыбниковъ, I, 173.

⁵⁾ Гильбердингъ, №№ 5. 316; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 86.

питьемъ¹⁾). Даже въ тѣхъ былинахъ, гдѣ чара вовсе не упоминается, Маринка все-таки называется отравницей, зеленьщицей; на окнѣ у нея стоитъ лютое зелье.

Теперь является вопросъ, въ какую эпоху имя Маринки было вставлено въ былину? В. Ф. Миллеръ думаетъ, что „въ былинной Маринѣ-еретицѣ отразилось народное представление объ исторической Маринѣ Мнишекѣ“, имя которой внесено было въ XVII вѣкѣ между прочимъ и въ былину о Глѣбѣ; отмѣчая отчество Маринки „Кайдаловна“ или „Кайдарова“, онъ думаетъ, что „это необычное отчество сохранилось отъ прежней редакціи, какъ принадлежавшее той дѣвицѣ, которая была переименована въ Марину“. Итакъ, В. Ф. Миллеръ предполагаетъ возможнымъ измѣненіе имени безъ измѣненія отчества. Уже само по себѣ такое предположеніе мало вѣроятно; но внесеніе имени Маринки Мнишекѣ въ былины прямо невозможно. Сказителямъ до сихъ поръ очень хорошо известна пѣсня о самозванцѣ, гдѣ Марина опредѣленно называется дочерью Юрія, пана Сеномирскаго (или „Сердобольскаго“—искаженіе, вполнѣ понятное въ устахъ олонецкаго крестьянина). Въ XVII стол. Марина Юрьевна была еще болѣе известна, какъ историческое лицо²⁾, и предполагать, что имя ея безъ отчества было поставлено въ старыя былины подъ отчества „Кайдаловна, Игнатьевна“ или подъ прозвище „съ Бутаришки“, совершенно невозможно. Скорѣе можно думать, что это имя стало уже эпическимъ въ XII—XIII вв., при чёмъ съ течениемъ времени къ нему стали присоединять различныя отчества.

Отчество Маринки, съ которымъ она является въ нашей былинѣ — Кайдаловна, Кайдарова — и прозвище „съ Бутаришки“, я думаю, можно объяснить преданіями времени татарского нашествія. Вспомнимъ, что былинная Маринка — зеленьщица, кореньщица, отравница, волшебница, лиха, зла, лута грозы³⁾; въ „Сказаніи о Батыевомъ приходѣ на Русь“⁴⁾, отличающемся народно-поэтическими чертами, фигурируетъ „жена чародѣйца“, которую Батый посыпаетъ къ рязанскому князю съ требованіемъ десятины во всемъ⁴⁾. Мы знаемъ также, что среди Батыевыхъ вое-

1) Рыбниковъ, I, 173, прим.

2) См. старую запись пѣсни о Разстрѣльѣ у Кирѣевскаго, VII, прилож., стр. 67.

3) Ончуковъ, Печорскія былины, 100, 160.

4) Вс. Миллеръ, Очерки р. народной словесности, 315—6.

водъ были между прочимъ Кайдаръ и Бутарь¹⁾). Весьма вѣроятно, что въ поэтическомъ преданіи чародѣица была связана съ этими именами, т. е. называлась Кайдаровой или Бутаровой, а затѣмъ изъ преданій прозвища чародѣици перешли на безбожницу, разбойницу Маринку, въ былинѣ о Глѣбѣ. Замѣтимъ, что въ былинахъ отразилось иѣсколько имёнъ татарскихъ хановъ XIII стол. Батый, Сартакъ, Тавруль, Кайданъ²⁾, можетъ быть, также Уловчай³⁾, [былинный Ульюшка, зять Батыя⁴⁾,] и Богатуръ⁵⁾ [былинные Батырь Каймановичъ, Батышъ Батурьевичъ, Батуръ Батвесовъ, Батище⁶⁾]. Итакъ, свое отчество Маринка получила въ XIII стол.; раньше она, вѣроятно, его не имѣла.

Остановимся еще иѣсколько на былинномъ сюжетѣ. Дѣйствіе былины происходитъ въ Корсунѣ; отрывокъ ея сохранился у терскихъ казаковъ. Это указываетъ на южное происхожденіе былины. А priori можно предполагать, что въ южной Россіи сохранились какія-нибудь сказанія, близкія къ содержанію былины. Дѣйствительно, значительное сходство съ нею представляеть малорусская дума объ Иванѣ Богуславцѣ⁷⁾. Мѣсто ея дѣйствія—

¹⁾ Иолп. Собр. р. лѣтоп. X, 116.

²⁾ Вс. Миллеръ, оп. с., 322, 449. По былинамъ у Киршип Данилова (стр. 101, 20), Сартакъ—зять царя Калипа, а Салтыкъ Ставрульевичъ называется также Батыевичемъ, т. е. сыномъ Батыя: не есть ли „Салтыкъ“—искаженное имя „Сартакъ“?

³⁾ И. С. Р. Л. X, 141.

⁴⁾ Кирѣевскій, IV, 38.

⁵⁾ Такъ называлъ воевода, покорившій Болгарскую землю и Суздальскую область, въ Ипатской лѣтописи; въ Никоновскомъ спискѣ опять называлъ Батырь

⁶⁾ Кирѣевскій, II, 90; V, 97; Тихоправовъ и Миллеръ, II, 134; Ончуковъ Иечорскія былины, 54, 264. Замѣчу еще, что въ одной бѣлорусской сказкѣ (типа „Царь Салтанъ“: Ромашовъ, Бѣлорусскій сборникъ, VI, 154) говорится о нападеніи невѣрного царя Федора Тырина Бирдзібіловича; имя Федора Тырина зашло въ сказку, конечно, изъ духовнаго стиха, но эпизодъ о нападеніи описанъ въ былинномъ стилѣ: у царя двѣ головы по иному котлу; онъ кричитъ богатырскимъ голосомъ,—весь лѣсъ повялъ, съ дуба листъ посыпался, земля скотолилася, у царя Гвидона палаты задрожали, и стекло изъ оконшекъ повылетѣло отъ Федорова голоса, отъ молодецкаго поэвиста. Гвидонъ проситъ отсрочки на недѣлю; Федоръ даетъ на два часа и грозить городъ спалить, и царя въ полонъ забрать съ его супругой возлюбленной. Имя Бирдзібіяна напоминаетъ имя хана татарскаго Бердебека ([†] 1247).

⁷⁾ Житецкій. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. 220—4; Антоно-ничъ и Драгомановъ. Историческая пѣсни малорусского народа. I, 241—4.

западный берегъ Крыма, городъ Кізлевъ, или Козловъ, т. е. Евпаторія, по-турецки Гёзлефъ.

Въ городѣ Козловѣ стояла каменная темница. Въ той темнице сидѣло семьсотъ казаковъ-невольниковъ. Десять лѣтъ прожили они въ неволѣ. Наступилъ праздникъ Пасхи. Казацкій старшина Иванъ Богуславецъ, гетманъ запорожскій, напомнилъ объ этомъ казакамъ и прибавилъ:

«Може, намъ, братцы, Богъ милосердный буде поиогати,
Чи не будемъ мы съ неволи выступати?»

Рано утромъ встала жена турецкаго Алканъ-паши; спрятавши (?) мужа, она отомкнула темницу и сказала Ивану Богуславцу:

«Боли бъ ты свою вѣру христіанскую поломаль,
А нашу басурманскую на себя браиль,—
Уже бъ ты въ городѣ Козловѣ пановалъ,
Я бъ твоихъ невольниковъ всѣхъ изъ темницы выпускала,
Въ землю христіанскую хорошенко провожала.»

Иванъ согласился взять ее въ жены съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не ругалась надъ его вѣрой. Пани молодая выпустила изъ темницы всѣхъ невольниковъ, проводила ихъ въ христіанскую землю. Прошло семь недѣль. На восьмой недѣль она—

«Стала съ молодыми турецкими панами гуляти,
Стала Иванчевы Богуславцевы христіанскую вѣрою урекати:
«Дывится, панове,
Якій у меня мужъ прекрасныій:
Та вишь у насъ побусурменился для роскоши турецкой».

Услыхалъ это Иванъ, быстро прибѣжалъ къ Черному морю, сѣлъ въ лодку, догналъ казаковъ среди моря и вступилъ на казацкое судно. Молодая пани увидала его и заплакала:

«Бодай тебе Господь милосердныій на семъ свѣтѣ избавиль,
Якъ ты мене, молоденку, зрадиль!»

Когда наступила ночь, казаки вновь пріѣхали въ Козловъ, порубили сонныхъ турокъ, городъ повоевали огнемъ и мечомъ, а Иванъ Богуславецъ изрубилъ молодую пани Алканъ-паши. Поспѣшно казаки отѣхали отъ Козловской пристани и еще до свѣта пріѣхали въ Сѣчь.

Въ такомъ видѣ дошла до насъ эта дума въ записіи, сдѣланной въ началѣ XIX в. отъ „слѣпца Ивана, лучшаго рапсодія Малороссії“¹⁾. Въ 60-ыхъ или 70-хъ гг. этого столѣтія начало этой думы было записано въ Конотопѣ. Главное отличіе этого варианта заключается въ томъ, что Иванецъ Богуславецъ сначала отказался отъ предложенія Кізлевской пани принять басурманскую вѣру; тогда она крикнула на „бісовихъ мурзаківъ“:

«Да візьміть же Іванця Богуславця,
 «Козака рейстрового²⁾, отамана віськового,
 Да звяжіть йому руки сирою сирицею,
 Да положить його передъ праведнимъ сонечкомъ».
 Як стало сонечко пригрівати,
 Стала сирая сирици ссихати,—
 Став Іванецъ Богуславецъ
 Да на пробу кричати:
 «Покидаю віру христіянську підъ ноги,
 А воспрімаю вашу бусурманську на руки».

Тогда Кізлевская пани велѣла мурзакамъ развязать Иванца, взять его подъ руки и ввести въ высокій теремъ:

«Да будемъ пить-гуляти,
 «Мене за його пропивати...»

На этомъ дума обрывается, и для сужденія объ ея концѣ намъ остается одинъ пересказъ старой записи. Нужно думать, что отрывокъ сохранилъ старую черту думы—мученія Ивана,— опущенную въ полномъ пересказѣ, п. ч. эта черта объясняетъ дальнѣйшую месть Ивана, убійство пани, не мотивированное въ старой записи.

Дума объ Иванѣ Богуславцѣ, очевидно, была известна автору „Історії Руссова“. Описывая (хронологически неправильно) походъ запорожского кошевого Скалозуба въ 1583 г., авторъ говоритъ: „Гетманъ, стѣшивши три полка реестровыхъ козаковъ, посадилъ ихъ на лодки, выправилъ въ море подъ камандою писаря войскового запорожского Ивана Богуславца... Писарь Богуславецъ захваченъ былъ турками въ плѣнъ при городѣ Козловѣ; но послѣ запорожцами былъ вырученъ помощію Семиры, жены паші турецкаго, которая выѣхала вмѣстѣ съ Богуславцемъ въ

¹⁾ Житіецкій, оп. с., 178.

²⁾ Въ подлинн. „дністрового“.

Малороссю и была его женою¹⁾). Изъ этой цитаты видно, что автору „Исторіи Руссовъ“ былъ знакомъ довольно плохой пересказъ думы, такъ какъ такая счастливая судьба жены паши вовсе не гармонирует съ образомъ сластолюбивой женщины, легко измѣняющей мужу и жестоко мучащей неподатливаго на ея ласки казака. Но это извѣстіе интересно тѣмъ, что оно даетъ имя жены паши—Семира. Чтобы опредѣлить, насколько можно въ этомъ довѣрять автору „Исторіи Руссовъ“, обратимся къ анализу думы о Марусѣ Богуславкѣ²⁾). По мнѣнію Костомарова, изъ этой думы въ думу объ Иванѣ Богуславцѣ перенесенъ разговоръ съ невольниками: „сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, говорить онъ, и еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ *Богуславецъ* и *Богуславка* произвели это смѣшаніе“. Проф. Житецкій³⁾ возражаетъ на это: „Съ равнымъ основаніемъ, конечно, можно утверждать и обратное. Что касается сходства именъ, то, по нашему мнѣнію, обѣ думы—не что иное, какъ два отрывка изъ недошедшаго до настъ въ цѣлости обширнаго эпоса о судьбѣ дѣтей одного семейства, можетъ быть, проживавшаго въ г. Богуславѣ“. Почему въ Иванѣ и Марусѣ нужно видѣть „дѣтей одного семейства“, г. Житецкій не объясняетъ, а его предположеніе относительно „обширнаго (?) эпоса“, сложеннаго обѣ этомъ семействѣ, представляется совершенно неизвѣроятнымъ. Чтобы опредѣлить отношеніе между двумя сходными думами, необходимо болѣе детальное ихъ сравненіе.

Обѣ думы совпадаютъ даже въ мелкихъ подробностяхъ: та же темница на Черномъ морѣ, тѣ же семьсотъ невольниковъ (въ неволѣ сидѣть они не 10 лѣтъ, а 30), тѣ же разговоры съ ними (вдолженные только въ уста Маруси), то же освобожденіе ихъ въ праздникъ Пасхи. Отличія думы о Марусѣ заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что здѣсь сглажены мѣстныя и историческія черты и удаленъ образъ Ивана Богуславца, при чемъ его прозвище усвоено женѣ „турецкаго пана“ (=паша въ думѣ обѣ Иванѣ): не упоминается Козловъ, не говорится обѣ отъездѣ невольниковъ на судахъ, и иѣть всего конца думы, рассказы-

¹⁾ Антон. и Драгом., I, 243.

²⁾ Два пересказа этой думы, записанные въ Харьковской и Полтавск. губ., напечатаны у Антоновича и Драгоманова, I, 230—5.

³⁾ Ор. с., 220.

вающаго о разореніи Козлова казаками и ихъ возвращеніи въ Сѣчь. Самое яркое доказательство того, что дума о Марусѣ есть переработка думы объ Иванѣ, даютъ слова Маруси:

«Бо вже я потурчилася, побусурменилася,
Для роскоши турецкой».

Въ думѣ объ Иванѣ пани такъ же выражается относительно потурчившагося казака, и это насыщливое ея выраженіе гораздо болѣе у мѣста, нежели здѣсь. Что касается другихъ отличій думы о Марусѣ, то всѣ они находятъ себѣ параллели въ пѣсняхъ о плѣнницахъ. Проф. Жителкій¹⁾ замѣтилъ, что эта дума, сравнительно съ такими пѣснями, представляетъ „не что иное, какъ поэтическую композицію, болѣе сложную, чѣмъ пѣсни,— эти же послѣднія—не что иное, какъ материалъ для самой композиціи“.
Онъ указалъ и самый материалъ: пѣсни о трехъ *поповнахъ*, взятыхъ въ плѣнъ турками, и о „дивкѣ-бранкѣ Марянкѣ“.
Послѣдняя, уведенная въ плѣнъ, пишетъ съ дороги къ отцу письмо:

Нехай тато не сумуе,
Най ми посаг не готове:
Ой вжеж бо я посаг мала
Під явором зелененьким
Тай с турчином молоденъким²⁾.

Можно еще указать пѣсню о двухъ сестрахъ-плѣнницахъ у турокъ. Одна изъ нихъ говоритъ другой:

«Прости, сестро, турка-мужа,
Нехай косу росу утие,
Най до мамки мей пішле:
Най ся мамка не фрасуе,
Най нам віна не готове,—
Бо ми віно утратили
Під явором зелененьким
За турчином молоденъким³⁾.

Изъ подобныхъ пѣсень дума заимствовала слова Маруси, которая проситъ освобожденныхъ ю казаковъ передать ея отцу и матери:

«Нехай мій батько добре дбае,
Гуртів, великихъ маєтків нехай не збувае,

¹⁾ Ор. с. 142—3, 139.

²⁾ Альтоновичъ и Драгомановъ. I, 135.

³⁾ Ibid., 85.

Великих скарбів не збірає,
 Та нехай мене, дівки бранки,
 Марусі, попівни Богуславки,
 З неволі не викупає:
 Бо вже я потурчилася, побусуренилася,
 Для роскоши турецької».

Изъ предыдущаго достаточно выяснилось отношеніе одной думы къ другой. Можно еще прибавить, что роль жены Алкань-паши является гораздо болѣе естественной, нежели роль Маруси: первая „поховала своего мужа“ и изъ страсти къ Ивану согласилась выпустить невольниковъ; поведеніе же второй недостаточно мотивировано: 1) почему она раньше не выпускала невольниковъ, которые сидѣли въ тюрьмѣ 30 лѣтъ? 2) какъ отнесся „турецкій панъ“ къ ея поступку, вернувшись изъ мечети?

Въ двухъ пересказахъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ женская личность рѣшительно несимпатична; въ пересказѣ, бывшемъ у автора „Исторіи Руссовъ“, эта личность является уже въ болѣе свѣтлыхъ чертахъ: Иванъ женится на ней и увозить ее на родину (этотъ разсказъ указываетъ, конечно, на забвеніе конца думы). Такой образъ жены паши могъ служить переходнымъ звеномъ для дальнѣйшей передѣлки думы. Имя *Семиры* авторъ „Исторіи Руссовъ“ едва ли не передѣлалъ изъ *Марисси*,—форма, которую можно предполагать на основаніи извѣстныхъ намъ изъ пѣсенъ именъ Маруси и Маринки.

Жена турецкаго паши въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ представляетъ собою типъ измѣнчивой женщины: она измѣняетъ своему мужу изъ страсти къ Ивану, а черезъ семь недѣль уже гуляетъ съ молодыми турками. Въ великорусскихъ былинахъ мы знаемъ иѣсколько подобныхъ типовъ, таковы: княгиня Апраксія въ былинахъ объ Алешѣ Поповичѣ и о сорока каликахъ, невѣста Ивана Годиновича ¹⁾, жена Потыка ¹⁾, и, наконецъ, Маринка, любовница Добрыни. Изъ этихъ женщинъ болѣе всего подходитъ къ нашему типу послѣдняя, но еще болѣе близкое сходство оказывается между женой турецкаго паши и Мариной Кайдаровой.

¹⁾ Въ „Печорскихъ былинахъ“ Ончукова и та, и другая называются „душкой Маринкой, лебедью бѣлою“, стр. 241, 317.

Отмѣтимъ сходныя черты былины о Глѣбѣ Володьевичѣ и думы объ Иванѣ Богуславцѣ. Прежде всего, дѣйствіе и той, и другой происходитъ на западномъ берегу Крыма—въ Корсунѣ и въ Евпаторіи. Въ темницѣ сидятъ невольники—въ былинѣ матросы, въ думѣ казаки. Алкань-пашъ въ былинѣ соотвѣтствуетъ Илья Муромецъ, замѣнившій собою какого-то „мурина“; ни тотъ, ни другой не играютъ роли въ ходѣ разсказа: какъ былина забываетъ о существованіи Ильи Муромца, когда Маринка сватается за Глѣба, такъ и жена паши, „поховавши“ своего мужа, болѣе о немъ не думаетъ и сватается за Ивана. Далѣе въ обоихъ произведеніяхъ слѣдуетъ отпускъ невольниковъ. Въ концѣ былины и думы замѣчается большая разница. Былина быстро приводить разсказъ къ развязкѣ: Маринка пытается отравить Глѣба, который ее и убиваетъ; жена паши только насмѣхается надъ тѣмъ, что Иванъ „побусурменился“ изъ-за нея. Послѣ того слѣдуетъ отъездъ его на судно къ казакамъ, а затѣмъ уже разореніе Козлова и убийство жены папи. Нужно замѣтить, что конецъ думы болѣе похожъ на пересказъ былины, записанный отъ А. М. Крюковой нежели на пересказъ Г. Л. Крюкова. И тамъ, и здѣсь мы видимъ разореніе и ограбленіе города и возвращеніе на родину.

Изъ сравненія былины съ думой можно вывести то заключеніе, что первая послужила прототипомъ для второй, а такъ какъ дума объ Иванѣ Богуславцѣ была сложена въ XVII в., то отсюда ясно, что въ это время былина была известна въ Южной Россіи. Изъ того же сравненія двухъ произведеній видно, что въ прототипѣ думы игралъ иѣкоторую роль мужъ (или любовникъ) властительницы города, т.-е. та личность, которая въ пересказѣ А. М. Крюковой называется Ильей Муромцемъ. Эта личность въ повѣсти о Басаргѣ играетъ еще болѣе важную роль, но нужно думать, что былина, выдвинувъ на первый планъ образъ дѣвицы, властительницы приморского города, мало-по-малу затушевывала ея „милаго друга“, а пересказъ Г. Л. Крюкова вовсе о немъ позабылъ.

Обратимся къ историческимъ чертамъ былины о князѣ Глѣбѣ. Самая важная данная для сужденія о мѣстѣ и времени сложе-

нія былины даютъ географическія названія—Корсунь и Новгородъ—и имя героя.

Попытку выяснить личность Глѣба Володьевича даетъ проф. В. О. Миллеръ въ указанной выше статьѣ. Указывая какъ на прототипъ былинного героя—на св. Глѣба, сына князя Владимира, В. О. Миллеръ исходитъ „изъ того убѣжденія, что сохраниться въ народномъ преданіи и стать эпическимъ могло только имя популярнаго князя, извѣстнаго и намъ безъ всякихъ справокъ въ историческихъ источникахъ“. Трудно согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Развѣ мы знали бы имя Роланда, если бы онъ не сдѣлался героемъ французскаго средневѣковаго эпоса? Точно также, развѣ герои русскихъ былинъ: Ставеръ, Садко, Александръ Поповичъ, Добрыня Рязаничъ, Самсонъ Колывановичъ и многие другіе—были давно извѣстны безъ дальнихъ справокъ? Ясное дѣло, что пѣвцы выбирали героеvъ для своихъ произведеній, не спрятываясь съ историческимъ значеніемъ тѣхъ или другихъ личностей. Проф. Миллеръ не ищетъ въ былинѣ чего-нибудь, напоминающаго извѣстные намъ факты изъ жизни св. Глѣба; дѣйствительно, ничего подобнаго и нѣтъ. Но не было ли исторического лица, отвѣчающаго былиннымъ даннымъ?

Мы знаемъ новгородскаго князя Глѣба, который, дѣйствительно, ходилъ съ войскомъ на Корсунь. Извѣстіе объ этомъ походѣ сохранилось у Татищева и у итальянскаго писателя Одрико, который, по порученію императрицы Екатерины II, занимался исторіей генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Походъ на Корсунь относится ко времени царствованія византійскаго императора Михаила VII Дуки (1071—1078), когда онъ находился въ очень затруднительномъ положеніи: турки-сельджуки завладѣли греческими областями въ Азіи; въ 1073 году возстали болгары, и греческія войска потерпѣли цѣлый рядъ пораженій; въ слѣдующемъ году снова поднялись придунайскіе города, нашедши помощь въ лицѣ печенѣговъ. Естественно, что Михаилу пришлось просить у русскихъ князей помощи для охраненія пограничныхъ греческихъ областей. Вотъ къ этому-то времени относится слѣдующее извѣстіе Татищева:

„Михаиль, царь греческій, иже... отъ Болгаръ побѣжденъ, и корсуняне ему отреклися, прислали къ Святославу пословъ со многими дарами и обѣщаніемъ, прося его и Всеволода о помощи

на болгаръ и корсунянъ. Святославъ же, согласяся со Всеволодомъ... Владимира-сыновца и съ нимъ сына Глѣба послалъ на корсунянъ⁴.

Это извѣстіе подтверждается свидѣтельствомъ Одерико: „Жители этого города (Херсонеса), соперники Феодосіи и Судака (rivaux de Kaffa et de Soldaya), не имѣя возможности получить отъ императора нѣкоторыя торговые привилегіи, возстали противъ его власти. Онъ призвалъ противъ нихъ великаго князя русскаго, Всеволода, который послалъ туда сыновей Владимира и Глѣба.“

Одерико называетъ Глѣба сыномъ Всеволода, вѣроятно, потому, что въ своемъ источнике смѣшалъ слова: „сынъ“ и „сыновецъ“ (племянникъ). Справедливость извѣстій Татищева и Одерико подтверждается также тѣмъ, что вскорѣ послѣ 1065 года жители Корсуня убили своего катапана (правителя области), отравившаго тмутороканскаго князя Ростислава; это указываетъ на то, что корсуняне возмутились противъ императорскаго намѣстника, или, по выражению Татищева, „отреклися“ отъ императора. Затѣмъ намъ извѣстны два посланія императора Михаила VII къ неизвѣстному по имени русскому князю; въ этихъ письмахъ Михаилъ предлагаетъ руку своего брата Константина дочери русскаго князя и просить вмѣсть съ тѣмъ послѣдняго „быть стражемъ византійскихъ границъ, щадить область, подвластную имперіи, быть союзникомъ и дѣйствовать заодно во всемъ и противъ всѣхъ“¹⁾.

Акад. Васильевскій, сдѣлавшій критический анализъ этихъ извѣстій, относитъ походъ на Корсунь къ 1073 году, на томъ основаніи, что обѣ этомъ походѣ не упоминаетъ Владимиръ Мономахъ, перечисляя въ своемъ Поученіи свои подвиги съ 1073 года. Правда, опредѣленно о походѣ на Корсунь здѣсь не говорится, но зато упоминается о помощи Глѣбу въ 1077 г. „И Святославъ умре (27 декабря 1076 г.), и язъ пакы (идохъ) Смолиньску, а ис Смолиньска той же зимѣ (1077 г.) та къ Новугороду, на весну — Глѣбови въ помочь (1077 г.), а на лѣто

1) Извѣстіе Татищева приведено и подтверждено **Васильевскимъ** въ его ст. „Русско-византійские отрывки“, Ж. М. Н. № 12, стр. 292—6. Эти выводы повторены г. **Сениковымъ**: „Историко-критическая изслѣдованія о новгородописяхъ и о Российской Исторіи В. Н. Татищева“, стр. 332—4.

со отцемъ подъ Полтескъ". Изъ этого отрывка видно, что зимою 1077 г. Владимиръ пріѣхалъ въ Новгородъ, а весною того же года помогалъ своему двоюродному брату въ какомъ-то предпріятіи. Если обратить вниманіе на то, что извѣстіе о походѣ на Корсунь Татищевъ помѣщаетъ подъ 1076 г., то становится ясно, что эти два сообщенія относятся къ одному и тому же событію. Разноголосицы указаній времени въ одинъ годъ обычны въ старыхъ лѣтописяхъ, и потому Татищевскій годъ не можетъ возбуждать недоумѣнія.

Болѣе затрудненій представляетъ то обстоятельство, что виновникомъ похода Татищевъ выставляетъ кievскаго князя Святослава, который умеръ еще въ 1076 году. Но дѣло въ томъ, что Татищевъ соединяетъ въ своеемъ разсказѣ, очевидно, иѣсколько свѣдѣній, при чмъ извѣстіе о послольствѣ Михаила къ Святославу онъ, вѣроятно, почерпнулъ изъ византійскаго источника, между тѣмъ какъ краткое извѣстіе о походѣ на корсунянъ онъ нашелъ въ лѣтописи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ стариинное слово „сыновецъ“, очевидно, не понятое итальянцемъ Одерико. Послѣдній имѣлъ, вѣроятно, ту же лѣтопись, чтѣ Татищевъ; но интересно, что онъ въ качествѣ виновника похода упоминаетъ одного только князя Всеволода. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ его источникѣ о Святославѣ не упоминалось; т. о., походъ могъ происходить уже послѣ смерти Святослава.

Итакъ, въ 1077 году Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ и Глѣбъ Святославичъ были посланы на Корсунь для усмиренія возмутившихся гражданъ. Вотъ объ этомъ послѣднемъ князѣ, по моему мнѣнію, и сохранилась память въ былинномъ Глѣбѣ Володьевичѣ. Относительно Глѣба имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

До 1064 года онъ сидѣлъ въ Тмуторокані, откуда былъ выгнанъ новгородскимъ княземъ Ростиславомъ. Святославъ вступился за сына и посадилъ его снова въ Тмуторокані, но Ростиславъ снова его выгналъ, и Глѣбъ принужденъ былъ отправиться къ отцу. Въ 1065 г. Ростиславъ былъ отравленъ, и, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого Глѣбъ снова явился въ Тмуторокань; въ 1067 году, когда Всеславъ Полоцкій захватилъ Новгородъ, мы тамъ не видимъ Глѣба, а, наоборотъ, имѣемъ извѣстіе о томъ, что въ слѣдующемъ году онъ былъ въ Тмуторокані и „мѣриль море по леду отъ Тѣмутороканя до Кърчева“ (Керчи).

Въ 1069 году видимъ Глѣба уже въ Новгородѣ: онъ съ новгородцами сражается противъ Всеслава и одерживаетъ блестательную победу. Въ 1074 г., 1 мая, онъ присутствуетъ съ отцомъ при кончинѣ Феодосія Печерскаго и прощается съ нимъ.

Относительно кончины Глѣба имѣется два новгородскихъ извѣстія: одно говоритъ, что въ 1079 г. „убиша за Волокомъ князя Глѣба мѣсяца маія въ 30“¹⁾. Это—современная лѣтописная замѣтка. Другое извѣстіе находится въ перечисленіи новгородскихъ князей; здѣсь мы читаемъ: „И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша (и) изъ града, и бѣжа за Волокъ, и убиша и Чудь“¹⁾.

Кромѣ того, имѣется и кievское извѣстіе въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“: „Въ се же лѣто (6586==1078) убъєнь бысть Глѣбъ, сынъ Святославъ, въ Заволочії. Бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тицанье имѣя къ церквамъ, тепль на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ. Его же тѣло положено бысть Черниговѣ за Спасомъ мѣсяца іуля 23 день.“

Таковы современные извѣстія лѣтописи о князѣ Глѣбѣ. Въ нихъ онъ изображается храбрымъ, красивымъ, добрымъ, религіознымъ и любознательнымъ: онъ мѣрить ширину Керченского пролива и ставить каменный столбъ, на которомъ высѣкаетъ свѣдѣніе о результатѣ своего промѣра. Но для насть особенное значение имѣютъ свѣдѣнія объ этомъ князѣ, записанныя по преданію. Сюда относится разсказъ Повѣсти временныхъ лѣтъ о его столкновеніи съ новгородскимъ волхвомъ. Разсказъ этотъ, вѣроятно, записанъ лѣтописцемъ незадолго до 1116 года, а въ лѣтопись вставленъ подъ 1071 годомъ; слѣдовательно, кievской лѣтописецъ записалъ преданіе, обращавшееся въ народѣ около 40 лѣтъ. Описавши нѣсколько случаевъ появления волхвовъ, лѣтописецъ продолжаетъ: „Такой же волхвъ явился при Глѣбѣ въ Новгородѣ. Онъ проповѣдывалъ народу, выдавая себя за Бога, и многихъ привлекъ, чутъ не весь городъ; онъ говорилъ: „я все знаю“, и хулилъ христіанскую вѣру; онъ говорилъ: „я перейду по Волхову предъ всѣми“. Былъ мятежъ въ городѣ, всѣ ему повѣрили и хотѣли погубить епископа. Епископъ, взявши крестъ и облекшись въ ризы, выступилъ и сказалъ: „Кто хочетъ вѣрить

¹⁾ Новгородская лѣтопись по Синодальному харат. списку, 117, 439.

волхву, пусть идетъ на его сторону, а вѣрющіе пусть идутъ ко кресту". И раздѣлились надвое: князь Глѣбъ и дружина его пошли и стали около епископа, а весь народъ отошелъ на сторону волхва, и среди толпы было большое смятеніе. Глѣбъ же, взявши топоръ подъ полу, подошелъ къ волхву и сказалъ ему: „Знаешь ли, что будетъ завтра и сегодня до вечера?". Тотъ отвѣчалъ:—Всё знаю.—И сказалъ Глѣбъ: „А знаешь ли, что будетъ сейчасъ?"—Я сотворю большія чудеса—сказалъ онъ. Глѣбъ же, вынувъ топоръ, разрубилъ его, и онъ палъ мертвымъ, а народъ разошелся. А онъ погибъ тѣломъ и душою, предавшись діаволу".

Въ этомъ разсказѣ Глѣбъ выступаетъ эпическимъ героемъ, загадывающимъ загадки, и немного напоминаетъ находчиваго Глѣба Володьевича, расправившагося съ Маринкой. Очевидно, что личность князя Глѣба была популярна и могла послужить основой для былины.

Теперь я остановлюсь на одномъ мелкомъ искаженіи былины. Отчество былиннаго Глѣба не соотвѣтствуетъ отчеству „Святославичъ". Смѣщеніе именъ въ былинахъ—дѣло обычное. Но въ данномъ случаѣ, по моему мнѣнію, мы имѣемъ дѣло не съ поздней, случайной путаницей, но со старымъ смѣшеніемъ двухъ героевъ одного и того же похода. На Корсунь былъ отправленъ не одинъ Глѣбъ, но со своимъ двоюроднымъ, младшимъ братомъ Владимиромъ Всеволодовичемъ. Поэтому можно предполагать, что прототипъ нашей былины имѣлъ двухъ героевъ, изъ которыхъ упѣтъ только одинъ¹⁾, старший, новгородскій князь, а двадцатичетырехлѣтній Мономахъ (род. 1053 г.) оставилъ по себѣ память однимъ отчествомъ: „Володовичъ" изъ „Всеволодовичъ". Интересно, что первый слогъ въ отчествѣ Мономаха оказалъ вліяніе на отчество эпического князя Владимира, который обычно называется *Всеславичемъ*, а не *Святославичемъ*. Возможно, что отчество Мономаха перешло въ нашу былину изъ южныхъ гѣсенъ обѣ этомъ популярномъ князѣ, давшемъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько капель крови въ жилы Владимира Краснаго Солнышка. Есть нѣсколько указаній на то, что въ XII—XIII ст. передава-

¹⁾ Подобное явленіе мы замѣчаемъ, сравнивая сказаніе о семи богатыряхъ съ позднѣйшими записями былины обѣ Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ.

лись поэтическія преданія о походахъ Мономаха на югъ. Такъ, Слово о погибели Русской земли говоритъ о томъ, что половцы носили ему своихъ дѣтей въ колыбели, венгры утверждали каменные города желѣзными воротами, чтобы онъ въ нихъ не вѣхалъ, а Мануиль Царьградскій посыпалъ ему большиe дары, изъ опасенія, чтобы онъ не взялъ у него Царьграда. Есть преданія и о походѣ Мономаха въ Крымъ. Такъ, Герберштейнъ, описывая обрядъ коронованія московскихъ великихъ князей, говоритъ слѣдующее о происхожденіи бармы: „Владимиръ отнялъ ихъ у одного генуэзскаго правителя Кафы, побѣжденного имъ“.¹⁾ Болѣе подробно это преданіе описывается Стрыковскимъ: Владимиръ Мономахъ разбилъ поганыхъ половцевъ и генуэзцевъ, которые тогда владѣли Крымомъ, и взялъ у нихъ славный городъ Кафу, или Феодосію. Въ другой разъ онъ столкнулся съ генуэзцами надъ моремъ и вызвалъ ихъ начальника, кафинскаго старѣйшину. Когда они сѣхались, Владимиръ вышибъ его коньемъ изъ сѣда, схватилъ его, связалъ и привель къ своему войску. За то, что онъ сразился съ непріятелемъ одинъ-на-одинъ, въ честномъ поединкѣ, его прозвали по-гречески Мономахомъ. Петрей также упоминаетъ о битвѣ великаго князя Мономаха подъ Кафой—съ татарами. Наконецъ, Герера передаетъ преданіе о сраженіи русскаго князя „Володомѣра“ съ генуэзскимъ консуломъ, который правилъ городомъ Феодосіей ¹⁾.

Итакъ, и имя, и отчество бывшаго героя находять себѣ объясненіе въ историческихъ фактахъ XI ст. Попытаемся отвѣтить на вопросъ: почему обязано появленіе въ былинѣ ея героини? Отчества Маринки, какъ я уже указалъ, объясняются наслѣніемъ историческихъ сказаний времени татарскаго нашествія; очевидно, они налагли на нечто болѣе древнее, и слѣдовательно, имя Маринны находилось въ пѣснѣ раньше XIII в. Пока нельзя решить, вошло ли оно туда изъ историческихъ преданій или проникло литературнымъ путемъ. На основаніи сравненія былины съ повѣстью о Басаргѣ скорѣе можно вывести заключеніе, что типъ Маринки выработался на русской почвѣ. Но были ли какія-либо мѣстные условія для выработки этого типа, пока тоже остается не решеннымъ вопросомъ. Можно только указать, что

1) См. Жданова, Русскій былевой эпосъ, 119—121.

и былина, и малорусская дума выставляют типъ самостоятельной женщины, играющей большую роль въ общественныхъ дѣлахъ своего города. Что касается думы, то она довольно правдоподобно описываетъ крымскую женщину высшаго класса, которая пользовалась сравнительной независимостью, оказывала большое влияніе на своихъ мужей, а иногда позволяла себѣ и самовольничать¹⁾. Былина въ этомъ отношеніи, быть можетъ, тоже не идетъ въ разрѣзъ съ исторіей. Жены греческихъ правителей въ крымскихъ городахъ, повидимому, принимали участіе въ управлѣніи; по крайней мѣрѣ, известна печать Феофано, жившей въ XI или XII в., „архонтисы РОСІИ“. Послѣднее название проф. Кулаковскій объяснилъ какъ старое название города Керчи²⁾. Печати, какъ известно, привѣшивались къ грамотамъ, а послѣднія нужны были или для торговыхъ, или для административныхъ дѣлъ.

Теперь остановимся на историко-бытовыхъ чертахъ былины. Особенно упираетъ былина на громадныя пошлины, которыя Маринка собираетъ съ кораблей въ Корсунѣ. Это мѣсто въ пересказѣ Г. Л. Крюкова читается такъ:

Они какъ вѣдь въ гавань заходили—брала пошлину,
Паруса ронили—брала пошлину,
Якори-ти бросали—брала пошлину,
Шлюпки на воду спускали—брала пошлину,
А какъ въ шлюпочки садились—брала пошлину,
А къ мосту приставали—мостову брали,
А какъ по мосту шли, да мостову брали,
Какъ въ таможню заходили, не протаможила;
Набирала она дани-пошлины немножко, немало—сорокъ тысячей.

Менѣе подробно то же изложено въ пересказѣ А. М. Крюковой и въ отрывкѣ изъ Терской области:

Якоря-то они спускали въ воду—брала пошлину,
Ай мосты они мостили—мостово брали.

Иначе:

¹⁾ Автоновичъ и Драгомановъ, оп. с., 226, 236, 244.

²⁾ Извѣстія XI Археологическаго съѣзда въ Киевѣ, 1899, стр. 160. См. также Разысканія въ обл. р. дух. стиховъ, акад. Веселовскаго. Спб. 1889. Приложенія, стр. 100.

Корабль по порю бѣжитъ—она пошлину съ него брала,
Корабль къ яру подвигался—она другую съ него брала,
Корабль на ярь выгружался—она третію брала.

Это негодованіе на торговыя пошлины переносить нась къ тому времени, когда онѣ, очевидно, только-что были введены. Изъ договоровъ Олега и Игоря известно, что въ X стол. въ предѣлахъ Византійской имперіи русскіе купцы не платили пошлинъ за товары. О существованіі обычая брать пошлины въ русскихъ городахъ говорятъ источники XII вѣка. Отсюда можно заключить, что торговыя пошлины начали взимать въ предѣлахъ распространенія русской торговли въ XI вѣкѣ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что разбираемый нами эпизодъ составляетъ исконную принадлежность пѣсни о Глѣбѣ. Описаніе пошлинъ соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ. Издавна пошлину брали за проѣздъ черезъ мосты. Эта пошлина въ былинѣ называется „мостовое“ или „мостовая“; въ грамотахъ XII—XIV вв. она именуется „мостовщиною“. Точно также, упоминаемая въ былинѣ пошлина за право пристать къ берегу (яру) дѣйствительно существовала, и въ ханскихъ ярлыкахъ носить название „побережнаго“; штрафъ за уклоненіе платить товарную пошлину назывался „протаможьемъ“; очевидно, этотъ терминъ въ искаженномъ видѣ сохранился въ былинномъ выраженіи „не протаможила“¹⁾.

Переходимъ къ выясненію вопроса объ отношеніи князя Глѣба къ кораблямъ, захваченнымъ въ Корсунѣ. Изъ былины видно, что корабельщики были княжескими агентами, производившими торговыя операциіи по довѣренности. Извѣстно, что князья южныхъ областей, собирая дань преимущественно натурою, обладали значительными товарами и нерѣдко отправляли ихъ за границу со своими купцами или „съ добрыми людьми“, кому они вѣрили. Именно въ роли защитника своихъ купцовъ выступаетъ Глѣбъ. Опять былина переносить нась къ тому времени, когда военные предпріятія князей имѣли цѣлью установленіе порядка, способствующаго ихъ торговымъ интересамъ, т. е. къ XI вѣку. Обратимъ вниманіе на одну подробность былины: корабельщики везли въ подарокъ князю перчатки; Маринка ихъ отобрала:

¹⁾ См. мои Бытовыя черты р. былинъ, 28; Аристовъ, Промышленность древней Руси, 224, 230.

А да взяла она трои рукавочки,
 Что да тѣ трои рукавочки, трои иерчаточки;
 А какъ эти перчаточки онъ сплты были, не вязаны,
 А вышиваны-ти были краснымъ золотомъ,
 А высаживаны дорогимъ-то скатнымъ жемчугомъ,
 А какъ всажено было каменье самоцвѣтное.
 А какъ первы-ти перчатки во пятьсотъ рублей,
 А други-ти перчатки въ цѣлу тысячу,
 А какъ третьимъ перчаткамъ цѣны не было.

Это указаніе былины имѣть бытовое основаніе. Изъ грамотъ XIII в. известно объ обычай пріѣзжихъ купцовъ совершать подношенія князьямъ, а также лицамъ, замѣняющимъ ихъ, — тѣнамъ и посадникамъ; подносили пѣнныя матеріи или „персчатыя рукавицы“. Этотъ обычай въ особенности былъ распространенъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ существовалъ только въ древнѣйшее время, въ періодъ могущественнаго положенія князей¹⁾). Объ этомъ обычай сохранилась память также въ былинѣ о Соловѣ Будимировичѣ; но Соловей подносить князю не перчатки, а камку и драгоцѣнныя металлы и камни. Сборъ съ купцовъ въ пользу князя былъ вознагражденіемъ за ту охрану, которую давалъ онъ съ своей дружиной купеческимъ караванамъ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ обстоятельствомъ, Глѣбъ Володьевичъ, какъ только узнаетъ о притѣсненіяхъ, которыхъ терпятъ корабли въ Корсунѣ, тотчасъ же идетъ ихъ выручать.

Вотъ всѣ историческія черты, сохранившіяся отъ древнѣйшаго вида былины въ современныхъ ея пересказахъ; но и этихъ немногихъ чертъ достаточно, чтобы судить о времени ея сложенія.

Въ заключеніе подведемъ итоги нашихъ замѣчаній о былинѣ:

1) По поводу похода двухъ князей на Херсонесъ въ 1077 году возникли пѣсни, которыя прославляли ихъ за успѣшную защиту русскихъ торговыхъ судовъ, терпѣвшихъ притѣсненія со стороны администраціи города.

2) Главнымъ героемъ этихъ пѣсень былъ старшій изъ двоюродныхъ братьевъ, князь тмутороканскій и новгородскій, Глѣбъ Святославичъ; въ былинѣ сохранилось его имя.

3) Отчество былиннаго героя, Глѣба Володьевича, усвоено было ему позднѣйшими пересказами пѣсни, которые отвлекли

¹⁾ Бытовыя черты р. былинъ, 27—29; Никитскій, Исторія экономического быта В. Новгорода, 136, 160; ср. 145, 151.

это отчество отъ имени другого участника похода, Владимира Мономаха: Володьевичъ = Всеволодовичъ.

4) Историко-бытовыя черты, сохранившіяся въ былинѣ, подтверждаютъ мнѣніе о ея возникновеніи, въ первоначальномъ видѣ, въ концѣ XI вѣка.

5) Въ эпоху татарскаго нашествія герояня былины, Марина, получаетъ отчество „Кайдаровна“, отвлеченное отъ имени хана Кайдара, упоминаемаго въ южной лѣтописи, но не извѣстнаго сѣвернымъ лѣтописцамъ.

6) Поэтическій сюжетъ былины восходить къ неизвѣстному византійскому сказанію, остаткомъ котораго является передѣланная съ греческаго повѣсть о Басаргѣ; мѣсто дѣйствія этой повѣсти, приморскій городъ Антіохія, перенесено на другой приморскій городъ—Херсонесъ. Былина возникла въ предѣлахъ сильнаго византійскаго вліянія, во всякомъ случаѣ—въ южной Россіи.

7) Изъ географическихъ указаній былины, одни сохранили названія, бывшія въ иноземномъ ея оригиналѣ (Арапская земля, „Муромецъ“ вмѣсто „Муринъ“), другія свидѣтельствуютъ о прикрепленіи иноземнаго сказанія къ русской почвѣ (Корсунь, Новгородъ).

8) Въ началѣ XVII в. былина еще была извѣстна на югѣ: она послужила оригиналомъ малорусской думы объ Иванѣ Богуславцѣ.

9) Записанная у терскихъ казаковъ пѣсня о Маринѣ Кайдаровой представляетъ собою искаженное начало былины о Глѣбѣ Володьевичѣ; эта пѣсня болѣе точно сохранила отчество Маринѣ, искаженное во всѣхъ другихъ былинахъ, упоминающихъ Маринку (Кайдаловна, Кайдаловка, Калайдашина).

Нѣкоторые изъ частныхъ выводовъ должны пока считаться предположительными.

Когда статья была уже набрана, явился новый матеріалъ, позволяющій сдѣлать къ ней нѣкоторыя добавленія. Въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ“ 1904 г., т. IX, кн. 2, акад. А. Н. Веселовскій приводить „несколько данныхъ къ повѣсти о Басаргѣ“. Я приведу

тѣ замѣчанія г. Веселовскаго и тѣ новыя рукописныя данныя, которыя имѣютъ отношенія къ высказаннымъ мною догадкамъ.

Мое мнѣніе о замѣнѣ Царьграда Киевомъ подтверждается соображеніями акад. Веселовскаго, который, пользуясь новою рукописью повѣсти, рѣшаетъ, что Киевъ, какъ мѣсто, откуда выѣзжаетъ Басарга, принадлежитъ русскому пріуроченію. Эта рукопись начинается такъ: „Бысть нѣкій купець Димитрій Басарга, женихъся въ Русской земли, во градѣ Кіевѣ“; онъ єдетъ—изъ Киева; когда внослѣдствіи Борзосмыслъ посылаеть отца за матерью, онъ отправляется—„въ преславнѣйши Царьградъ“ (стр. 66).

Относительно города, куда занесло корабли Басарги, мнѣ было извѣстно указаніе г. Пыпина, что въ одной рукописи этотъ городъ названъ Антіохіей. Акад. Веселовскій приводить выписку изъ этой рукописи, где название Антохіи встрѣчается четыре раза, а также изъ рукописи, принадлежавшей Тихонравову, где упоминается „Антіохійское царство“. Эта рукопись замѣчательна своимъ началомъ, не встрѣчавшимся въ другихъ: здѣсь разсказывается о томъ, что въ Антіохіи царствовалъ 17 лѣтъ Аркадій; онъ тамъ умеръ и погребенъ былъ патріархомъ Амфілохіемъ. По смерти Аркадія греки съ патріархомъ отправили пословъ въ Римъ и просили отпустить къ нимъ въ цари епарха Несміяна Гордаго. Несміянъ согласился на ихъ просьбу и вмѣстѣ съ римлянами прїѣхалъ въ Антіохійское царство. По дьявольскому наважденію, онъ прельстилъ грековъ, а потомъ сталъ отнимать у нихъ пищу, питье, золото и серебро, привлекая ихъ къ латинской вѣрѣ. Это введеніе объясняетъ слова дочери Несміяна (въ двухъ рукописяхъ), которая говоритъ о себѣ, что она—вѣры латинской, земли римской (стр. 67—68).

Акад. Веселовскій приводить также выписки изъ особой редакціи повѣсти; эту редакцію овь считаетъ новой стилистической обработкой, произшедшей въ XVII вѣкѣ. Здѣсь является нѣсколько новыхъ имёнъ: сынъ Басарги называется Форсомъ; патріархъ названъ св. Нектаріемъ. Является новое пріуроченіе: мѣсто дѣйствія повѣсти—„Венецѣя великаль“, хотя она смыслается съ Киевомъ. Всѣ ли особенности этой рукописи представляютъ позднѣйшую переработку, на этотъ вопросъ акад. Веселовскій не рѣшается дать категорического отвѣта: „Что изъ отличій этой распространенной редакціи повѣсти окажется при-

надлежащимъ ея древнему составу, на это отвѣтить трудно“ (стр. 71). Возможно, что кое-что въ ней уцѣлѣло и изъ не дошедшаго до насъ древняго извода. Такъ, купецъ Димитрій носицъ прозвище Басаргинъ, чтò ближе подходитъ къ нарицательному имени (перс. бâzârganъ=купецъ), возведенному въ собственное. Возможно также, что въ этой редакціи сохранилось имя дочери Несміяна. Я уже отмѣтилъ, что только въ рукописи г. Григорьева упоминается имя, данное дочери Несміяна послѣ крещенія. Здѣсь я привожу это мѣсто: „Царь же повеле патриарху крестити царицу и со дщерью... Призвавъ царь царицу, нарече себе вторую матерь, а дщерь ея нарече себе невестою, повелъ еи блости до брачнаго дни... И посемь, егда приспѣ уреченыи брачныи день парю, и тогда поять оныя вышереченыя вторыя матерею своею царицы и дщере ея, обручению себѣ въ царицу, Еупраксию“. Въ рукописи, приводимой г. Веселовскимъ, мы читаемъ слѣдующее: Борзосмыслъ „взя прекрасную и предивную дѣвицу Зеверіаду, дщерь... Несміяна Гордаго, и крестиша ее и нарекоша имя ей Маремъямія“. Здѣсь мы находимъ два новыхъ имени, при чемъ имени Еупраксіи соотвѣтствуетъ имя Маремъяны (Маріамны). Быть можетъ, послѣднее имя бросить свѣтъ на загадочную личность былинной Маринѣ. Я уже указывалъ, что это имя въ нашихъ былинахъ — типическое и придается женщинамъ-иностраннымъ, иной вѣры, злобнымъ и измѣнчивымъ. Какъ на такой типъ, я указывалъ между прочимъ на невѣсту Ивана Годиновича. Въ большинствѣ пересказовъ былины она носить имя Наастаси, но въ „Печорскихъ былинахъ“ г. Ончукова мы встрѣчаемъ рядомъ два имени: „На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлой, На той Маремъяны на прекрасной,“ — и далѣе она называется то Маремъяной, то Маринкой (стр. 313 и слѣд.). Что звуки *ян* въ этомъ имени не поздняго происхожденія, о томъ свидѣтельствуетъ отчество невѣсты Ивана Годиновича иъ „Бѣлом. был.“, стр. 97, — Митреяновна. Сравнивая былину о Глѣбѣ Володьевичѣ съ повѣстю о Басаргѣ, я отмѣтилъ, что дочь Несміяна соотвѣтствуетъ Маринѣ Кайдаровой; въ новой редакціи повѣсти мы находимъ имя Маремъяны. Теперь можетъ быть поставленъ вопросъ: не принадлежало ли это имя первоначальной редакціи повѣсти и не находилось ли оно также въ томъ предполагаемомъ сказаніи, которое послужило оригиналомъ былины? Во всякомъ случаѣ,

имя „Маріамна“ могло дать форму „Марина“, какъ оно дало формы „Маремъяна“, „Марьяна“, „Мариха“ (послѣднюю, уничтожительную, форму имени Маремъяна я слышалъ на Терскомъ берегу Бѣлаго моря). Несомнѣнныи является также то, что оба имени, даваемыя дочери латинскаго епарха, въ былинахъ усвоены иностранкамъ, на которыхъ женятся (ки. Владимиръ—Апраксія) или пытаются жениться (Добрыня — Маринка) герои русскаго эпоса.

(Продолженіе следуетъ.)

А. Марковъ.

Бъ пѣснямъ объ Иванѣ Грозномъ.

„Когда зачинался каменна Москва, тогда зачинался и грозной царь, что грозной царь Иванъ сударь Васильевичъ“—поеть старинная пѣсня, внесенная уже въ Чулковскій пѣсенникъ. Отъ того же царя грознаго „зачинается“ собственно и московскій циклъ историческихъ пѣсень, въ которомъ всего обильнѣе представлены события изъ царствованія Ивана IV и народный взглядъ на личность самого царя. Громкія события царствованія—взятіе Казани и Астраханіи, Ермакъ и завоеваніе Сибири, осада Пскова Баторіемъ, отношения царя семѣйныя къ Анастасіи Романовнѣ и шурину Никитѣ Романовичу, къ черкешенкѣ Маріи Темрюковнѣ, къ сыновьямъ, страшныя казни, вѣчныя исканія измѣны, опричники съ Малютой Скуратовымъ,—все это поражало народное воображеніе и напло себѣ отраженіе въ цѣломъ рядѣ пѣсень, складывавшихся иногда вслѣдъ за событиями, иногда значительно позднѣе, въ болѣе безопасныя времена кроткаго царя Феодора Ивановича. О сложеніи пѣсень, воспѣвавшихъ события съѣтлаго періода царствованія Ивана Грознаго, мы имѣемъ прямое указаніе у Олеарія. „Когда бывало этотъ царь,—говорить Олеарій въ своемъ дневникѣ,—захочетъ повеселиться за пирушкой, то приказываетъ пѣсть пѣсни, сложенные о завоеваніи Казани и Астраханіи!“¹⁾ Мы никогда не узнаемъ, кто складываль эти пѣвшіяся при дворѣ пѣсни, и съ какими подробностями онѣ изображали взятіе этихъ городовъ, но слѣдуетъ думать, что придворныя пѣсни значительно отличались отъ тѣхъ искаженныхъ многими поколѣніями народа пѣсень о взятіи Казани, которая изъ устъ простонародья попали въ наши сборники.

1) Олеарій, переводъ Барсова стр. 418.

Спеціальныхъ пѣсень о взятіи Астрахани до настъ вовсе не дошло, и взятіе же города упоминается только мимоходомъ.

Обильный запасъ пѣсень объ Иванѣ Грозномъ недавно пополнился еще интересными записями гг. Григорьева и Ончукова. Сибирскія пѣсни изъ того же цикла въ записяхъ С. И. Гуллева и В. Г. Богораза (Тана) были въ текущемъ же году изданы нами въ статьѣ „Историческія пѣсни изъ Сибири“¹⁾. Въ видѣ дополненія къ этому постоянно накопляющемуся материалу, свидѣтельствующему о томъ, на сколько до сихъ поръ еще живо пѣсенное преданіе о Грозномъ въ разныхъ областяхъ Россіи, приведемъ еще два варианта пѣсень о Кастрюкѣ, почерпнутыхъ нами изъ архива нашего Этнографического Отдѣла.

Первый вариантъ, записанный въ Оренбургѣ въ 1872 году г. Р. Г. Игнатьевымъ, по словамъ послѣдняго поется одинаково въ Оренбургской, Уфимской и Пермской губерніяхъ.

К а с т р ю къ.

I.

Зачиналась каменна Москва, Зачинался въ ней и грозный царь. Онь Казань-городъ на славу взялъ, Мимоходомъ городъ Астрахань.	Бѣлаго лебедя не рушаетъ, А тотъ ли гость самый набольшій, 20 Самой набольшій самъ цары- цынъ братъ
5 Какъ задумалъ православный государь, Да и задумалъ онъ женитися. Не у себя на святой Руси,— Браѧ государь во клятой ордѣ; Да и не такъ онъ браѧ,—сь приданаляемъ:	Кастрюкъ и Кастрюковичъ: Онь думаетъ крѣпку думушку, Что не думушку богатырскую. Какъ возговорить Кастрюковичъ: 25 «Охъ ты гой еси царь, Православный государь, Надежа-государь Иванъ Василье- вичъ.
10 Полтораста бояриновъ, Полтретыста татариновъ, Около тысячи донскихъ казач- ковъ, Охъ донскихъ казачковъ, Разудалыхъ молодцовъ.	Аль у тя каменна Москва Избѣдилась, изубожилась, 30 Али иѣть у тебя въ каменной Москвѣ
15 Вить сидѣли гости да кушали, Бѣлага лебедя рушили; Какъ одинъ-то гость не кушаетъ,	Что борцовъ-молодцовъ, охотнич- ковъ, Съ кѣмъ бы было мнѣ повѣдаться Крѣпной силою помѣряться?»

¹⁾ См. Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. И. Акад. Наукъ т. IX, кн. 1 стр. 1—27.

- Какъ возговорить православный
государь:
35 — Охъ ты гой еси Кастрюкъ Ка-
стрюковичъ! 50
Да когда же моя каменна Москва
Избѣднѣлася, изубожилася?
Много у меня удалыхъ молод-
цевъ,
Съ силой крѣпкою, богатырскою; 55
40 Только стоять слово молвiti.—
И велѣль туть царь едичъ кли-
кати.
Выходили изъ галичнаго ряда
Два брата родные Андреевы,
Оба Андреи Андреевичи.
45 Какъ завидѣлъ ихъ Кастрюковичъ,
Онъ кинулся аки бѣшеный:
- Полтораста скамей повалилъ,
Полтретьяста людей задавиль,
А схватиль онъ брата меньшаго
Что Андрея-то Андреевича.
Какъ пошла первая-то схваточка,
Съ Кастрюка долой шапочка,
Какъ другая-то схваточка,
Съ Кастрюка долой шубочка;
А какъ третья то схваточка,—
Палъ Кастрюкъ на сыру землю.
Какъ возговорить Кастрюкова
сестра:
Государева жена:
«У насъ евтого не водится,
60 Съ Кастрюкомъ никто не бо-
рется» ...

Нельзя не отмѣтить, что запись сдѣлана безъ соблюденія
особенностей мѣстнаго говора и нѣсколько ретуширована въ
литературномъ отношеніи. Сравнительно съ другими варіан-
тами, особенно съверными, имѣющими отъ 100 до 200 стиховъ,
оренбургская пѣсня значительно сокращена въ подробностяхъ
и даже не упомнила имени царицы Маріи Темрюковны. По со-
держанию интересъ ея не высокъ, но любопытна сопровождающая
пѣсню „игра“, которую описываетъ Р. Г. Игнатьевъ: „Въ городѣ
Златоустѣ Уфимской губ., во время святокъ, такъ представляютъ
въ лицахъ Кастрюка и братьевъ Андреевичей: Кастрюкъ садится
вмѣстѣ съ другими на лавку и запѣвасть; прочие подтягиваются
При словахъ: „Какъ возговоритъ Кастрюковичъ“, представляющей
Кастрюка становится среди комнаты и обращается, вмѣсто Гроз-
наго, къ хозяину дома, а затѣмъ опять садится на свое мѣсто.
Когда же запоютъ: „Кинулся аки бѣшеный“—Кастрюкъ роняетъ
скамью и всѣ сидѣвшіе притворяются упавшими и убившимися
до смерти. Затѣмъ Кастрюкъ борется съ Андреемъ Андреевичемъ
младшимъ, старшій братъ стоитъ въ сторонѣ и смотритъ, а гдѣ
такъ знаками подбодряетъ борцовъ. Когда Андреевичъ побораетъ
Кастрюка, всѣ встаютъ и допѣваютъ пѣсню. Въ то время, когда
гости или ряженые, упавъ со скамьи, лежать на полу, то, чтобы
пѣсня не прерывалась, ее поеть старшій Андреевичъ и другіе,
которые раньше не садились на скамью, т.е. не изображали

застольныхъ гостей. Иногда при словахъ: „Какъ возговорить Кастрюкова сестра“, выходитъ на середину комнаты мужчина, переодѣтый женщиной, и опять таки обращается къ хозяину дома“. Такимъ образомъ это оригинальное „дѣйство“ вполнѣ оправдываетъ извѣстное во многихъ мѣстахъ Россіи выраженіе „играть пѣсню“. Любопытный примѣръ сочетанія эпического элемента съ драматическимъ!

Вторая пѣсня о Кострюкѣ, записанная г. А. Дешинымъ въ Калужской губ., была доставлена Этнографическому Отдѣлу В. Ласкинымъ.

<p>Охъ у насть, у насть, у насть, Какъ у насть было при первоъ царѣ,</p> <p>При царѣ, царѣ, царевитѣ, При Ивану Васильевичу,</p> <p>5 При блаженной памяти его. Захотѣлъ сѧ жениться ему. Онъ и браѧлъ войной за себя <i>Настасью</i>¹⁾ Земзорьевну, Земземелью Земзорьевну,</p> <p>10 Зем-зем-зорьевну. «Охъ, какъ всѣ-то гости сѣх- лися,</p> <p>Охъ, одного гостя нѣту, Какъ нѣть моего гостя милаго,</p> <p>15 Мово шуринка родимаго».</p> <p>Онъ пріѣхалъ послѣ всѣхъ И садился повыше всѣхъ. Охъ, возговорилъ царь-государь, Царь Иванъ Васильевичъ:</p> <p>«Охъ, ты гой еси Кострюкъ-Во- 45 стрюкъ!»</p> <p>20 Хлѣба-соли ты не кушаешь, Бѣла лебедя не рушаешь, На кого ты лихо думаешь? На меня ли, на меня ли, на царя, Иль на вѣру православную?»</p> <p>25 — «Сколько сколько я земель произошелъ, По себѣ бойца я не нашелъ».—</p>	<p>Охъ возговорилъ царь-государь, Царь Иванъ Васильевичъ: «У насть, у насть есть бойцы, 30 Удалые молодцы, Они люди Калашниковы, Они дѣти Заложниковы».</p> <p>Они по торгу похаживауть, Рукавицы пятачивауть, Усы за уши закладывауть. Приходили на царскій дворъ, Кричали громкимъ голосомъ своимъ:</p> <p>«Высылай, высылай наимъ бойца, Высылай удалого молодца!»</p> <p>Услыхалъ Кострюкъ-Вострюкъ, Онъ триста скамеекъ повалилъ, Пятьсотъ брюхановъ задавилъ, Полтораста донскихъ казаковъ побилъ.</p> <p>Какъ Гришуха-то маленький, А Петрушка коротенький,— Подхватилъ онъ пониже себя, Приподнялъ онъ повыше себя, Да какъ вдаритъ объ мать сыру землю.</p> <p>Какъ мать сыра земля дрогнула, Кострюково брюхо лопнуло.</p> <p>Выходила сестра его Марья: «Какой ты мужикъ, мужикъ! Крапивное ваше сѣмячко.</p>
--	--

¹⁾ Обмолвка вм. Марыи, см. дальше.

Много, много васъ на свѣтъ уро. 55 Ты какую бѣду учинилъ,
дилося. Кострюка брата до смерти убиль!»

Калужскій варіантъ г. Дешина, съ яркими признаками скоморошьей обработки, представляетъ, кажется, наиболѣе сходство съ недавно изданнымъ мною сибирскимъ варіантомъ Гуляева, записаннымъ на Локтевскомъ заводѣ ¹⁾). И здѣсь и тамъ при имени паря Ивана прибавленъ стихъ: „*При блаженной памяти ею*“, указывающій на то, что кончина Ивана Васильевича—событіе не очень давнее. Подобное выраженіе изъ почти 50 известныхъ намъ записей пѣсни встрѣчается еще только въ трехъ варіантахъ изъ Симбирской ²⁾ и въ одномъ изъ Смоленской губерніи ³⁾. И здѣсь и тамъ бѣчество *Темрюковна*искажено въ *Земзорьевну*. Наконецъ, въ обоихъ борцы, поборовшіе Кострюка, называются братьями Калашниковыми, хотя имена ихъ не совпадаютъ: въ сибирскомъ варіантѣ они названы *Ванька маленький* и *Данилко коротенький*, въ Калужскомъ—*Гришуха маленький* и *Петрушка коротенький*. Попытка къ объясненію фамиліи *Калашниковы* въ связи съ историческимъ лицомъ изъ временъ Лжедмитрія Оедоромъ *Калачникомъ* сдѣлана мною въ замѣчаніяхъ къ гуляевскому варіанту, къ которымъ я и отсылаю читателя ⁴⁾.

Среди бумагъ Этнографического отдѣла встрѣтилась намъ также запись двухъ пѣсень казанскихъ татаръ о событияхъ царствованія Ивана Грознаго, предшествовавшихъ непосредственно взятію Казани. Къ татарскому тексту, записанному со словъ казанскихъ татаръ Кабы Абызова и Дзинура Тихвинова, приложенъ русскій переводъ, сдѣланный г. Писаревымъ при помощи знакомыхъ татаръ. По нашей просьбѣ академикъ Ф. Е. Коршъ и преподаватель Лазаревского института Мирза Абдулла Гаффаровъ любезно взяли на себя трудъ передать татарскій текстъ русской транскрипціей и привѣрить переводъ г. Писарева, кое-гдѣ несколько отступавшій отъ оригинала. Мы приведемъ обѣ

¹⁾ См. мою статью: „Историческая пѣсни изъ Сибири“. Извѣстія Отд. рус.-яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. IX, кн. 1, стр. 16—19.

²⁾ Карьеевскій IV, ст. 125, 163 и 165.

³⁾ Смоленскій Этнogr. Сборникъ, В. Добровольскаго, IV, ст. 609.

⁴⁾ Историческая пѣсни изъ Сибири, стр. 24 и 25.

пѣсни въ иереводѣ Ф. Е. Корша и М. А. Гаффарова, приложивъ въ концѣ татарскій подлинникъ.

Татары помнятъ событія, предшествовавшія паденію Казанскаго царства тверже, чѣмъ наши пѣсни о взятіи Казани подкопомъ. Они внесли въ пѣсни имена хановъ Шигали и Едигера и даже хронологическую дату, впрочемъ, неточную. Первая пѣсня касается похода Ивана IV подъ Казань, предпринятаго въ 1550 году. Раепутица не позволила русской рати итти далѣе устья реки Свияги. Здѣсь въ 8 верстахъ отъ ея впаденія въ Волгу, въ разстояніи 38 в. отъ Казани, была построена крѣпость—Свияжскъ—и оставленъ русскій гарнизонъ. Вслѣдствіе этого горные черемисы подчинились Россіи, и Казань была сильно стѣснена. Татарское преданіе сохранило память о постройкѣ русской крѣпости на Свияжской горѣ.

I.

1.

Въ тысяча пятисотомъ году ¹⁾
Казань въ рукахъ мусульманъ (еще
была). «Безбожный невѣрный, ты пришелъ,
Къ этому городу Казани
Иванъ Русскій пришелъ.

4.

Мусульмане увидѣли,
Распросивъ, изслѣдовавъ, узнали.
Эта земля наша.

2.
Иванъ Русскій въ полѣ
При ратныхъ людяхъ.
При городѣ Казани
Бой-драка произошла.

«Безбожный невѣрный, ты пришелъ,
Здѣсь поселился ²⁾.
У кого ты взялъ дозволеніе?
(Такъ) говоря, ихъ удалили (?) ³⁾

3.
Это и боемъ-то (успѣшинымъ) не было: Къ Его Величеству Ядигеру
Казани города отъ не взяли.
На этой Свияжской горѣ
Невѣрный крѣпость поставилъ.

6.
Невѣрные, воздавая почтѣ,
Къ Его Величеству Ядигеру
пришель,
Послѣ того съ позволеніемъ
На этой горѣ остались.

Пѣсня помнить, что царь Иванъ лично ходилъ походомъ, по обстоятельства заложенія Свияжска значительно искажены, мо-

1) Событіе относится къ 1550 году.

2) Въ переводѣ г. Писарева: *заплатъ здѣсь мѣсто*.

3) Въ переводѣ г. Писарева: *этими словами они его сдѣлали безответственнымъ*.

жеть быть, подъ вліяніемъ чувства національной чести. Пѣсня разсказываетъ, что городъ быль основанъ съ позволенія царя Едигера, которому „невѣрные“ оказали почетъ. Исторические факты здѣсь совершенно расходятся съ пѣсней. Послѣ постройки Свіяжска стѣсненные казанцы просили Ивана дать имъ царя. Иванъ послалъ имъ въ цари Шигалея съ условіемъ уступки горной стороны Россіи. Положеніе московского ставленника въ Казани было очень затруднительно: казанцы требовали возвращенія горной стороны, московское правительство—вассального подчиненія. При такихъ условіяхъ Шигалей долженъ быль оставить Казань, которая призывала себѣ въ цари ногайскаго хана Едигера (Ядигара). Слѣдствіемъ этого было обложеніе Казани царскимъ войскомъ, взятіе ея подкопомъ и плѣненіе Едигера, крещенія затѣмъ подъ именемъ Симеона.

II.

Изъ ханскаго рода быль одинъ чено. За то, чтобы онъ въ порохъ налилъ вѣкъ,

Шыгали также обѣщаль.

Возмутителюмъ (?) онъ быль другомъ, Онъ самъ себя не зналь,

Плѣнникомъ въ рукахъ у невѣръ. Его глаза также не могли насытиться¹⁾.

титися деньгами,

Много людей пошло (къ Русскимъ), Отъ невѣрныхъ русскихъ взявъ много денегъ давъ, взяли²⁾,

деньги,

Въ этомъ городѣ Казани

Въ порохъ онъ налилъ воды.

Сдѣлали его ханомъ.

Невѣрный русскій усилился,

Шыгали хану Иванъ Русскій

Правовѣрный мусульманинъ уни-

много денегъ обѣщаъ,

зился³⁾.

¹⁾ Эти два стиха переведены у Писарева такъ: *Онъ--другъ всѣмъ развертывалъ людемъ, быль въ рукахъ Русскихъ.*

²⁾ Въ переводѣ Писарева: *мою подарковъ тамъ съ нихъ взяли.*

³⁾ Послѣдніе 7 стиховъ въ переводѣ г. Писарева:

Шыгали обѣщался сдѣлать это.
Самъ себя не знаетъ!...
Съ богатства у него глаза не сыты!
Отъ русскихъ получивши богатство,
Въ порохъ влилъ воды.
Русские сдѣлались сильнѣе,
А мусульмане слабѣе.

Изъ нерасположенія къ русскому ставленнику Шигалею пѣсня сдѣлала его корыстолюбивымъ предателемъ, подготовившимъ паденіе Казани порчей пороха водою. Обычный пріемъ національной гордости, объясняющей понесенное пораженіе измѣной, отразился и въ этой татарской старинной пѣснѣ, еще проникнутой тѣми чувствами, которыя питало къ Шигалею и къ русскимъ поколѣніе, бывшее свидѣтелемъ паденія Казанскаго царства. Въ противоположность Шигалею первая пѣсня, какъ мы видѣли, восхваляетъ Едигера, который будто бы даль позво-леніе русскимъ остататься на Свияжской горѣ, указавъ имъ сначала на ихъ неправоту.

Тѣмъ же почеркомъ (г. Писарева) записана на листикѣ почтовой бумаги еще одна татарская пѣсня въ русскомъ переводе, но безъ татарского оригинала. Въ ней упоминается также русскій Иванъ, оставшійся надолго въ памяти казацкихъ татаръ, и татарскій удалецъ Чура. Содержаніе пѣсни уже совершенно фантастическое.

III.

Былъ одинъ человѣкъ — имя его Чура,
Много русскихъ побить ему Богъ помогалъ.
Было одно живое существо, имя его никто не зналъ,
Какъ зашелъ онъ въ Казань-городъ никто не видаль.
Сказали (Чурѣ): «Эй ты Чура! Вѣдь тебѣ Богъ помогаетъ,
А Божьей воли противиться нельзя:
Ивана то Русскаго ты бы въ мелкія части изрубиль».
Чура вошелъ къ Ивану, а Иванъ въ палатѣ сидѣть;
Чура пошелъ въ палату и отрѣзалъ ему голову.
Иванъ сидѣть да ужиналь, въ то время и отрѣзали ему голову.
Ивановы слуги пришли, чтобы взять посуду,
А голова оказалась въ чашкѣ.

С. К. Шамбинаго обратилъ мое вниманіе на то, что татарскій князь Чура упоминается въ старинной русской повѣсти о Казанскомъ взятіи и, по моей просьбѣ, сдѣлалъ слѣдующія выписки изъ главы „О воставшемъ въ Казани мятежи и о изгнаніи царя ихъ и о взятіи царя Шигалѣя и о избеженіи искъ Ка-

зани и о біеніи князя Чюры¹⁾. „И вложи Богъ милосердіе... въ сердце большаго князя Чюре Наровича, властеля Казанскаго... и припаде ко царю (Шигалѣю)... добру помошь ему дая совѣтомъ своимъ и печаль отъ него отрѣваля,.. избавляя царя отъ неповинныя смерти... сказуетъ ему вельможъ московскихъ, по именомъ, доброхотающихъ ему... ²⁾)

„Казанцы же неотложно хотяше царя убити, но побеждаше ихъ смиреніе его, и маня имъ Чюра царя убити... Во единъ же день праздника нѣкоего срацынскаго обычаи... во граде же всѣмъ людемъ, малу и велику, пьяномъ, Чюра же проводи царя ись Казани до Волги и спусти его убежати... и рече Чюра: „азъ вмѣсто тебя умру въ Казани, и моя буди глава въ твоемъ мѣсто главы; ты же мною да избавленъ буди и не забуди мене, егда будеши прежде мене въ Москвѣ... ³⁾)

„азъ буду за тобою готовъ бѣжати ись Казани къ Москвѣ“. И советъ давъ ему Чюра: да ждетъ его царь на нѣкоемъ мѣсто знаемс, день ему нарече, да зъ женами своими и зъ детми... побѣгну азъ къ украинамъ рускимъ“.

„Разгневався князь Чюра на казанцевъ о царѣ Шигалѣе, что мѣсть сотвориша... вѣсхотѣша его убити... Се бо царь испущенъ Чюрою княземъ—и на реку Богомъ и воевода его, со всѣми отроки, князь Дмитрий, не брегомъ, за царемъ же, побежа къ Василю граду, къ рускимъ украинамъ, въ борзоходныхъ струzechъ... Отъ страха смертного царь же забы пождати друга своего вѣрнаго, Чюру Нариковича, на мѣсте уроченномъ, избавившаго его отъ смерти... ⁴⁾)

„(Казанцы) гнѣвахуся вси на Чюру, яко унимаше ихъ убити царя и роптаху... Они же почитали Чюру за храбрость его и за высокоуміе его во всемъ граде. Чюра же по времени собрався зъ жевами своими и зъ детми (съ нимъ же бѣ 500 служащихъ рабъ его, во оружіяхъ одеянны; всѣхъ ратникъ съ нимъ 1000...) и побежа къ Москвѣ, спустя по царѣ 10 днei, и до-

¹⁾ См. Полн. Собр. р. л. т. XIX, стр. 49—55. Выписки сдѣланы изъ текста болѣе древняго по составу. На стр. 281 и слѣд. помѣщенъ текстъ позднѣйшій неполный.

²⁾ Стр. 52.

³⁾ Стр. 53.

⁴⁾ Стр. 54.

гнавъ мѣста реченнаго и не обрѣте царя, ждущаго его. И горко сму бысть въ тои часы. А казанцы же увѣдавъ бежаніе Чуры и гнавше за нимъ и догнаша. Онъ же... чаяся отбитися отъ нихъ... и бившеся съ ними долго. И убиша храброго своего воеводу Чуру Нарыковича и съ сыномъ его... И вѣсть болши сея любви ничтоже, аще кто за друга душу свою положить или за господина¹⁾.

Изъ этихъ выписокъ видно, что упоминаемый въ татарской пѣснѣ Чура былъ несомнѣнно историческимъ лицомъ, „извѣстнымъ за свою храбрость и высокомуѣ во всемъ градѣ“ (Казани). Однако, татарское народное преданіе совершенно измѣнило его исторический обликъ. Судя по повѣсти, князь Чура былъ другомъ московскаго ставленника царя Шигалея, содѣйствовалъ его бѣгству изъ Казани и самъ со своими единомышленниками вслѣдъ за Шигалеемъ собирался въ ненавистную казанцамъ Москву, такъ что съ казанской точки зреянія онъ долженъ бы быть представляться измѣнникомъ. А между тѣмъ татарская пѣсня, позабывть обѣ его измѣнѣй, сдѣлала его национальнымъ богатыремъ, побивавшимъ, съ помощью Бога, русскихъ и отрѣзавшимъ голову Ивану русскому, т.-е. Ивану Грозному. Трудно сказать, чѣмъ объясняется это возвеличеніе Чуры народнымъ преданіемъ. Можетъ быть, оно помнило какіе-нибудь болѣе ранніе воинскіе подвиги его, которые прославили его имя въ Казани, такъ какъ изъ русской повѣсти видно, что Чура пользовался „за храбрость“ высокимъ почетомъ въ городѣ и оказывалъ сильное вліяніе на казанцевъ.

Прилагаю татарскій текстъ обѣихъ казанскихъ пѣсенъ въ русской транскрипції съ объясненіями, данными академикомъ О. Е. Коршемъ.

„Въ объясненіе принятой здѣсь транскрипції, которая въ значительной степени обусловлена отсутствиемъ болѣе подходящихъ знаковъ въ типографії, замѣтимъ слѣдующее: 1) *к* и *г* передъ *a*, *o*, *y* соотвѣтствуютъ арабскимъ буквамъ *кафъ* и *гайнъ*, т. е. выражаютъ глубоко-гортанныя *к* и южно-русское *г*, а передъ прочими гласными должны произноситься приблизительно такъ же, какъ по-русски; 2) *и* выражаетъ турецко-татарское

¹⁾ Стр. 55.

сағыр-нүн („глухой н“), т. е. нѣмецкія *ng* въ *lang*, *Länge*; 3) *ж* = арабскому *джисимъ* = *дж* или *чж*; 4) *в* = арабскому *вавъ* = англ. *w*; 5) *а* въ словахъ съ гласными *a*, *o*, *y*, *и* = русск. *а* въ *лобъ*, а въ словахъ съ прочими гласными = франц. или нѣм. *l*; 6) *й* = ар. *я* (*йа*) = нѣм. *j*; 7) *ъ* = ар. *ха* = нѣм. *h*; 8) *я* и *ю* = нѣм. *ÿ* и *ü*; 9) *e*, *ё*, *о*, *ө* = открытымъ *i*, *y*, *ü*, *и* (т. е. приближающимся къ *e*, *ö*, *o* и *ø*).

I.

менгдя біш йөз Ыныда
Казан мосолман кулында;
ошибо Казан шяърена
Ыбан урыс кілде-йа.

V.

«ден-сез кяфер кімѣп-сан,
мында макам кылоп-сан;
кемден роҳсат алон-сан?»,
тійбян жѣдя кылды-йа.

II.

Ыбан.....¹⁾) Йазда
яскяр халкы Ыныда;
шяър-е Казан Ыныда²⁾
ороши сугыш булды-йа.

VI.

кяферляр тагзым вылон,
Йадегар хазрятенг³⁾ кімѣп,
сунграсында роҳсат берлян
ошибо тагда калды-йа.

III.

үл сугыш-та бўлмады:
Казан шяърен алмады;
ошибо Зёйя тагына
кяфер кала сайды-йа.

VII.

хан ияслендия бер ір бар ірде,
есме анынг Шыгале ірде,
шагылларга⁴⁾ йар ірде,
тоткон кяфер кулында.

IV.

мосолманыар кюрделир,
корап езляп белделир:
«ошибо безненг јіремез» діп:
«кайдын кілден?», кылды-йа.

VIII.

кюп халайык бардылар,
кюп маң бірён алдылар,
ошибо шяър-е Казанга
хан кылдылар ірде-йа.

1) Пропускъ. Переведено по предположению „урис тёз“.

2) „алдында“=передъ?

3) „хазрятен“? но по стиху (см. ниже) въроятнѣе „ханга“.

4) Арабское „шагыл“ значить „занимающей (заботящей)“, что здѣсь не годится. Кроме того по общему правилу слѣдуетъ „шагылларга“. Переведено по предположению „сафеллярга“=извимъ, но возможно напр. и „шакеллярга“= (ему) подобнымъ.

IX.

Шыгала ханга Ыбан урыс
кюп мал вягда кылон-тор
дорога сув коймак ечён.
Шыгала тъям вягда кылды-йа.

X.

юзес юзене балмас,
юзес тъям малга туймас,

кяфер урыстан мал алон
дорога сув койды-йа.

XI.

кяфер урыс зур булды,
мёмен мосолман хур булды ¹⁾.

Общія замѣчанія.

1) Въ основѣ стиховъ этой пѣсни лежитъ размѣръ, общей всѣмъ туркамъ, отъ Енисея до Балканъ, который въ правильномъ, нормальномъ видѣ воспроизводить слѣдующій ритмъ: !!!!. или, рѣже, !!! (въ обоихъ случаяхъ 7 слововъ). Этотъ основной размѣръ часто распространяется лишними слогами, но здѣсь онъ вообще выдержанъ такъ хорошо, что тамъ, гдѣ число слоговъ нарушено, можно подозрѣвать ошибки въ передачѣ, по большей части легко устранимыя: I (строфа) 2 (стихъ) „мёслем (или „мёмен“) кулында“, IV 3 безъ „діп“, V 4 „тійёп“, VI 3 „сунгра рохсаты берлян“ (?), VII 1 „анды бер ір“ (?), 2 безъ „анынг“, IX 1 „ул ханга“, 3 „койсон діп“ (?) или „кой тіде“ ? ср. ниже), 4 „ул“, X 3 „кяфердян (или „урыстан“) кюп мал“, XI 2 „мёмен мёслем“. Причина или, по крайней мѣрѣ, одна изъ причинъ этихъ ошибокъ состоять въ томъ, что передатчикъ или переписчикъ не пѣль, а говорилъ эту пѣсню, какъ видно между прочимъ изъ того, что въ строфѣ IX стихъ 3 соединенъ по грамматической конструкціи съ 2, а не съ 4, какъ-бы слѣдовало на основаніи парности стиховъ въ такихъ строфахъ или куплетахъ.

2) Языкъ этого стихотворенія — казанское нарѣчіе, но съ чагатайскими примѣсями: II 2 и 3 „йашында“ вм. „жанында“, II 3 и VIII 3 „шарьре Казан“ съ персидскимъ изафетомъ вм. „Казан шарьре“ (какъ I 3 и III 2), III 3 и VI 4 „таг“ вм. „тав“,

¹⁾ Недостаетъ двухъ стиховъ, примѣрно такого содержанія:

Казан шарьре ул чакта
кяфер-шарьре булды-йа.

городъ Казань въ то время
городомъ невѣрныхъ сдѣлалась.

IV 4 „кайдын“ вм. „кайдан“, V 3 „кемден“ вм. „кемдян“ (кемнян) V 4 „тійёбян“ вм. „тіеп (тіп)“, VI 3 „берлян“ вм. „белян“, VII 1—3 и VII 4 „ірде“ вм. „еде“. Чагатаизомъ можно признать и прибавочное „йа“ (ср. перс. „гуфт-а“ = онъ сказалъ) въ концѣ всѣхъ строфъ кромѣ VII. Сюда же могутъ быть отнесены правописаніе дѣлпличастій „кілѣп“ V 1 и VI 2, „кылоп“ V 2, VI 1 и IX 2, „алоп“ V 3 и X 3, „біроп“ VIII 2 вм. „кілен“, „кылып“, „алып“, „біреп“ и составленная изъ нихъ форма прошедшаго совершенного V 1—3 и IX 2 вм. „кілгян-сен“, „кылган-сын“ и т. п. Но чагатайски или, по крайней мѣрѣ, этимологически написаны „йөз“ I 1, „йыл“ I 1, „йаз“ II 1 и др. слова съ начальнымъ й вм. ж., „мосолманлар“ IV 1 вм. „мосолманнар“ или „босорманиар“, „няслендян“ (впрочемъ но-чаг. „няслідін“) вм. „нясленнян“.

При изданіи этого текста мы съ благодарностью воспользовались указаниями профессора Н. Ф. Катанова, къ сожалѣнію, немногочисленными, такъ какъ они были вызваны не просмотромъ всего текста и перевода, а лишь нашими вопросами по поводу отдѣльныхъ мѣстъ. Между прочимъ, этому знатоку казанского нарѣчія и татарскихъ пѣсень принадлежитъ окончательная редакція предположенныхъ въ концѣ двухъ стиховъ. Онъ же считаетъ возможнымъ удержать „тійёбян“ (V 4), читая „тійян“. Кстати объ этомъ стихѣ: не скрывается ли въ персидскомъ „жёдя“ (собственно „жуда“ = отдѣльный), арабское „жыдал“ точнѣе „жідал“ = битва), отчего переводъ былъ бы долженъ измѣниться такъ: „(Такъ) сказавъ, завязали битву?“

Вс. Миллеръ.

Бѣломорская былина и повѣсть Петровскаго времени.

Давно прошла пора, когда въ нашемъ былевомъ эпосѣ все—отъ первого до послѣдняго слова—считали самобытнымъ. Въ настоящее время никто не станет отрицать вліянія странствующихъ сказаний, попадавшихъ въ русскій эпосъ или путемъ устной передачи, или литературнымъ путемъ. Одной изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ задачъ изслѣдователя былинъ является теперь указаніе источника заимствованія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и выясненіе, какъ обработанъ заимствованный сюжетъ, потому что это бросаетъ свѣтъ на русское народно-поэтическое творчество вообще. При этомъ большой удачей можно считать, если послужившее оригиналомъ былины сказаніе находится среди памятниковъ русской литературы.

Какъ разъ къ такому роду принадлежитъ былина о женитьбѣ Пересмѣкина племянника, записанная А. В. Марковымъ отъ крестьянки с. Нижней Зимней Золотицы Мареы Крюковой (биографію ея см. въ „Бѣломорскихъ былинахъ“ А. В. Маркова на стр. 304). Полный текстъ былины печатается въ настоящее время вмѣстѣ съ напѣвомъ въ т. I. „Трудовъ Музикально-Этнографической Комиссіи“, здѣсь же я только изложу содержаніе.

„Во славномъ во городѣ во Кіевѣ у князя у Владимира“ жиль богатырь-Пересмѣкинъ родной племянничекъ, который очень любилъ „въ морекодствѣ ходить“. Однажды онъ сталъ просить у князя Владимира разрѣшенія съѣздить съ товарами русскими въ земли невѣрныя; князь, узнавъ, что дядя богатыря согласенъ отпустить племянника, даетъ разрѣшеніе. Пересмѣкинъ племянникъ послѣ благополучного путешествія распродаетъ свои товары въ Царыградѣ, закупаетъ товары заморскіе и отправляется домой, но на обратномъ пути буря заносить его корабли на пустынны

острова (они далѣе называются Милитрискими), гдѣ живутъ „камышнички“. Дружина гибнетъ, самого же богатыря разбойники, прельщенные его красотой, дѣлаютъ своимъ атаманомъ.— Далѣе дѣйствіе переносится въ славный городъ Христинъ (также Херестинъ, Харастинъ). Дочь Херестинскаго князя Марфида, любительница „по морю гулять“, отправляется однажды съ двумя подружками въ морскую прогулку. Поднимается буря, и лодку прибиваетъ къ Милитрискимъ островамъ; подружки со страху бросаются въ воду, а обливающаяся горючими слезами княжна попадаетъ въ руки разбойниковъ, которые передаютъ свою добычу атаману. Пересмѣянъ племянникъ, узнавши отъ Марфиды объ ея происхожденіи и приключеніяхъ, объявляетъ, что „возьмѣсть ее родной своей сестрой“. Усмотрѣвъ, что „никакъ нельзя, уѣхать на лошадяхъ“, богатырь предлагаетъ княжнѣ бѣжать съ острова на лодкѣ. Они приводятъ свой замыселъ въ исполненіе во время сна разбойниковъ, и попутные вѣтры приносятъ ихъ къ городу Херестину. Счастливый отецъ охотно выдаетъ дочь за Пересмѣянина племянника.

«Оне скоро златыми персынами помѣнялись съ её,
 165. Нагрузили они черны караблы,
 Отправились опи въ славный Кіевъ-градъ,
 Приняли съ её по златому по вѣнцу».

Несмотря на упоминаніе кн. Владимира и Кіева и многія чисто былинныя выраженія, былина производить впечатлѣніе повѣсти, переложенной въ пѣсню. Дѣйствительно, оригиналъ для нея послужила „Гисторія о Россійскомъ матросѣ Василіи Корютскомъ и о прекрасной королевѣ Иракліи Флоренской земли“ ¹⁾; эта послѣдняя въ свою очередь есть русская переработка „Гисторіи о гишинскомъ шляхтичѣ Долториѣ и о прекрасной гишинской королевѣ Элеонорѣ“ ²⁾. Содержаніе „Гисторіи о матросѣ Василіи“, извѣстной всего въ трехъ спискахъ, изъ

¹⁾ Издана покойнымъ акад. Л. Н. Майковымъ два раза: „Журп. Мпн. Нар. Просв.“ за 1880 г. и въ „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій“. СПБ. 1889.

²⁾ Издана ак. А. Н. Пыпиномъ, теперь также покойнымъ, въ 1887 г. въ СПБ. („Памятники древней письменности“ № LXIV подъ заглавиемъ: „Изъ исторіи народной повѣсти“).

которыхъ два относятся ко второй половинѣ XVIII в.¹⁾ и очень близки между собою, слѣдующее.

„Въ Россійскихъ Европіяхъ“ жилъ нѣкоторый дворянинъ, по имени Іоаннъ Корютскій, имѣвшій сына Василія, „лицемъ зѣло прекрасна“. Вида отцову бѣдность, Василій отпросился въ Петербургъ и записался въ Кронштадтъ въ матросы, чтобы изъ своего жалованья помогать родителю. На службѣ онъ очень отличился и былъ сдѣланъ старшимъ. Когда отправляли матросовъ въ Голландію „для наукъ ариометическихъ и разныхъ языковъ“, Василій не попалъ сначала въ ихъ число, но потомъ „по его прошенію“ отпущенъ былъ и онъ за море. Въ Голландіи нашъ матросъ стоялъ „на квартерѣ“ у одного гостя и такъ полюбился ему, что гость сдѣлалъ Василія своимъ довѣреннымъ приказчикомъ и посыпалъ его съ товарами въ Англію и Францію. Соскучившись по отцѣ, Василій рѣшилъѣхать домой, но гость долго не пускалъ его, наконецъ онъ „уволилъ емуѣхать въ Россію“. Послѣ семидневнаго благополучного плаванія, поднялась сильная буря, разбившая корабль Василія, при чемъ всѣ, за исключеніемъ его самого, утонули; онъ же былъ выкинутъ на незнакомый островъ. Жителями острова оказываются разбойники, которые „видѣвъ его молодца удалаго и остра умомъ и зрачна, лицомъ прекрасна и осанкою добра зѣло“, принимаютъ его въ свою шайку, а затѣмъ даже выбираютъ своимъ атаманомъ.

Въ отсутствіе разбойниковъ новый атаманъ находить въ чуланѣ „зѣло прекрасну“ дѣвицу, оказывающуюся Иракліей, дочерью великаго короля Флоренскаго. Разбойники захватили ее въ то время, какъ она „гуляла, съ дѣвицами въ шлупкахъ“, дѣвицъ они побросали въ воду, а королеву привезли на островъ. Василій обѣщалъ Иракліи высвободить ее, для чего притворился передъ разбойниками: когда тѣ показали ему королевну, онъ „плюнулъ и вонъ пошелъ“ въ свой покой, удививъ разбойниковъ своимъ равнодушіемъ отношеніемъ къ женской красотѣ.

Подумавши о побѣгѣ, Василій „ѣздилъ по острову сему, но токмо кругомъ моря, а сухого пути слѣду нѣть“; ему удалось

¹⁾ Третій списокъ, находящійся въ Имп. Публ. Библіотекѣ и уступающій по достоинствамъ тексту, изданныму Майковымъ, указать безъ обозначенія времени, къ которому его слѣдуетъ отнести, въ книгѣ В. Сиповскаго „Русскія повѣсти XVII—XVIII в.“ СПБ. 1905, стр. 108.

подговорить рыбаковъ, которые и увезли его съ королевной въ Цесарію. Тамъ ихъ нашель адмираль, посланный Флоренскимъ королемъ отыскивать пропавшую королевну. Заманивъ Василія съ королевной на корабль, адмираль велить бросить первого въ воду, королевну же похищаетъ. Та „обмерла отъ великой ужести“, но адмираль, „приступивъ къ королевнѣ и поднявъ, дуль въ уши и лиль на перси ея воду, дондеже могла прійтить въ чувство.“ Подъ угрозой смерти, Ираклія соглашается признать адмирала своимъ спасителемъ и выйти за него замужъ. Василій же, какъ и надо было ожидать, не погибъ, а добрался до Флоренского государства „и выпросился у нѣкоторой старухи въ богадельню, на которую дрова сѣкъ и воду носиль“. Королевна ёдетъ въ кирку вѣнчаться съ обманщикомъ адмираломъ и слышитъ неожиданно игру на арфѣ и пѣніе Василія. Адмираль подвергается казни, Василій женится на королевнѣ и послѣ смерти ея отца становится самъ королемъ.

Такова повѣсть. Зависимость отъ нея былины настолько очевидна, что, какъ мнѣ кажется, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Обратимся теперь къ Долторну, чтобы убѣдиться, что исторія о немъ не вліяла непосредственно на нашу былину. Вотъ содержаніе „Гисторіо гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ“, дошедшей до насъ въ 7 спискахъ, относящихся частью къ первой, частью ко второй половинѣ XVIII. вѣка и представляющихъ въ сущности одну редакцію.

„Португалскіе ковалеры“ живутъ на островѣ въ Гишинаніи и грабятъ корабли. Шляхтичъ Долгорнъ, просрочивъ время отпуска (онъ отпросился къ больному отцу), изъ страха наказанія ёдетъ на разбойничій островъ (впрочемъ, по нѣкоторымъ спискамъ, Долгорнъ просто ёдетъ „въ дальне страны“, а на островъ попадаетъ „незапно“). Здѣсь онъ дѣлается атаманомъ и успешно руководитъ шайкой.

Гишинанская королевна Элеонора, никогда не гулявшая на корабляхъ, просится у отца погулять съ подругами. Король разрѣшаетъ, давъ ей большую свиту съ „генераломъ фелтъ-маршаломъ“ во главѣ. Южный вѣтеръ заноситъ корабль къ разбойничьему городку. Разбойники сражаются съ экипажемъ и истребляютъ его; королевну, упавшую въ обморокъ, тащить къ себѣ одинъ эсауль, но, увидя Долторна, дарить ему. Долторнъ

немедленно же хочетъ воспользоваться своимъ правомъ 'побѣдителя, но Элеонора называетъ себя, и онъ обѣщаетъ вѣрно служить ей и избавить ее отъ разбойниковъ. Опоивъ разбойниковъ, они бѣгутъ *на лошадяхъ*; море же имъ приходится перебѣжать подъ самой Цесаріей (Римомъ). Цесарь, братъ гишпанскаго короля, въ благодарность за спасеніе племянницы назначаетъ Долторна вторымъ цезаремъ. Въ Цесарію прїѣзжаетъ адмиралъ, похищаетъ Элеонору такъ же, какъ въ „гисторіи о матросѣ Василіи.“ Окончаше такое же, какъ и въ первой повѣсти.

Теперь прослѣдимъ, въ какихъ пунктахъ, кромѣ общаго сходства по содержанію, былина совпадаетъ съ повѣстью о матросѣ Василіи и расходится съ „гисторіей о шляхтичѣ Долторнѣ.“

И Пересмѣкинъ племянникъ и Василій отправляются съ товарищами въ отдаленные страны и только для спасенія жизни вступаютъ въ разбойничью шайку, тогда какъ Долторнъ не купецъ, а дезертиръ, съ удовольствиемъ дѣлающійся разбойникомъ. „Долторнъ“ говорилъ имъ, что его прїездъ къ нимъ своеальный, сохрания жизнь свой отъ руки гишпанскаго короля, и къ нимъ прїѣхалъ для такихъ же дѣлъ въ какихъ и онѣ находятса.“ (стр. 5)

Въ повѣсти о Василіи гость „уволилъ ему ѻхать въ Россію“; соответственно этому въ былинѣ стоитъ:

„Тиба уволить ли дяденька родимый твой?“ (ст. 15).

Корабли Василія и богатыря разбиваются, при чемъ экипажъ гибнетъ („вся ево дружиночка хоробрая покинула“ ст. 39). Въ гисторіи о Долторнѣ этихъ эпизодовъ, понятно, нѣтъ.

Героини обоихъ произведений любятъ гулять по морю; въ злополучной прогулкѣ принимаютъ участіе только подружки. Въ „Долторнѣ“ Элеонора никогда раньше не гуляла по морю, и въ поѣздкѣ ее согровождастъ цѣлая военная свита подъ начальствомъ „генерала фелтъмаршала“.

Отношеніе Пересмѣкина племянника и матроса Василія къ героямъ рѣзко отличается отъ Долторнова: первые два съ самого начала относятся къ своимъ подругамъ по несчастью сердечно, Долторнъ же выказываетъ себя, выражаясь мягко, довольно предпримчивымъ. Вотъ это мѣсто: „Тогда Фрезентонъ (другое имя Долторна), взявъ Элеонору въ спальню свою полату, въ которой бы имѣль еї раздѣть и положить на постели своей. И когда въ ту спальню вошли, тогда предъявилъ ей свое намѣреніе

оразрушеніи ся дѣвства". (стр. 17). Намѣреніе свое онъ оставляетъ только тогда, когда узнаеть въ Элеонорѣ дочь своего короля. Припомнимъ кстати, какъ приводилъ въ чувство Марфиду княжевичну богатырь:

«Приносиль онъ вѣдь скоро ключевой же воды,
Поливаетъ красну дѣвицу онъ». (ст. 98—99).

Въ повѣсти о Василіи есть соотвѣтственное мѣсто, относящееся, правда, къ адмиралу: „Дуль въ уши и лиль на перси ея воду" (*Майковъ*, стр. 185). Въ Долторнѣ такого соотвѣтствія нѣть: адмираль „въ томъ часѣ дохтурскимъ врачеваніемъ привелъ ей въ прежнее чувство". (стр. 55).

Съ разбойничьяго острова Василій и королевна Ираклія спасаются на лодкахъ, потому что „сухого пути слѣду нѣть". Такъ и Пересмѣкинъ племянникъ:

«Усмотримъ же онъ скоро, выглядѣмъ,
Некакъ нельзѧ же уѣхать на лошадяхъ,
Только нужно уѣхать во лодкахъ одиѣхъ». (ст. 126—128).

Напротивъ того, шляхтичъ Долторнъ спасается именно на лошадяхъ („убралъ два аргамѣка..." стр. 21).

Эпизодъ съ адмираломъ вовсе не вошелъ въ былину; богатыри Херестинскіе находятъ Пересмѣкина племянника съ Марфидой княжевичной въ избушкѣ (или около избушки?), которую отапливала нарочно посаженный тамъ человѣкъ на случай прїезда богатырей за справками о пропавшей княжнѣ. Позволительно спросить, не скрывается ли подъ этимъ искаженный эпизодъ о пребываніи матроса Василія „въ богоѣлнѣ", на которую дрова сѣкъ и воду носилъ". Въ „гисторіи о шляхтичѣ Долторнѣ" герой останавливается у „некотораго волнодомца".

Кромѣ перечисленныхъ прямыхъ доказательствъ непосредственной связи нашей былины именно съ повѣстью о матросѣ Василіи, можно привести еще пѣкоторая косвенная, тоже говорящія въ пользу этого. Сказительница Мароа Семеновна Крюкова, кромѣ стариинки о женитьбѣ Пересмѣкина племянника, пѣла собирателю про Рынду, будто бы совершившаго свои богатырскіе подвиги еще до князя Владимира. Въ этой былинѣ, несомнѣнно представляющей передѣлку какой-то повѣсти, пока мнѣ неизвѣстной, попадаются собственные имена, сходныя съ именами въ повѣсти

о матросѣ Василіи. Начинается эта длинная былина такъ: „Во славномъ во городи во Европійскомъ“ (ср. въ повѣсти: „въ Россійскихъ Европіяхъ“). Одно изъ женскихъ лицъ носить название прекрасной Флориды (ср. съ одной стороны королевну Ираклію Флоренской земли, съ другой—ея имя въ былинѣ Марфida).

Остановимся нѣсколько на собственныхъ именахъ былины о „женитьбѣ Пересмѣкина племянника“. Нѣть ничего удивительнаго, что такое необычное въ эпосѣ имя, какъ Ираклія повѣсти, не удержалось, а было замѣнено другимъ, болѣе эпическимъ. Имя Марфиды, Мары попадается въ былинахъ о Добрѣнѣ—змѣборца и возводится нашими изслѣдователями (Н. Квашнинъ-Самаринъ, проф. Вс. О. Миллеръ) къ Малфридѣ (Malfred), женѣ кн. Владимира; оно встрѣчается еще въ золотицкой старинѣ про кн. Михайлу („Бѣл. был.“ стр. 169—172) вместо Катерины, какъ въ большинствѣ пересказовъ называется жена этого князя. Внѣшнимъ поводомъ для замѣны Иракліи именно Марфидою могло, пожалуй, послужить сходство съ названіемъ музыкального инструмента „арфія“ (арфа): „Прекрасная же королевна Ираклія вельми была горазда играть на арфі...“ и далѣе: „въ нашемъ Флоренскомъ государствѣ, кромѣ меня, никто на арфіи не играетъ и не умѣетъ...“ Какъ мы видѣли выше, игра на арфѣ обученного Иракліей Василія ведеть къ узнанію его королевной. Можно предположить, что важная роль арфы въ повѣсти заставила запомнить звуковую форму этого слова, а такъ какъ предметъ, обозначаемый словомъ, не былъ извѣстенъ слагателямъ и исполнителямъ былины, то название инструмента, отразилось на имени самой арфистки.

Гораздо труднѣе, объяснить утрату имени матроса Василія, простого самого по себѣ и, сверхъ того, употребительного въ эпосѣ (Василій Буслаевичъ, Василій Игнатьевичъ, Василій Окульевичъ и др.). Пересмѣка (Перемѣка, Пересмѣга, Перемета) соответствуетъ въ бѣломорскихъ былинахъ о Чурилѣ Бермнятѣ (Пермяну и др.) другихъ пересказовъ. На Бѣломъ морѣ знаютъ этого поченного человѣка не только въ роли обманутаго мужа, но и въ качествѣ богатыря; въ этомъ послѣднемъ случаѣ при немъ всегда упоминается племянничекъ, не имѣющій собственнаго имени. Такъ, въ старинѣ № 46 у *Маркова* Перетсмѣка со племянникомъ служатъ кн. Владимиру:

«Записались, все въ заповѣдь великую:
— «Шьчобы стоять намъ за князя, за Владимира,
Шьчобы стоять намъ за вѣру християнскую ..» (стр. 284).

Служба и подвиги Пересмѣки со племянникомъ упоминаются также въ № 2, 3, 42 и 81. Одинъ „племѣнницѣкъ“ Пересмѣкинъ безъ дядюшки фигурируетъ въ № 7 въ роли любовника жены младшаго изъ братьевъ Бродовичей; здѣсь онъ изображенъ могучимъ богатыремъ, но опять-таки не названъ по имени:

210 «Богатырь-оть быль-то все пресильнія,—
Размѣталъ-то всіхъ братицѣй Петровицѣй...» (стр. 73).

Такъ какъ причиной утраты имени Василія и замѣны его именемъ Пересмѣкина племянника мы не можемъ считать ни трудность запоминанія первого имени, ни сходство личности и приключений того и другого героя, то приходится прибѣгнуть къ другому предположенію. Возможно, что оригиналъ для былины послужилъ такой списокъ повѣсти, намъ неизвѣстный, въ которомъ собственные имена не соотвѣтствовали имѣпамъ двухъ дошедшихъ до насть списковъ. Что же касается Милитрискихъ острововъ вмѣсто безымянного острова повѣсти, то это не что иное, какъ Мальтийскіе острова, весьма часто встрѣчающіеся въ нашихъ повѣстяхъ. Такъ, въ исторіи „о славномъ саксонскомъ королѣ Ефродитѣ и о сынѣ его, славномъ и великому ковалерѣ Максіонѣ и о прекрасной принцессѣ Раксанѣ“ врагами героеvъ являются „малтийские ковалеры“ ¹⁾). Припомните еще знаменитую повѣсть о Францелѣ Венеціанѣ: „Гисторія о храбромъ гишпанскомъ рыцаре Венцыанѣ, а въ малтийскихъ островахъ по свидѣтельству малтийскихъ ковалеровъ за храбрую свою поступку назѣкли ему второе ковалерское имя Францель“ ²⁾). Искаженію могло содѣйствовать имя Милитрисы Кирбитьевны въ популярнейшей повѣсти о Бовѣ Королевичѣ. Остается добавить, что мало знакомая Голландія замѣнена въ былинѣ Царьградомъ подъ влияніемъ другихъ былинъ.

Чтобы покончить съ былиной, вернемся опять къ Пересмѣкину племяннику. Какъ мы видѣли, этотъ странный богатырь

¹⁾ Пынинъ. Для любителей книжной старинны. М. 1888 г. стр. 23.

²⁾ Тамъ же стр. 60.

безъ имени, племянникъ своего дядюшки, действуетъ и въ другихъ бѣломорскихъ былинахъ. Къ удивлению онъ является не единственнымъ въ этомъ родѣ. Въ бѣломорскихъ же старинахъ о „Камскомъ побоищѣ“ перечисляется цѣлый рядъ такихъ племянниковъ. Приведу всѣ относящіяся сюда мѣста.

№ 81.

Князь Владимиръ говорить:

«А садись-ко-се, Добрый, на ременячать стуль,
А пиши-то ёрыки да скорошицты...»

А какъ перву-то голову пиши Самсона сына Колубаёва,

30. А другу-то голову пиши Дуная сына Иванова,
Во третьихъ-то пиши Святогора Гурьева,
Святогора-то пиши да со племянникомъ,
А Ремянника пиши да со племянникомъ,
Пересмѣту ты пиши да со племянникомъ,
35. Перемяку пиши да со племянникомъ,
А да Рошшу, Рошшу-Рошиби колпакъ да со племянникомъ...
(стр. 434—5).

№ 94.

90. — «...Ай пиши-тко-се ты Рошшу-ту Росшиби колпакъ,
Ише Рошшу-ту пиши да со племянникомъ...» (стр. 480).

№ 104.

5. — «... Въ первую голову (пиши)—Самсона ты Болыбанова,
Втору голову—Дуная-та Переславьевъ,
Въ третью голову—Гаврюшу-то Долгоцелого,
Да пиши-тко Луку Толстоременника,
Да обѣихъ пиши съ племѣнникомъ;
10. Ужъ ты Рошшу пиши-тко, Рошиби колпакъ,
Рошиби колпакъ пиши да со племянникомъ...» (стр. 523).

Собиратель, посвятившій „Камскому побоищу“ отдельную статью,¹⁾ почему-то вовсе не коснулся этихъ любопытныхъ обозначеній. Попытаемся уяснить ихъ себѣ. Слово племянникъ (дialektическое племѣнникъ) въ настоящее время обозначаетъ главнымъ образомъ сына брата или сестры и въ нѣкоторыхъ отдельныхъ случаяхъ родственника вообще. Сюда относятся такія выраженія, какъ: Божій племянникъ = счастливчикъ, застольный

¹⁾ „Юбилейный сборникъ въ честь проф. Вс. Ф. Миллера“ стр. 150—162.

племянникъ = бѣдный родственникъ—нахлѣбникъ (см. Словарь Даля с. v.). Въ восточныхъ говорахъ во второмъ смыслѣ употребляется еще слово племяшъ (родичъ, соплеменникъ). Въ древне-русскомъ языѣ для обозначенія сына брата или сестры употреблялись слова: братаничъ, братанъ (Псковск. I лѣт. подъ 1433 г.), братучадо (—ъ, —ъ); сестричъ, сестричичъ, —щъ, нетии¹). Слово же „племянникъ“ обозначало только человѣка, принадлежащаго къ тому же роду, племени, и въ болѣе узкомъ смыслѣ (какъ теперешнее „племянникъ“) не употреблялось. Для примѣра приведу отрывокъ изъ духовной Артемія черноризца въ пользу Николаевскаго Чухченемскаго монастыря близъ Холмогоръ: „а не восхочеть игуменъ савастынъ тое земли. дадуть мои племеньники. Игумену савастыну сорочекъ за сокроустъ, а стому николѣ. л. бѣль на темъянъ“. ²⁾ Другой примѣръ, изъ Новгородской судной грамоты 1471 г.: „Дать въ позовнико (т. е. истцово) мѣсто грамота безсудная племенику его или другу“ ³⁾.

Мнѣ не кажется невозможнымъ, что въ старинахъ Зимней Золотицы сохранилось древнее значеніе разбираемаго слова, хотя, конечно, сами сказатели понимаютъ его уже только въ современномъ смыслѣ. Въ такомъ случаѣ былинное выраженіе „со племянникомъ“ соотвѣтствуетъ древнему „со племенники“. Понятно, для рассказчика важно было только имя предводителя этой дружины, напр., Роша Росшиби колпакъ. Къ сожалѣнію, мнѣ ничего неизвѣстно подобнаго ни въ старыхъ записяхъ былинъ, ни въ новыхъ, а основываясь исключительно на трехъ—четырехъ золотицкихъ былинахъ, нельзя идти дальше простого предположенія.

Теперь, оставивъ гадательное, обратимся къ тому, что можно считать доказаннымъ. Изъ предыдущаго видно, что былина о женитьбѣ Пересмыкина племянника представляетъ переработку повѣсти о матросѣ Василіи, быть можетъ, по списку иной редакціи, чѣмъ дошедшіе до насъ списки. Къ какому времени надо отнести сложеніе былины? Л. Н. Майковъ на основаніи бытowychъ чертъ относитъ составленіе повѣсти къ первой половинѣ

¹⁾ „Материалы для словаря древне-русского языка“ ак. И. И. Срезневскаго вв. вв.

²⁾ А. А. Шахматовъ. Исследованіе о двинскихъ грамотахъ XV в. Ч. II № 9, стр. 15—16.

³⁾ Срезневский „Материалы...“ в. в. племенникъ.

XVIII столѣтія¹⁾); къ тому же заключенію приходитъ и ак.
A. Н. Пыпинъ²⁾, не измѣнившій своего мнѣнія до послѣдняго
времени (см. „Исторію р. литер.“ 1899 г. т. 3, стр. 417—418).
Слѣдовательно, наша былина не могла быть сложена раньше
первой половины XVIII в.; болѣе точного опредѣленія сдѣлать
нельзя, пока не будетъ найдено другихъ списковъ повѣсти и
новыхъ вариантовъ былины.

Изученіе былины о Пересмякиномъ племянникѣ само собой
приводить къ болѣе общему любопытному вопросу.

Былины въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насть, считаются
обыкновенно достояніемъ XV—XVI вв.; слагавшіяся, начиная
съ середины XVI столѣтія, пѣсни иѣсколько отличаются отъ
нихъ по существу и въ настоящее время носятъ название исто-
рическихъ пѣсенъ (народъ однако и ихъ называетъ „старинками“).
Хранители былинной традиціи въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ
были только исполнителями и исказителями былинъ, но не слага-
телей ихъ. Таково общепринятое мнѣніе. Однако есть иѣко-
торые факты, доказывающіе, что въ мѣстностяхъ, особенно бла-
гопріятствовавшихъ сохраненію былинъ (условія для этого пре-
красно выяснены въ предисловіяхъ ко многимъ былиннымъ сбор-
никамъ), новыя былины могли появляться и позднѣе указанного
выше предѣла. Классическій примѣръ—стихотвореніе Щербины,
вашедшее въ репертуаръ Матрены Меньшиковой. *Гильфердинъ*,
приводя передѣлку Меньшиковой, говоритъ: „Не показываютъ
ли эти факты, что тамъ, на Кенозерѣ, воздухъ, такъ сказать,
еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ
не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ пред-
метовъ?“³⁾ Здѣсь мы встрѣчаемся со стихотвореніемъ 60-хъ го-
довъ прошлаго столѣтія, почему собирателю и было такъ легко при-
звать его. Безъ сомнѣнія, могутъ быть и другие случаи въ этомъ ро-
дѣ. Тотъ же собиратель записалъ въ Повѣнѣцкомъ у. отъ ска-
зителя Калинина (одного изъ лучшихъ олонецкихъ пѣвцовъ) ста-
ринку про Рахту Рагнозерскаго. Проф. *Вс. Миллеръ* въ одномъ

1) „Очерки...“ стр. 192.

2) „Для любит. кн. старинны“ стр. VIII.

3) „Онежскія былины“ Т. I (1894 г.) стр. 22.

изъ своихъ очерковъ¹⁾ указалъ составные элементы этой старины и высказалъ предположеніе о происхожденіи имени богатыря,—на всемъ этомъ мы останавливаться не будемъ. Насъ интересуетъ другое: былина представлять украшенное предавіе о мѣстномъ силачѣ и, стало быть, *сложена* въ Олонецкой губерніи. Разумѣется, времени сложенія опредѣлить нельзя; нужно только сказать, что ни въ языкѣ, ни въ подробностяхъ содержанія нѣтъ ничего, что указывало бы на древность происхожденія.

Въ послѣднее время г. Ончуковымъ на сѣверѣ Россіи (въ с. Устьцыльмѣ) записана въ двухъ вариантахъ пѣсня, названная собирателемъ пародіей, въ виду того, что въ ней былиннымъ складомъ воспѣвается мѣстный пьяница. Приведу лучшій вариантъ:

№ 29.

1. Не у вора у Васьки у Захарова
Не упито было, ие уѣдено,
Не баско-хорошо было не изношено,
На царевъ кабакъ да было сионенс.
5. Походить Васенька на царевъ кабакъ,
Поносить шапочку пуховъ колпакъ,
Большими-те тюсеми²⁾ онъ принахлапывать,
Сѣпыми-те глазами онъ да прироснилькивать;
Приходитъ Васинъка да на царевъ кабакъ,
10. Отдавать шапоцьку пуховъ колпакъ,
Пресить за шапоцьку пятьсотъ рублей,
А даваютъ ему пять копеечекъ.

(„Печорскія былины“ стр. 155).

Во второмъ варианте упоминаются и нѣкоторыя другія лица, также изъ числа мѣстныхъ героеvъ.

Все это даетъ право предполагать, что сложеніе новыхъ былинъ продолжалось до послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, где по современнымъ даннымъ былинная традиція проявляеть особенную жизненность. Былины богатырскія, которыя возникали въ дружинной средѣ и восходили къ лиро-эпическимъ пѣснямъ, перестали создаваться, какъ скоро исчезли условия, вызывавшія ихъ появленія, но нельзѧ указать

1) „Этн. Об.“ кн. XXXIX.

2) Сапоги изъ оленьяго мѣха.

препятствій для сложенія былинъ-фабльо. Минъ кажется, что народное творчество въ этомъ направленіи не угасло, а продолжало свою работу. Примѣрами служатъ новые былины, приведенные выше, начиная съ былины о женитьбѣ Пересмыкина племянника. Разумѣется, вопросъ этотъ требуетъ дальнѣйшаго разъясненія; могло бы пролить на него свѣтъ въ особенности сравнительное изученіе репертуара и приемовъ лучшихъ сказителей, въ родѣ Аграфены Крюковой, Трофима Рябинина, Петра Калинина, и др.

Н. Васильевъ.

СМѢСЬ.

Еще къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца.

Въ XLIV книжкѣ «Этнографического Обозрѣнія» (1900 г. № 1) была помѣщена моя замѣтка «къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца». Въ этой замѣткѣ я старался выяснить прозвище популярного богатыря на основаніи былинныхъ данныхъ. Я воспользовался начальнымъ эпизодомъ изъ былины о боѣ Алеша Поповича съ Тугариномъ; здѣсь рассказывается о томъ, какъ Алеша, выѣхавши со своимъ слугою изъ Ростова, доѣхалъ до перекрестка, гдѣ дорога расходилась въ три стороны, къ тремъ различнымъ городамъ. Изъ названій городовъ, довольно разнообразныхъ по различнымъ пересказамъ, я выѣхалъ имена Чернигова, Путівля и Мурома и изъ сопоставленія этихъ трехъ географическихъ опредѣлений сдѣлалъ выводъ, что подъ «Муромомъ» нужно подразумѣвать южный городъ Моровійскъ, или Муромскъ. Новая запись этой былины, недавно сдѣланная г. Оничуковымъ въ Печорскомъ краѣ¹⁾), заставляетъ иначе объяснять былинную географію, а сообразно съ этимъ иначе смотрѣть и на название г. Мурома. Новая запись не говоритъ, откуда выѣхали Алеша Поповичъ и Екимъ-паробокъ, но на выѣздѣ ихъ именно изъ Ростова намекаетъ Алеша, называя себя сыномъ Левонтия, попа ростовского.

Два молодца єдутъ и разговариваютъ:

«Куда намъ вѣдь, братцы, ужъ какъ єхать будетъ?
Намъ єхать, не єхать намъ въ Суздалъ-градъ?
Да въ Суздалъ-градъ питья много,
Да будетъ добрымъ молодцамъ испропитися;
Пройдеть про насъ славушка недобрая».

Далѣе упоминаются Черниговъ и Кіевъ, эпические города, не имѣющіе значенія для опредѣленія географіи былины. Но название Суздаля, впервые встрѣчающееся въ этой былинѣ, естественно напрашивается на сопоставление съ Муромомъ, упоминаемымъ у Кирши Данилова и въ «Бѣломорскихъ былинахъ» (№ 47). Эти пересказы оба говорять о вы-

¹⁾ Печорскія былины, № 85, стр. 333.

ѣздѣ богатыреи изъ Ростова (въ «Бѣл. был.»—Острова); такимъ образомъ, географія былины опредѣляется небольшимъ райономъ, въ который входитъ Ростовъ, Суздаль и Муромъ. Къ этому нужно прибавить, что въ двухъ пересказахъ въ качествѣ мѣста, куда бѣдуть крестовые братья, упомяннуто название князя Владимира, вмѣсто княжескаго города Кіева. Можно думать, что здѣсь сохранилось название третьаго города, куда направлялась дорога отъ перекрестка—название города Владимира. Тогда опредѣляются три дороги, упоминавшіяся въ древнѣйшей версіи былины: въ Муромъ, Суздаль и Владимиръ. Эта версія, если она дѣйствительно существовала, должна была принадлежать мѣстной пѣснѣ о ростовскомъ храбрѣ. Въ такомъ случаѣ приходится допустить, что впослѣдствіи на югъ эта пѣсня подверглась переработкѣ, при чемъ явились новые названія городовъ: Путівль, Черниговъ и Кіевъ, и къ имени ростовскаго храбра первой четверти XIII в. было прикрѣплено легендарное сказаніе о Тугаринѣ, ведущее свое начало еще съ конца XI в.

А. Марковъ.

БЫЛИНЫ НА БРАТЧИНАХЪ.

Въ книгѣ К. Молчанова «Описаіе Архангельской губерніи (Спб. 1813, стр. 192) при разсказѣ о Шенкурской округѣ (§ 21) читаемъ:

«Въ семъ уѣздѣ храмовые только праздники празднуются крестьянами съ особеннымъ приготовленіемъ, къ коимъ варять пиво, покупаютъ горячее вино и водку, созываютъ гостей, веселятся съ ними и съ сосѣдями, посѣщаю одинъ другого до 4 и до 5 дней; сверхъ того, имѣютъ достойное примѣченіе обыкновеніе: всякой инородецъ, проходя ицу селеніе во время праздника, угощается наравиѣ съ гостями. Почему хлѣбъ и харчевая юѣства со стола чрезъ цѣлый день не сбирается. При семъ пожилые люди поютъ старины, въ коихъ выхваляются подвиги древнихъ русскихъ героевъ, какъ-то: св. Владимира, Добрыни, атамана Суры и проч., а молодые люди поютъ новомодныя любовныя пѣсни, развращающія болѣе ихъ нравы, нежели исправляющія». Отмѣчаемъ, что «старины» (вм. «былины») поются пожилыми и во время храмовыхъ праздниковъ—остатковъ древнихъ братчинъ (NB. вареніе пива). Невольно вспоминаются мы впервые мы впервые попавшіяся «виноградья большія и малыя», пѣвшіяся при колядованіи на Рождество въ Устюжскомъ уѣздѣ и составляющія особый родъ великорусскихъ пѣснопѣцій (Ф. М. Истомичъ и С. М. Ляпуновъ: Пѣсни русского народа, собр. въ 1893 г. Спб. 1899, стр. XIII) Сура—вѣроятно, Сауръ Леванидовъ (См. у Вс. Ф. Миллера. Очерки русской народной словесности. М. 1897. Стр. 337).

И. Шляпкинъ.

Къ пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря.

Въ наиболѣе полномъ видѣ пѣсня объ осадѣ и взятіи Соловецкаго монастыря сохранилась въ пересказѣ, записанномъ мною отъ пѣвицы родомъ съ сѣвернаго берега Бѣлого моря, А. М. Крюковой (см. Бѣломорскія былины, № 40). Между прочимъ этотъ пересказъ содержить указаніе на то, какъ было взято монастырь:

Захотѣлъ-то вѣдь Деревяга
Въ святомъ озерѣ купаться,
По веревкамъ черезъ стѣну-ту опускаться.
Еще наль этотъ грѣшникъ
Онъ на сыру-ту землю;
Онъ сломилъ свою праву руку,
Извихнулъ свою лѣву ногу.
Тутъ пришелъ къ нему воевода:
«Ты скажи-ка намъ сущу правду:
Еще порохомъ-то ли доволенъ монастырь,
Еще пушками-то доволенъ ли,
Еще крѣпостью-то крѣпокъ ли
Да людими-то вѣдь онъ людень ли?»
Говоритъ-то тутъ Деревяга:
— Онь вѣдь крѣпостью-ту крѣпокъ,
Онь людими только не людень.
Поидите ѹ вы зайдите
Дровяннымъ-то въ стѣну окошкомъ.—

(Здѣсь пѣвица объяснила, что въ стѣнѣ было окошко, заложенное дровами).

Какъ зашелъ-то воевода,
Рассказаль какъ Деревяга.

На эту подробность, передаваемую въ пересказѣ Крюковой и отсутствующую во всѣхъ пересказахъ, обратилъ вниманіе проф. В. Ф. Мильеръ въ своей статьѣ объ историческихъ пѣсняхъ изъ Сибири¹⁾: «Исторически извѣстно, что осаждавшимъ помогла измѣна монаха Феоктиста, указавшаго имъ тайный проходъ въ монастырь. Повидимому, и это обстоятельство въ измѣненномъ видѣ упомянута замѣчательная пѣсня Крюковой». Конечно, пѣсня здѣсь вспоминаетъ тотъ фактъ, что Мещерицову удалось взять монастырь съ помощью перебѣжчика, монаха Феоктиста, который указалъ стрѣльцамъ отверстіе въ стѣнѣ, слегка заложенное камнiami. Нужно сказать, что объ этомъ знала также одна старуха, крестьянка Зимнаго берега Бѣлого моря, владѣлица старииной записи пѣсни; она рассказывала, что московское войско взяло монастырь только

¹⁾ Извѣстія Отдѣленія русскаго из. и словесн. И. Акад. Наукъ 1904 г. т. IX, кн. 1, стр. 47.

потому, что одинъ монахъ показалъ потайной ходъ («Бѣлом. был.» стр. 472, прим. 3). Но почему же въ пересказѣ Крюковой вмѣсто монаха (Феоктиста) измѣнникомъ оказывается какой-то «Деревяга?» Сама пѣвица понимала это слово въ качествѣ имени нарицательного и объяснила, что это былъ «мужикъ деревенскій». Но слово «деревяга, деревяжка» не имѣть вовсе такого значенія; на основаніи пѣсеннаго текста можно только понять, что таково было прозвище измѣнника. Можно даже думать, что ассоціація представлений «деревяга» и «деревенскій», «дерево» повлияло на то, что вмѣсто камней въ пѣснѣ стало фигурировать «древяное окошко». Такимъ образомъ, вмѣсто Феоктиста, въ пѣснѣ является Деревяга. Замѣтимъ еще, что самая измѣна описывается не согласно съ исторіей. Пѣсня говоритъ, что Деревяга сталь спускаться со стѣны по веревкѣ подъ предлогомъ купанья въ озерѣ; но такой предлогъ быль бы совершенно невѣроятнымъ¹⁾, потому что взятіе монастыря происходило 22 января, въ сильную мятель и бурю, а измѣна Феоктиста совершилась незадолго до этого, послѣ неудачной попытки взять приступомъ монастырь 23 декабря.

Изъ всего этого видно, что въ пѣснѣ преданіе объ измѣнѣ Феоктиста соединено съ другимъ преданіемъ изъ времени осады монастыря, рассказывавшимъ о какомъ-то Деревягѣ, который, желая купаться, сталь спускаться по веревкамъ со стѣны, но упалъ, расшибся и попалъ въ руки воеводы. О такомъ событии мы ничего не знаемъ по историческимъ источникамъ, но есть иѣкоторое основаніе предполагать, че сохранилась ли въ эпизодѣ о Деревягѣ память о «воровскомъ казакѣ Панфилѣ Деревягинѣ», который вмѣстѣ съ другими «Астраханскими воровскими казаками» упоминается въ одной челобитной грамотѣ 1670 года²⁾? Можно думать, что послѣ 1671 года, когда астраханцы покорились московскому воеводѣ и казакамъ въ Астрахани нечего было дѣлать, многіе изъ нихъ отправились на сѣверъ и примкнули къ недовольнымъ соловецкимъ монахамъ. Извѣстно, что большая часть монастырской рати состояла изъ «воровъ», которые сильно безчинствовали, вызывая противъ себя недовольствія со стороны самихъ монаховъ. Незадолго до взятія монастыря, въ 1674 г. они чутъ было совсѣмъ не отказались защищать монастырь и даже положили ружья на стѣну. Вотъ каковы были защитники монастыря; весьма вѣроятно, что среди нихъ находился и «воровской казакъ Панфилъ Деревягинъ».

А. Марковъ.

„Красная смерть“ у русскихъ старообрядцевъ.

Пишу по поводу «Этнологического вопроса» г. Вл. Б. во II книжкѣ «Ф. О.» (стр. 160—161).

Въ гор. Сарапулѣ (на р. Камѣ, въ Вятской губ.), на такъ наз. Старцевой горѣ, живутъ старообрядцы разныхъ толковъ, а также сект-

¹⁾ Развѣ только разумѣется купанье въ ѹордании 6 января?

²⁾ См. Акты Историческіе, IV, 398.

танты (будто бы хлысты и скопцы). Въ деревнѣ Шевыріловѣ, неподалеку отъ города, также живутъ сектанты.

Въ виду замкнутой жизни тѣхъ и другихъ (высокіе заборы вокругъ дворовъ, ворота всегда на запорѣ,—трудно достучаться; вѣра хранится въ тайнѣ и т. д.), про нихъходить въ окружающемъ населеніи не мало слуховъ, иногда неѣльныхъ. Иять лѣть тому назадъ я цѣлый годъ жилъ въ Сарапулѣ. Тогда тамошніе изѣщане увѣряли меня, напримѣрь, что если войти въ домъ къ скопцу, васъ непремѣнно посадятъ на такой стулъ, который моментально опустится, вмѣстѣ съ вами, въ подвалъ, и тамъ надъ вами будетъ произведена операция освѣпленія...

Усилию циркулировали также слухи о практикующейся будто бы у сектантовъ «Красной смерти» черезъ задушеніе красною подушкою. Говорили и о существованіи особаго «душила», специалиста по части задушенія. Но присутствіе его не обязательно: задушить можетъ и сынъ, дочь или другой родственникъ, если онъ на то согласится.

Въ «Памятной книжкѣ Вятской губ. на 1901 годъ» было, между прочимъ, напечатано слѣдующее сообщеніе, заимствованное, очевидно, изъ офиціальныхъ отчетовъ миссіонеровъ. «Въ 1899 году образовался новый толкъ—«Яичниковъ»—изъ-за вопроса о томъ, можно ли класть пасхальныя яйца на божницу къ иконамъ. Послѣ многихъ споровъ сектанты по этому вопросу не пришли ни къ какому соглашенію; спорящія стороны взаимно отлучили себя отъ церковнаго общенія, и не позволяющіе класть яйца въ божницы составили толкъ Яичниковъ.—Немоляки, Бѣгуны, Петины и Никифоровы отличаются направленіемъ рационалистическимъ, отвергаютъ церковь, таинства и обряды, молитву, посты, водное крещеніе. Особенно вреденъ толкъ бѣгуновъ, имѣющихъ сходство съ Тираспольскими изувѣрами. У нихъ въ ходу 40-дневный постъ въ лѣсахъ, отъ которого часто умираютъ съ голода, и такъ называемая красная смерть (въ Елабужскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ). Есть основаніе предположить, что трудно-больныхъ крестятъ и потомъ задушаютъ красною подушкою» (стр. 98—99).

Добровольную смерть многие толки старообрядцевъ считаютъ выше естественной смерти, приравнивая ее къ мученичеству. Но при этомъ важно, чтобы умирающей не самъ «наложилъ на себя руки». Съ его стороны нужна рѣшимость умереть, а иначе пусть сдѣлаютъ силы природы или рука другого человѣка. Самосожженіе, добровольное голоданіе до смерти, добровольное замуривание,—все это «красная», т.-е. красивая, почетная смерть; задавиться же, утопиться—смерть совсѣмъ не «красная». Вполнѣ возможно, что смерть черезъ добровольное задушеніе со стороны другого лица будетъ «красною» смертію. Но «душила» не является тутъ чѣмъ-то особенно существеннымъ; нуженъ вообще другой человѣкъ, такъ какъ если рѣшившійся умереть самъ «ползетъ въ петлю», самъ задавится, то онъ будетъ «черту баранъ, готовъ ободранъ».

Красная подушка явилась тутъ скорѣе всего по простому созвучію съ «красною» смертію. Задушить человѣка удобнѣе всего именно при помощи подушки.

**Дѣтскія игры Московской губерніи Бронницкаго уѣзда
въ с. Быковѣ.**

(Изъ записной книжки).

1. „Въ кругъ“.

Дѣти становятся въ кругъ, держась за руки, и ходить вокругъ стоящаго посреди, у котораго глаза плотно закрыты. При этомъ поютъ:

«Отгадай, чей голосокъ,	Своей палочкой косись,
Становися во кружокъ	Отвѣчай поскорѣй,
И скорѣй кого-нибудь	Отгадать поторопись.»

Всѣдѣ за этимъ останавливаются, а стоящій посреди съ закрытыми глазами ощупываетъ у всѣхъ головы. Тотъ, кого онъ вѣрно назоветъ по имени, долженъ ити въ кругъ.

2. „Въ ключи“.

Въ этой игрѣ могутъ принимать участіе только пять человѣкъ. Четверо садятся по угламъ гумна, а пятый становится посрединѣ. Стоящій посреди подходитъ къ одному изъ сидящихъ на углу и спрашиваетъ: «Дяденька (или тетенька), у тебя ключи?» Тотъ отвѣчаетъ, указывая на сосѣда: «У дяденъки поищи.» Такъ онъ обходить всѣхъ четверыхъ. Послѣдній отвѣчаетъ: «Посрединѣ поищи.» Идущій ключи отходитъ въ средину гумна. Въ это время остальные вскакиваютъ и мѣняются мѣстами. Стоящій посрединѣ, перевернувшись на одной ногѣ, старается зацепить чье-нибудь мѣсто. Оставшійся безъ мѣста идетъ искать ключи.

3. „Перепрыгушки“.

Двое дѣтей садятся на землю другъ противъ друга такъ, что ихъ ноги касаются подошвами. Остальные дѣти перепрыгиваютъ черезъ ихъ ноги. Потомъ, сидящіе на землѣ ставятъ одну ногу на другую, а про чие перепрыгиваютъ черезъ нихъ. Затѣмъ поочередно ставятъ на вторую ногу спачала одну руку, затѣмъ же и другую, а остальные перепрыгиваютъ. Наконецъ, сидящіе на землѣ становятся на четверенки спиной другъ къ другу, остальные перепрыгиваютъ черезъ нихъ.

В. Харузина.

Новыя пѣсни—частушки.

(По поводу войны).

Какъ только была объявлена война Россіи съ Японіей, деревенская молодежь почувствовала сильный патріотизмъ. У многихъ парней явилось желаніе ити добровольцами; запасные съ нетерпѣніемъ стали

ждать набора; и тѣ и другіе внимательно принялись слѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями войны, пользуясь скучными извѣстіями. Но какъ ви дорого для деревенской молодежи отечество, какъ ни велики ся порывы защищать родину, все жь она не можетъ легко порвать любовная чувства съ *милашкой*.

Мнѣ удалось записать (въ с. Новомъ, Клинскаго уѣзда, Московской губ.) шесть новыхъ пѣсень, сложившихся исключительно подъ вліяніемъ военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ. Пѣсни эти уже распѣвались по селу на масленицѣ.

1. Вотъ что спѣлъ парень подъ первымъ впечатлѣніемъ, когда узналъ, что объявлена война;

Ты, милашечка моя, Пыдымается война;	На войну меня угонять— Ты останешься одна.
---	---

2. Другой, очевидно, уже собравшійся на войну и не надѣявшійся оттуда вернуться, поетъ:

Ты, милашечка — цвѣтокъ, Я уѣду на Востокъ;	На Востокѣ-то война, Можетъ быть, убьютъ меня.
--	---

3. Наоборотъ, третій ободряетъ свою *милую*, что, когда онъ вернется съ войны, они *заживутъ* вмѣстѣ:

Не тужи, моя милашка, Я вернуся съ «похвалой»;	Заслужу я крестъ Георгій, Заживемъ тогда съ тобой.
---	---

4. Дѣвица, опечаленная уходомъ на войну своего *цельтика*, поетъ:

Цвѣтокъ уѣхалъ на войну, Скоро ве вернется;	Всѣ подружки веселятся, А мнѣ плакать хотца.
--	---

5. Другая просить дать съ войны *спѣсточку*:

Вспомни, милый, обо мнѣ, Когда будешь на войнѣ.	Вспомни, милый не забудь, Пришли записку съ кѣмъ-нибудь.
--	---

6. Въ слѣдующей пѣснѣ высказывается одиночество дѣвушекъ, которыхъ, какъ видно, *обидно* гулять однѣмъ въ селѣ.

Въ селѣ видно, въ селѣ видно, Гулять дѣвушкамъ обидно —	Кавалеры на войнѣ, Гуляйте, дѣвушки, однѣ.
--	---

В. Степановъ.

С. Новое
февраль 20, 1904 г.

„Причётки“, записанныя въ г. Веневѣ, Тульской губерніи.

(Изъ записной книжки).

Вздыхая приговариваются:

1. Охъ, мой Богъ,
Прими мой вздохъ,
Укроти мое страданье
И исполнь мое желанье.
2. Господи, Господи,
Убей того до смерти,
У кого мужъ хорошъ
И денегъ тьма,
Авось останется,
Мнѣ достанется.
3. Эхма!
Кабы денегъ тьма,
Купилъ бы овчинъ,
Да жилъ бы одинъ,
Послахъ бы соломы
И валялся какъ свинья.

При икотѣ приговариваются:

4. Икается—
Куда дѣвается?
Кабы икался
Да въ карманъ бы клался.

Когда чихнетъ кто-нибудь, ему говорятъ:

5. Салфетъ вашей милости,
Красота вашей чести,
Цвѣта циѣтущіе,
Во здравіе растущіе.

В. Харузина.

Печерскіе эсты.

(Сетукезы).

Въ «Правительственномъ Вѣстнике» (1904 г., № 127) былъ помѣщены въ фельетонѣ очеркъ, безъ подписи автора, излагающій свѣдѣнія о пещерскихъ эстахъ (сетукезахъ). Ихъ съ 80-хъ годовъ стали изучать пасторъ Я. Гурть, знающий ихъ языкъ. Лѣтомъ 1903 года

г. Гуртъ при содѣйствіи Рус. Географическаго Общества наполнилъ свои наблюденія и изслѣдованія надъ печенскими эстами и сдѣлалъ докладъ о нихъ въ отдѣленіи этнографіи общества. У г. Гурта собрана порядочная коллекція рисунковъ и снимковъ.

Приводимъ изъ рассматриваемаго очерка наиболѣе существенные данные объ изученномъ г. Гуртомъ племени.

Печерскіе эсты живутъ на нашей прибалтийской окраинѣ, въ 8 часахъ юзды по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга, среди русскаго населенія. Этотъ народецъ сохранилъ до нашихъ дней весьма древнія особенности своего быта и языка; едва ли не съ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи онъ исповѣдуетъ православную вѣру и являеть рѣдкій примѣръ сохранившейся народной первобытности и обособленности. Это — заброшенная въ приозерную псковскую мѣстность вѣтвь эстонскаго племени. Псковскихъ, или, вѣрище печенскихъ (заштатный городъ Печеры, Petseriwald) эстовъ, называются, въ отличие отъ лифляндскихъ, —сетукезами (setukesed).

Печерскіе эсты занимаютъ сѣверо-западную часть Псковскаго уѣзда; съ запада ихъ отдѣляютъ отъ Лифляндіи рр. Меды и Нимжа. Мѣстность, заселенная этими эстами, окружена чисторусскими деревнями и прорѣзана псково-рижскою желѣзною дорогою. Печерскую Эстонію составляютъ четыре волости: Слободская, Паниковская, Изборская и Печерская, центральная между ними.

Печенскихъ эстовъ, по послѣдней переписи 1897 г., исчислено всего 16.571 чел. обоего пола (м. 8.158 и ж. 8.413). Ихъ современный бытъ даєтъ богатый матеріалъ для этнографіи и археологіи. Наблюдаемыя въ современномъ печенскомъ эстѣ черты быта поразительно напоминаютъ бытъ древняго финна и особенно финки, между прочимъ, въ покроѣ ея красивой одежды, а также въ выборѣ и сочетаніи цвѣтовъ въ ней: основныя черты древняго облика тѣхъ и другихъ одиѣ и тѣ же.

Сохраненіе печенскими эстами многаго изъ первобытной эпохи тѣмъ болѣе замѣчательно, что ихъ ближайшіе сосѣди и единоплеменники, лифляндскіе эсты, находятся на болѣе высокой степени культурнаго развитія, да и сами печенскіе эсты живутъ не въ отрѣзанной отъ общеноародныхъ сношений мѣстности. На противъ, они разселены въ краѣ, богатомъ историческимъ прошлымъ. На западѣ лежитъ перенесшая измѣнчивую свою судьбу Лифляндія, на востокѣ печенскихъ эстовъ окружаютъ города Изборскъ и игравшій такую видную роль въ древне-русской исторіи Псковъ. На югѣ, черезъ землю этихъ эстовъ всегда проходили большія дороги.

Гдѣ же искать объясненія столь рѣзкой первобытной обособленности псковскихъ инородцевъ? Г. Гуртъ находитъ его «въ своеобразномъ взаимодѣйствіи национальности и вѣроисповѣданія». «Своеобразное взаимодѣйствіе» сводится къ тому, что печенскіе эсты были поставлены въ особыя историческія условія, среди которыхъ протекала ихъ многовѣковая жизнь на русской землѣ. Что касается «национальной» стороны, то,

будучи восточною вѣтвью верро-эстонского племени, пещерские эсты еще въ орденской періодѣ отдѣлились отъ своихъ единоплеменниковъ и тогда какъ эти родичи ихъ послѣдовательно были подчинены владычеству нѣмецко-польскому и шведскому, пещерские эсты принадлежали только одной Россіи и, по соединеніи въ XVIII в. этихъ обѣихъ вѣтвей подъ властью Россіи, между ними продолжало существовать лишь чисто-административное раздѣленіе, такъ какъ они чисились по разнымъ губерніямъ. Этнографического разобщенія между этими эстами никогда не было, почему ихъ общій племенной и язычный типъ могъ сохраниться, и только вліяніе языка русскаго естественно отразилось—хотя и не въ значительной степени—на особенностяхъ говора и запаса словъ языка пещерскихъ эстовъ, по говору ихъ все-таки никакъ нельзя назвать особымъ нарѣчіемъ эстонского языка.

Различие говора обѣихъ, хотя и находившихся въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, народностей было причиною рѣзкаго обособленія пещерскихъ эстовъ отъ русской народности. Повидимому, до сихъ поръ не предъявлялось ни съ той, ни съ другой стороны никакихъ серьезныхъ усилий ослабить племенное разобщеніе. Въ настоящее время между пещерскими эстами,—какъ утверждаетъ г. Гурть, на государственномъ языкѣ косъ какъ говорять лишь немногіе изъ мужчинъ; женщины же и дѣти не знаютъ этого языка. Домашній языкъ у нихъ эстонскій. Браки между пещерскими эстами и русскими очень рѣдки. Напримѣръ, въ пещерскомъ приходѣ (3 тыс. чел.) за послѣднее 25-лѣтіе было только два смѣшанныхъ брака. Это и естественно при существованіи взаимного нерасположенія между сказанными народностями. Русскіе считаютъ пещерскихъ эстовъ людьми низшей расы, а послѣднимъ не нравятся въ русскомъ человѣкѣ его характеръ и одежда, на которую эстонка ни за что не перемѣнитъ своей национальной. «Святая Дѣва Марія носила такую же одежду, — твердить эстонка,— и было бы грѣшно замѣнить ее другой».

Кромѣ народныхъ праздниковъ, обособленность пещерскихъ эстовъ поддерживается еще два обстоятельства: близкое сосѣдство ихъ съ лифляндской Эстоніею и общепризнанная черта ихъ народнаго характера—упрямство. Несмотря на то, что лифляндскіе эсты ставятъ своего не-культурного сородича еще ниже, чѣмъ это выказываютъ мѣстные русскіе, и относятся къ нему не особенно дружелюбно, однако сравнительно высшая культура лифляндскаго эста, въ особенности въ области сельскаго хозяйства, имѣть значительное вліяніе на пещерскаго эста, и доступъ этому вліянію облегчаетъ тужество народныхъ началь у этихъ обѣихъ отраслей одного племени. При многихъ хорошихъ качествахъ характера пещерскаго эста, онъ отличается упрямствомъ, которое выразилось въ твердости, силѣ и выдержаніи его народнаго типа.

Пещерские эсты ревностно преданы православной вѣрѣ, строго соблюдаютъ посты и добросовѣстно выполняютъ предписанія снятой церкви.

Пещерскій эсть хранить преданья глубокой старины въ великомъ множествѣ пѣсень, сказокъ и пословицъ. Онъ весь погруженъ въ этотъ чудесный для него міръ. Эсты высоко цѣнятъ свое пѣсненое сокровище

и заботливо передаютъ его отъ поколѣнія къ поколѣнію преимущественно черезъ посредство женщинъ. Умѣніе женщины и девицы пѣть пѣсни признается большими ея достоинствомъ, составляетъ лучшую ея славу. Знаніе невѣстою возможно большаго числа пѣсень считается драгоценныиимъ приданымъ. Народная пѣсня такъ проникаетъ всю жизнь пещерскихъ эстовъ и вносить столько жизнерадостнаго, что, по ихъ выражению, безъ пѣсни ни одна девица не смѣеть выйти изъ дома. Нѣкоторое понятіе о пѣсенномъ богатствѣ пещерскихъ эстовъ даетъ сълѣдующій фактъ: г. Гуртъ записалъ лишь въ двухъ деревняхъ и только отъ двухъ девицъ—отъ Оде—20.720 строкъ пѣсень и отъ Иро—10.800, всего 31.520 строкъ и стиховъ. Пѣсни бываютъ: 1) древніе поэтические разсказы (иногда назидательнаго характера), пѣсни сказочнаго, легендарнаго и миѳическаго содержанія; послѣдніе не всегда понятны даже для самихъ эстовъ; сравнительное ихъ изученіе, конечно, освѣтить значеніе этого пѣсенного материала; 2) очередныя или порядковыя которыхъ поются при разныхъ, повторяющихся постоянно и послѣдовательно, случаяхъ жизни, какъ свадебныя, похоронныя, всѣ пѣсни праздничныя, пѣсни, сопровождающія полевыя работы эстовъ, пѣсни игровыя и дѣтскія; 3) импровизаціи, возникающія по мимолетному вдохновенію, случайно и скоро забываемыя.

Говоря объ эстонскихъ эпическихъ пѣсняхъ, надо имѣть въ виду, что ихъ собственно не поютъ, а ритмично и мелодично пересказываютъ обыкновенно женщины. Самый пересказъ происходитъ такъ: знающая пѣвица запѣваетъ одинъ стихъ, па послѣдней его строкѣ подхватывается хоръ, повторяющій стихъ еще два раза подъ рядъ первыя двѣ стопы. Такимъ образомъ, сущность пѣсни составляется ея содержаніе, самый текстъ, а не способъ ея воспроизведенія, которое, впрочемъ, бываетъ различно, смотря по содержанію пѣсни. Бывшій профессоръ юрьевскаго университета д-ръ Арт. Эттингенъ, изучавшій мелодіи древнихъ эстонскихъ пѣсень въ Лифляндіи и Эстляндіи, пришелъ къ заключенію, что имъ, по своеобразности и первобытности мелодіи, въ системѣ современной музыки нѣть никакого мѣста. Такой выводъ приложимъ и къ пѣснямъ пещерскихъ эстовъ. Изъ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ употребительны: дудка, пивовая и сосисовая флейта, свирель, рожокъ, арфа, скрипка и, наконецъ, гармонія. Изъ этихъ инструментовъ наибѣльѣ любимый эстами—арфа; въ народныхъ пѣсняхъ она зовется «прекраснымъ инструментомъ Иисуса», и ее признаютъ священнымъ изобрѣтеніемъ Самого Создателя. Арфа дѣлается преимущественно изъ почтаемаго за священное дерево можжевельника, и на ней, по народному воззрѣнію, можно играть лишь въ священные дни великаго поста, когда неумѣстно пѣніе игровыхъ пѣсень.

Физический типъ пещерского эста въ общемъ отличенъ отъ типа окружающаго его сосѣда—русскаго человѣка. Эсть среднаго роста, большую частью блѣлокурый, почему эстонская девушка называются «блѣлокурою птичкою». Женщины носятъ красивую и богато убранныю серебряными привѣсками одежду. Будничная одежда ихъ состоитъ изъ

бѣлой льняной рубашки, рукава которой украшены вышивками, далѣе изъ тѣльпаго безрукавиаго длиннаго кафана (въ особено торжественныхъ случаяхъ суконнаго) съ красною каймою. При праздничномъ нарядѣ женщины покрываютъ шею разными украшеніями—серебряными цѣпочками (съ прикрепленными къ нимъ серебряными крестиками и монетами) и рядами стеклянныхъ бусъ. Очень характеренъ на женщинахъ помѣщаемый посреди груди и иногда покрывающій почти всю грудь круглый серебряный щитъ. Случается, у богатыхъ, женщинъ на грудныхъ украшеніяхъ 6—7 ф. серебра, и они оцѣниваются до 300 р. Праздничный головной уборъ дѣвушки представляеть жестяной или картонный обручъ съ намотанными на него разноцвѣтными шелковыми лентами, спускающимися вдоль спины. Женщины носятъ дома на головѣ отличающей ихъ отъ дѣвицъ бѣлый льняной платокъ, который на затылкѣ завязывается особою повязкою и концы котораго, украшенные вышивками, спускаются внизъ. При выходѣ изъ дому женщины поверхъ надѣваютъ обыкновенный бѣлый платокъ съ разукрашенными краями. Передникъ у нихъ чаше всего краснаго цвета. Вообще у эстонокъ преобладающій цветъ верхней одежды — бѣлый, отъ чего рядъ стоящихъ въ толпѣ женщинъ представляется стаей бѣлыхъ лебедей. Лѣтняя верхняя женская одежда полуширстяная съ красными каймами и красивыми тесьмами. Въ зимнее время женщины надѣваютъ бѣлый овечий туалъ и иногда поверхъ его еще особый бѣлый кафтанъ.

Особенность мужской одежды пещерскихъ эстовъ, сравнительно съ одеждой тамошнихъ русскихъ поселянъ, бѣловато-серый короткій кафтанъ съ двумя рядами черныхъ костяныхъ пуговицъ и довольно широкимъ, иногда чернаго цвета, отложнымъ воротникомъ. Въ холодную погоду поверхъ короткаго кафана надѣвается такой же длинный кафтанъ, повязываемый широкимъ поясомъ. Зимою подъ длиннымъ кафтаемъ носится овечья шуба. Обувь составляютъ кожаныя сандалии и сапоги. Лапти встречаются рѣдко, и то у пастуховъ или бѣдныхъ поселянъ.

Печерскіе эсты живутъ маленькими деревнями, состоящими изъ 3—5 дворовъ. Какъ деревни, такъ и отдельные дворы располагаются безъ соблюденія какого-либо опредѣленнаго порядка, по личнымъ удобствамъ каждого домохозяина и качеству обрабатываемой имъ земли, но по возможности въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сосѣда. Въ характерѣ построекъ и расположения ихъ здѣшніе эсты подражаютъ своимъ лифляндскимъ согражданикамъ, и отличительная черта сельского строительства у пещерскихъ эстовъ это — раскинутость всѣхъ построекъ на значительномъ разстояніи одна отъ другой.

Внутрення обстановка жилищъ ничѣмъ особымъ не отличается отъ русской крестьянской избы. Бревна въ стѣнахъ гладко обтесываются; окна шестистекольныя и нерѣдко съ наружной стороны украшаются рѣзьбою въ русскомъ стилѣ. Они дѣлаются только въ задней и въ одной изъ боковыхъ стѣнъ. Къ безоконной стѣнѣ пристраивается чуланъ; подъ жильемъ зачастую имѣется погребъ. Во дворѣ располага-

гаются хозяйственныя постройки, которая большою частью покрываются соломою. Рига и бани ставятся въ сторонѣ.

Занятіе пещерскихъ эстовъ главнымъ образомъ — хлѣбопашество. Въ ихъ народныхъ пѣсняхъ оно восхваляется на всѣ лады. Значительнымъ подспорьемъ въ хозяйственномъ быту могло бы служить рыболовство въ Псковскомъ озерьѣ (ловля снетковъ), но эсты издавна сторонятся отъ этого промысла, и эстонская пѣсни изображаютъ его опаснымъ дѣломъ. На водѣ — поется, между прочимъ, въ нихъ — не только рыбакъ ловить рыбу, но и рыба ловить человѣка. Здѣшній есть убѣждѣніе, что рыбакъ, уходя на промыселъ, долженъ заисаться погребальнойю одѣждой, и его провожаютъ съ плачомъ, тогда какъ полевой работникъ уходить на пашню при веселой пѣснѣ домашнихъ. Охота и пчеловодство годъ отъ году сокращаются. Нѣкоторую статью дохода у пещерскихъ эстовъ (въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ) составляетъ торговля древеснымъ дегтемъ и глиняной посудою; кроме того, они торгуютъ рыбью, которую перепродаютъ въ прибалтийскія губерніи, скучая въ нихъ, въ свою очередь, тряпье (для бумажныхъ фабрикъ) и старыхъ лошадей (кожи и кости). Былая торговля лубомъ отошла въ область преданій вмѣстѣ съ исчезающимъ у крестьянъ обычаемъ посить лапти. Кустарные промыслы эстовъ ограничиваются потребностями домашнаго быта. Пользуются нѣкоторой извѣстностью очень красивыя ткацкія издѣлія эстонокъ.

Семейная жизнь пещерскихъ эстовъ представляется наблюдателю съ чертами патріархальными. Отцу, какъ главѣ семьи, повинуются всѣ члены ея. Дѣти заботятся о своихъ родителяхъ въ ихъ старости. Браки чаще всего заключаются раннѣ. Выборъ невѣсты или жениха опредѣляютъ большою частью родительская воля и хозяйственныя соображенія. Съ удивительнымъ терпѣніемъ примиряется жена и съ тѣмъ положеніемъ, когда судьба посыпаетъ ей мужа не по сердцу: «такъ опредѣлено мнѣ Создателемъ», — обыкновенно утѣшаетъ себя молодая эстонка. Супружеской вѣриности придается высокое значеніе. Но, по грубости правовъ и вслѣдствіе нетрезвой жизни, иногда примѣчаемой между эстами, бываютъ случаи грубаго обращенія мужей съ женами, о чёмъ въ грустныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ свидѣтельствуютъ многія изъ народныхъ эстонскихъ пѣсень. Взаимныя отношенія между деревенской молодежью обоихъ половъ, по наблюденіямъ г. Гурта, становятся все свободнѣе. Удѣвшель существуетъ обычай собираться въ мясоѣдъ въ домъ одной изъ нихъ, но очереди («расквартированіе»), на время до одной недѣли, чтобы совмѣстно работать по разнымъ руководьямъ при громкихъ звукахъ неумолкаемой пѣсни. На эти вечерики иногда заходятъ парни и принимаютъ участіе въ играхъ, причемъ высмотриваютъ себѣ невѣстъ. Смотрины собственно и составляютъ главную цѣль дѣвичьихъ сходокъ.

Пещерскіе эсты большие охотники справлять празднества, пріурочиваемыя къ разнымъ обстоятельствамъ сельскаго быта. На праздникахъ веселятся (особенно молодежь) много, проводя время въ играхъ, пляскахъ и пѣніи пѣсень. Праздники бываютъ: церковные, празднуемые вмѣстѣ съ русскими православными, чисто-народные и семейные. На народныхъ

праздникахъ потребляется не мало вина, безъ котораго, впрочемъ, не обходится ни одно собраціе крестьянъ. До послѣдней питетной реформы, когда въ Лифляндіи вино было дешевле, празднующіе собирались повеселиться въ лифляндскихъ корчмахъ. Теперь эсты веселятся у себя на открытыхъ мѣстахъ вблизи деревень или на лѣсныхъ полянахъ. Семейные праздники (свадьбы, крестины, именины, похороны) носятъ на себѣ, во сложности обрядовой стороны, своеобразный отпечатокъ глубокой старины. Главное содержаніе этихъ празднествъ составляютъ пѣсни; особенно многочисленны пѣсни свадебная и похоронная (жалобная). Послѣднія, сообразно возрасту, степени родства, роду смерти, покойника, весьма различны. При этомъ, въ нихъ совсѣмъ отсутствуетъ элементъ христіанской.

Нравственный обликъ пещерскихъ эстовъ г. Гурть изображаетъ какъ людей дѣтски-наивныхъ, веселаго нрава, любящихъ шутки и прибаутки, незлопамятныхъ, миролюбивыхъ, привѣтливыхъ и гостепріимныхъ. Иль отрицательныхъ сторонъ ихъ жизни нельзя умолчать о нечистоплотности, которая служить причиной появления среди этой группы населения разныхъ накожныхъ болѣзней, о неряшествѣ выражений, о той безсердечности, какая часто проявляется ими въ обращеніи со скучаемыми ими на разныхъ базарахъ старыми лошадьми во время перегоновъ съ мѣста на мѣсто. Замѣчается между пещерскими эстами также сутяжничество. Къ народному бѣдствію — нетрезвости, въ послѣднее время стало присоединяться новое — потребление эфира. Хотя частная собственность у пещерскихъ эстовъ считается вообще цеприкосованеною, но на нихъ, какъ пограничныхъ въ губерніи жителей, иногда падаетъ подозрѣніе въ томъ, что они, будто бы, играютъ дѣятельную роль посредниковъ въ передачѣ пропадающихъ лошадей.

Критика и библіографія.

Hertz, Fr. *Moderne Kassentheorien. Kritische Essays*. Wien, Stern, 1904. 354 стр.

Книга Герца составлена изъ ряда статей, печатавшихся въ различныхъ изданияхъ: *Politischanthropologische Revue*, *Wissen f. Alle*, *Revue de synthèse historique*, *Socialistische Monatshefte* и проч., и представляетъ горячую, иногда язвительную критику на определенное направление иѣкоторыхъ историковъ и социологовъ. «Подъ выражениемъ «Kassentheorien», пишетъ Герцъ (стр. 280), мы разумѣемъ не всякій выраженный по отношенію къ расѣ взглядъ, но только тѣ взгляды, которые считаютъ расу главнымъ факторомъ исторического развитія, и это послѣднее объясняется противоположностью отдѣльныхъ видовъ человѣчества». Въ господствующихъ теоріяхъ о расахъ различаются четыре направления: «лингвистическое, исходящее изъ родства языка и культуры и заключающее отсюда о родствѣ антропологическомъ; антропологическое, стремящееся на основаніи физическихъ признаковъ возстановить среди современного намъ смыденія расы первобытные расы-типы; биологическое, занимающееся преимущественно вопросомъ обѣ естественномъ подборѣ, влияніи его на расу, которой придается здѣсь самый общій смыслъ, и соціологическое, опредѣляющее расу, какъ соціологическое образованіе, и изучающее борьбу расъ и ся соціологическое значеніе». Критикуя различныхъ авторовъ, освѣщавшихъ свои историческія и соціологическія сочиненія учениемъ о расахъ, какъ о чмъ-то налагающемъ рѣзкій отпечатокъ на ходъ событий, на устройство быта и государства, Герцъ отстаиваетъ влияніе «среды», географическихъ, соціальныхъ, антропологическихъ и биологическихъ факторовъ, настаивая на трудности, сознанію наукой, установить точно типичныя черты отдѣльныхъ расъ при томъ смыденіи, которымъ они подвергались съ незапамятныхъ временъ. Съ особенной силой и Ѣдкостью обрушивается онъ на книгу H. S. Chamberlain, *Die Grundlagen des XIX Jahrh.* 2 Bd. 5 Auf. München, 1901, въ которой авторъ является превозносителемъ «благородной» германской расы и хулителемъ «расы» семитской. Книга эта нашла интересное распространеніе въ различныхъ кругахъ Германіи и пользовалась поддержкою со стороны имп. Вильгельма. Разбивая положенія Чэмберлана, судя по приведеннымъ цитатамъ, дѣйствительно ничего общаго съ наукой не имѣющія, Герцъ даетъ очеркъ «религіозной жизни арійцевъ и семитовъ» (стр. 108—183).

и «цивилизаций у арийцевъ и семитовъ» (стр 184—211) Первый очеркъ онъ заканчиваетъ слѣдующими положеніями: 1) начала религіозныхъ представлений одинаковы у народовъ всѣхъ расъ. 2) Расы, находящіеся въ близкому родствѣ, напр., индузы и иранцы, подъ вліяніемъ противоположныхъ обстоятельствъ представляютъ примѣръ разнороднаго религіознаго развитія. 3) Наоборотъ, народы, принадлежащіе къ неродственнымъ расамъ, при однородномъ политическомъ и соціальномъ устройствѣ представляютъ примѣръ и однороднаго религіознаго развитія. 4) Раса ни въ одномъ направлении не ставить преградъ религіозному развитію. Книга Герца служить доказательствомъ, какъ настоятельно необходимо окказывается для правильнаго решенія многихъ вопросовъ знакомство съ собраннымъ этнографіей матеріаломъ и съ ея выводами. Поражая противника, Герцъ не только является вооруженнымъ историческимъ знаніемъ, но пользуется, какъ орудіемъ, и фактами этнографіи.

B. X—на.

Morris Jastrow. Die Religion Babyloniens und Assyriens. Lieferungen 1. 2. 3. 4. 5. 6. Giessen. J. Ricker'sche Verlagsbuchhandlung.

Первый выпускъ на пѣменскомъ языке вышеназванной работы профессора Пенсильванскаго Университета появился въ 1902 году, шестой — въ 1904 году.

Серьезныя знанія автора, тщательная обработка обширнаго матеріала даютъ его трудъ цѣннымъ вкладомъ въ литературу исторіи религій. Указавъ на источники и методъ своего изслѣдованія, авторъ даетъ очеркъ страны и народа, о религіи которого онъ пишетъ; затѣмъ переходитъ къ описанію боговъ древнѣйшаго Царства, т.-е. до временъ Гаммураби (за 2300 л. д. Р. Х.), и боговъ, почитавшихся при этомъ правительѣ и въ послѣдующіе за нимъ періоды. Отъ описанія боговъ авторъ обращается къ религіозной литературѣ Вавилона и подробно останавливается на заклинаніяхъ (*Zaubertexte*), которыи въ огромномъ количествѣ находились въ обращеніи среди народа Вавилоніи и Ассиріи и находились въ связи съ разнообразными обрядами. Въ этихъ заклинаніяхъ отражаются народная возрѣшія, его взглядъ на соотношенія силъ окружающаго міра, его вѣрованіе въ эти силы. Принисывая всякия болѣзни, неудачи и несчастья вліянію злыхъ духовъ, народы Вавилоніи и Ассиріи ограждались отъ нихъ заклинаніями, переходящими въ молитву о помощи къ святымъ богамъ.—Не только демоны въ боялся народъ Ассиріи и Вавилоніи и отъ нихъ ждалъ бѣды, онъ опасался и тѣхъ людей, которые, имѣя общеніе съ злыми духами, могли причинить вредъ дѣйствіемъ, словомъ, взглядомъ, и отъ нихъ приходилось защищаться заклинаніемъ. Каковы были эти опасные люди, прекрасно и живо рисуетъ намъ начало одного заклинанія:

Колдунья, которая бродить по улицамъ
 Входитъ въ дома, крадется по переулкамъ,
 Переходитъ площади, оглядывается туда и сюда,
 Останавливается на дорогѣ и обращается назадъ,
 Отнимаетъ у благочестиваго силу,
 Колдунья увидала меня и попала за мной,
 Ядомъ своимъ остановила она шаги,
 Волшебствомъ своимъ загородила дорогу.

(5 L. 308).

Созданныя народныиъ творчествомъ заклинанія были приведены священниками въ иѣкоторую систему, записаны и сохранялись при храмахъ. Подробно и обстоятельно изложивъ заклинанія, снабдивъ ихъ необходимыми поясненіями и указавъ на ихъ связь съ иѣкоторыми миѳами и легендами (5 L. стр. 364), авторъ приступаетъ къ изложению молитвъ и гимновъ, которые живо рисуютъ намъ религіозныя воззрѣнія народовъ Ассирии и Вавилоніи и знакомятъ насъ съ особенностями ихъ поэтическаго творчества. 6-ой выпускъ и посвященъ молитвамъ и гимнамъ. Въ слѣдующихъ выпускахъ предполагается помѣстить миѳы и легенды (переводы вновь найденныхъ памятниковъ древней ассирио-ававилонской литературы) и переводъ такихъ текстовъ, изъ которыхъ видны ассирио-ававилонскія воззрѣнія на жизнь и смерть. Свѣдѣніями о храмахъ и кульѣ и общими замѣчаніями закончится интересный и содержательный трудъ проф. M. Jastrow'a. При немъ будетъ находиться подробная библіографія предмета.

Ввиду все болѣе и болѣе развивающагося интереса въ обществѣ къ народамъ далекой древности трудъ поименованаго профессора является своевременнымъ и вполнѣ отвѣчающимъ научнымъ требованиямъ.

E. E.

Günther. S. dr. Ziele, Richtpunkte und Methoden der modernen Völkerkunde. Stuttgart, Enke. 1904. 52 стр.

Мюнхенскій профессоръ Гюнтеръ издалъ въ видѣ отдѣльной брошюры рѣчъ, сказанную имъ на торжественномъ засѣданіи Естественно-исторического Общ. въ Крефельдѣ (Naturwissenschaftliche Ges. zu Krefeld). Хотя она и является здѣсь въ иѣсколько распространеннѣи видѣ, въ ней, естественно, нельзя искать желательной для предмета полноты изложения. Остановившись коротко на исторіи науки этнографіи и на главныхъ ея представителяхъ, Гюнтеръ переходитъ къ изложению главныхъ ея методовъ. «Методика народовѣдѣнія, говорить онъ, еще далеко не выработалась окончательно; единства въ ней никогда не будетъ, съ одной стороны, вслѣдствіе природы объектовъ изслѣдованія, съ другой вслѣдствіе индивидуальностей различныхъ изслѣдователей.» Намѣтившіяся, однако, главныя течениія Гюнтеръ, согласно тому, на ка-

кую изъ вспомогательныхъ народовѣдчію наукъ опирается изслѣдователь, называется: 1) антрополого-археологическимъ методомъ, 2) лингвистическимъ, 3) соціолого-психологическимъ и 4) географическимъ. Каждому изъ этихъ методовъ Гюнтеръ отдать должно, указывая на примерахъ, какихъ результатовъ они достигли въ постановкѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Физической антропологии мы обязаны различнымъ, болѣе или менѣе удачнымъ классификациямъ человечества, далеко еще не совершеннымъ. Тѣмъ не менѣе, обойтись безъ классификаціи, основанной именно на физическихъ признакахъ, до сихъ поръ еще не удалось. Антропологический методъ въ этнографіи пролилъ свѣтъ за вопросомъ пигмеяхъ (*Rugtmäenfrage*). Изученіе карликовыхъ народовъ Африки показало, что ихъ общимъ характернымъ признакомъ служить не только малый ростъ, но и многія другія особенности какъ физический, такъ и соціолого-интеллектуальный. Лингвистический методъ со своей стороныоказалъ этнографіи не мало услугъ. Однаковая географическая условія и условія существованія кладутъ на различные, иногда разноплеменные народы печать поразительного сходства въ обычаяхъ и обрядахъ, одеждахъ и пищѣ, даже въ физическихъ признакахъ. Въ даниемъ слу-
чай правильной классификациіи народовъ неизмѣримо способствуетъ лингвистика. Она же открываетъ намъ иногда совершиенно систематичные слѣды народныхъ передвиженій. Не только антропологическая, но и лингвистическая изслѣдованія открыли пути передвиженія эскимосскихъ племенъ изъ Азіи по сѣверу Америки до Гренландіи, маори изъ центра Полинезіи на Н. Зеландію, сакальзовъ изъ архипелаговъ Индійского океана на Мадагаскаръ, карликовыхъ племенъ Африки на югъ материка и пр. Шакоцѣцъ, лингвистическая изслѣдованія W. Geiger-а даютъ возможность видѣть въ веддахъ не остатки первобытнаго населенія Цейлона, какъ думали раньше, но отрыскъ сингалезовъ постепенно деградировавшихъ въ культурѣ. Чтобы доказать плодотворность соціолого-психологического метода Гюнтеръ указываетъ на труды Спенсера, Поста, Колера, на изученіе исторіи брака, первобытнаго общества и государства, на возникновеніе научныхъ системъ: сравнительной исторіи религіи и психологии народовъ. Наиболѣе виднымъ представителемъ географического метода является, какъ известно, Фр. Ратцель, который опредѣлилъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Прослѣдить распространеніе извѣстной формы лука или стрѣлы въ одной области или въ цѣломъ материкѣ, ея видоизмѣненія по отдѣльнымъ мѣстностямъ, указывающія, какъ она медленно мѣнялась, удаляясь отъ данной области, нынѣдниому можетъ пролить свѣтъ на... передвиженія народовъ, употреблявшихъ и распространявшихъ данное оружіе. Слѣдовательно, географический методъ сводится къ выборкѣ историческій дать изъ предметовъ, собранныхъ въ нашихъ музеяхъ.» Подъ вліяніемъ Ратцеля, географический методъ, возникшій очень недавно, получилъ широкое распространеніе особенно въ Германії. Центромъ дѣятельности его адептевъ стали богатѣйшіе этнографические музеи Германії. Разработка музейного материала дала уже пѣсколько крупныхъ этнографическихъ работъ. Укажемъ на

работу самого Ратцеля о панциряхъ у индійцевъ съверо-западнаго побережья Америки и племенъ, населяющихъ Аляску, доказавшую родственную связь между племенами съверо-западной Америки и полинезийцами, его же работу: *Der afrikanische Bogen*. Verh. d. Königl. Sächs. Ges. d. Wissensch. zu Leipzig, 1887 и 1893., работы К. Веуле, *Der afrikanische Pfeil*. Lpz. 1899. Н. Шурц-а, *Grundriss einer Philosophie der Tracht*, Stuttg. 1891; его же: *Das Augenornament*, 1895; его же, *Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes*, Weimar, 1898, оконецъ работы нашего соотечественника Б. Ф. Адлера: *Der nordasiatische Pfeil*. Leiden, 1901.

Въ заключение замѣтимъ, что Гюнтеръ настаиваетъ на раздѣлении этнографии и этногеографии, разумѣя подъ этнографией описательную отрасль знаній, имѣющую цѣлью собираніе матеріала по физической, духовной и интеллектуальной жизни всѣхъ народовъ земного шара и расположения его въ систематической и удобной для обозрѣнія формѣ. Задача же этнографии сводится къ выведенію изъ собраннаго матеріала общихъ законовъ жизни народовъ. Объ системы разнятся и методомъ. Гюнтеръ, на ряду съ Шурцемъ, признаетъ достояніемъ этнографіи методъ дедуктивный, достояніемъ же этнографіи методъ индуктивный.

B. X - на.

А. М. Дирръ. Грамматика удинского языка. Тифлисъ 1903.

Среди разноязычныхъ народцевъ Кавказа Удины представляютъ значительный интересъ въ виду существующаго въ наукѣ мнѣнія, что предки ихъ входили въ составъ народности древней кавказской Албани. Въ настоящее время на удинскомъ языкѣ говорятъ только въ двухъ селеніяхъ Елисаветпольской губерніи—Варташенѣ (или Орташенѣ), находящемся въ 35 верстахъ отъ г. Нухи, и въ Нижѣ (Ниджѣ, Нежѣ) въ 40 верстахъ отъ Варташена. Однако населеніе обоихъ этихъ селеній довольно смѣшанное. По словамъ г. Дирра, въ Варташенѣ, напр., встречаются также армяне, татары, персидские евреи и нѣсколько лезгинъ. Это разнообразіе населенія сильно затрудняетъ изученіе удинского языка. Почти все удины сел. Варташенъ, кроме своего материнскаго языка, говорятъ свободно или на татарскомъ, персидскомъ или на армянскомъ языкѣ. Отсюда происходитъ то, что удинскій языкъ весь испещренъ татарскими, армянскими и персидскими словами и оборотами рѣчи. Говоры обоихъ удинскихъ селеній также до извѣстной степени различаются другъ отъ друга. Составитель удинской грамматики изслѣдовалъ въ ней нарѣчіе селенія Варташенъ, не имѣя еще достаточно матеріаловъ, чтобы дать описание говора селенія Ниджѣ. Познакомившись съ немногочисленными раньше извѣстными матеріалами по удинскому языку и убѣдившись въ существенныхъ недочетахъ и недостаткахъ трудовъ Эркерта („Die Sprachen des kaukasischen Staates. Wien“ 1895) и акад. Шифнера („Versuch über die Sprache der Uden“ 1863 г.), г. Дирръ изучилъ удинский языкъ на мѣстѣ (въ чёмъ нужно видѣть главное преимущество его труда)

подъ руководствомъ знатоковъ этого языка гг. Согомоніанца и Мицаканіанца. Въ книжкѣ г. Дирра мы находимъ обстоятельно составленный очеркъ фонетики, словообразованія и грамматическихъ элементовъ варташенского удинскаго нарѣчія, а также нѣсколько научно записанныхъ, грамматически разобранныхъ и снабженныхъ подстрочнымъ переводомъ удинскихъ текстовъ (стр. 84—101). Въ грамматическомъ отдѣлѣ своего труда составитель не придерживается обычного распределенія материала по частямъ рѣчи, но слѣдуетъ нѣсколько иной методъ, которая, по его мнѣнію, лучше позволяетъ указать и описать характерныя черты языка. «Морфологія большинства, если не всѣхъ кавказскихъ языковъ, говорить г. Дирръ (стр. X.), указываетъ намъ серію морфологическихъ элементовъ, легко отдѣлимыхъ отъ элементовъ чисто лексическихъ, т. е. эти языки имѣютъ въ качествѣ грамматическихъ приемовъ только префиксы, суффиксы и инфиксъ; это нарѣчіе агглютинирующія (иногда полисинтетическая, какъ грузинский по отношенію къ глаголу), и, подчеркиувъ эти составительные элементы, можно лучше видѣть ихъ грамматической механиズмъ, чѣмъ изучая эти языки такъ-же, какъ санскритскій, греческій или латинскій. Имѣя цѣлью изученіе кавказскихъ языковъ,—лучше описывать эти языки, чѣмъ писать о нихъ систематические своды, и потому слѣдуетъ приняться прежде всего за сравненіе этихъ грамматическихъ этюдовъ по различнымъ идиомамъ, составляющимъ кавказскую семью языковъ, если мы хотимъ разрѣшить вопросъ первой важности, принадлежать ли кавказские языки дѣйствительно къ одной лингвистической группѣ». Мы не придаемъ большого значенія той или иной системѣ расположенія грамматического материала, лишь бы изложеніе было достаточно ясно. Въ сущности и отступленія отъ обычного въ грамматикѣ г. Дирра не очень значительны. Послѣ фонетики онъ помѣщаетъ словообразованіе, а затѣмъ переходить къ грамматическимъ элементамъ — разсмотрѣнію падежныхъ суффиксовъ и употребленію падежей — какъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, такъ и мѣстоименій. Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣніе очень сложнаго спряженія удинскаго языка и перечень главнѣйшихъ частицъ.

Въ общемъ грамматика г. Дирра производить впечатлѣніе тщательной и добросовѣстной работы. Приводимые имъ факты, привѣренные неоднократно его сотрудниками-туземцами, внушаютъ полное довѣріе. Отмѣтимъ только встрѣтившіеся намъ при бѣгломъ просмотрѣ отдѣльные случаи, въ которыхъ мы не согласны съ приемами и объясненіями автора. Такъ, въ главѣ о правописаніи онъ говоритъ, что «придерживаться слишкомъ звукового принципа иногда неудобно, главнымъ образомъ, потому, что звуковой способъ письма часто затемняетъ происхожденіе, этимологію слова» (стр. 9). Поэтому г. Дирръ находитъ болѣе удобнымъ жертвовать фонетической точностью этимологическими соображеніями въ такихъ, напр., случаяхъ, какъ неопределѣнное наклоненіе съ суффиксомъ-сун. Звукъ *s*, уподобляясь предшествующимъ *ч*, *ш*, переходитъ въ выговорѣ въ *ш*; напр., глаголъ *приносить* звучитъ *eшиум*, но г. Дирръ предпочитаетъ писать *eч-сун*, чтобы яснѣѣ представить составъ слова. Ду-

маемъ, что отступленіе отъ чисто фонетической графики въ данномъ случаѣ не имѣть достаточнаго основанія, такъ какъ фонетическіе законы излагаются измѣненіе согласныхъ подъ вліяніемъ уподобленія, и никто не затруднится угадать сущ. исопред. наклоненія—сун въ формѣ—шун какъ въ данномъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Въ главѣ объ образованіи словъ, отмѣчая образованіе словъ чрезъ *составленіе*, г. Дирръ приводитъ только два примѣра: *кала баба дѣдъ*, *калаца бабушка* отъ: *кала большой* и *баба отецъ*, *наша мать* (стр. 10). Оба слова, какъ примѣры *составленія* въ удинскомъ языкѣ неумѣстны, такъ какъ они не чисто удинскія, а заимствованный изъ татарскаго, какъ, напр., татарское однозначающее название *дѣдъ* кѣлѣ бабо. На слѣдующей страницѣ г. Дирръ пользуется тѣми же *татарскими* словами *нана* и *баба* какъ примѣрами *первоначального* удвоенія (стр. 11), а въ примѣрѣ удвоенія слова съ выпаденіемъ извѣстныхъ гласныхъ приводить опять *заемствованныя* въ удинскомъ слова: *калкала очень большой* и *хурхуру очень мелкий*. Противъ внесенія татарскихъ суффиксовъ въ перечень удинскихъ ничего нельзя сказать, если эти суффиксы могутъ, какъ живые словообразовательные элементы, служить для образованія словъ отъ удинскихъ основъ.¹⁾ Но оба приведенные г. Дирромъ примѣра: *арабачи аробщикъ* и *сафачи служитель въ кофейнѣ* прямо заимствованные (что онъ и самъ говорить) въ готовомъ видѣ, а примѣровъ прикращенія сущ.—чи (турецкаго—джі) къ удинскимъ словамъ у г. Дирра не приведено. Если ихъ вообще не существуетъ, то суффиксу—чи неѣть места въ удинскомъ словообразованіи, даже съ оговорками, которыми г. Дирръ сопровождаетъ этотъ и другіе тюркскіе суффиксы. Излишнимъ и несѣроятнымъ представляется намъ предположеніе г. Дирра (стр. 11, примѣр.), что тюркскій сущ.-джі происходит, можетъ-быть, отъ аварскаго слова чї *человѣкъ*. При современномъ нашемъ знаніи такія сопоставленія словъ языковъ разнаго морфологического типа остаются безплодными.

Ограничиваючись этими немногими замѣчаніями, мы въ заключеніе выражаемъ надежду, что г. Дирръ будетъ съ усиліемъ продолжать изученіе и изслѣдовашіе кавказскихъ языковъ, такъ какъ обладаетъ необходимыми для такой работы данными—хорошой научной подготовкой, тщательностью въ наблюденіи и точностью въ изложеніи фактовъ языка.

Bc. M.

Д. А. Коропчевскій. Первые уроки этнографіи. М. Изд. К. И. Тихомирова 1903 г. Стр. 176. ц. 75 к.

Даже иностранная литература бѣдна популярными учебниками по этнографіи, на русскомъ же языкѣ книга г. Коропчевскаго представляетъ первую попытку дать оригиналъный трудъ, который могъ бы ознакомить самые широкіе слои публики съ основами народовѣдѣнія. Это

¹⁾ Такъ, въ татарскомъ языкѣ отъ чисто татарскаго слова *кор* „дѣло“ образуется корчі „работникъ“.

обстоятельство заставляет насъ отнестись съ большими вниманиемъ къ разбираемой книгѣ, а имя ея автора, хорошо известного въ качествѣ опытного популяризатора, предрасполагаетъ заранѣе къ надеждѣ найти въ ней дѣйствительно толковый и общедоступный учебникъ по этнографіи, въ которомъ несомнѣнно существуетъ большая потребность. Къ сожалѣнію, г. Коропчевскій въ данномъ случаѣ обманулъ наши ожиданія и его книга далеко не даетъ того, чего можно было бы отъ нея требовать. У нея есть, конечно, извѣстныя достоинства, написана она популярно и прочтется безъ труда даже читателемъ съ очень небольшой подготовкой, но этимъ почти что и исчерпываются ея положительные стороны. Недостатки ея гораздо многочисленнѣе и настолько существенны, что позволяютъ сомнѣваться въ пригодности «Первыхъ уроковъ» въ качествѣ элементарного руководства даже въ настоящее время, когда учебники по этнографіи у насъ, можно сказать, совсѣмъ отсутствуютъ. Въ виду суровости такого отзыва мы считаемъ долгомъ мотивировать его подробнѣе и начнемъ свой разборъ книги г. Коропчевскаго съ плана, положенного въ ея основу.

Какъ извѣстно, большинство руководствъ по этнографіи состоятъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ общей этнографіи, выясняющей значеніе различныхъ фактоловъ, опредѣляющихъ жизнь народовъ, а также содержаніе и эволюцію главнѣйшихъ моментовъ народной жизни, техники, вѣрованій, общественности и т. д., — и изъ частной, посвященной описанію отдѣльныхъ этническихъ группъ. Врядъ ли нужно доказывать, что общая часть имѣть очень существенное значеніе, такъ какъ именно она даетъ основныя обобщенія, придающія сырьемъ этнографическимъ фактамъ дѣйствительно научное значеніе. Безъ этихъ обобщеній читатель, и особенно мало подготовленный читатель, будетъ имѣть передъ собой груду разрозненныхъ фактовъ, не складывающихся въ одну общую цѣлостную картину; осмыслить самостоятельно эту массу фактовъ, сдѣлать самому изъ нея должные выводы,—эта задача доступна не всякому и конечно она уже требуетъ извѣстной подготовки у читателей. Человѣкъ, способный прочитать внимательно объемистое руководство по этнографіи, въ родѣ напр. книги Ратцеля, быть можетъ, и будетъ въ состояніи произвести до извѣстной степени обобщающую работу надъ предоставленными ему сырьми фактами, но во всякомъ случаѣ и ему окажеть большую услугу предположенная въ этой книгѣ описательной этнографіи общая часть. Въ элементарныхъ учебникахъ общая часть имѣть тѣмъ большее значеніе, такъ какъ, съ одной стороны, читатель такихъ учебниковъ менѣе подготовленъ для самостоятельной работы, а съ другой, запасъ содержащихся въ краткомъ учебникѣ фактовъ не всегда бываетъ достаточенъ для того, чтобы ихъ можно было обобщать. Правда въ небольшомъ учебнике автора всегда сильно стѣсняютъ самые размѣры книги, заставляющіе упускать изъ виду многія даже существенно важныя частности, но основная обобщенія настолько необходимы, что для нихъ всегда можетъ найтись место. Это можно утверждать не только въ теоріи, но и на практикѣ, такъ какъ примѣръ «Народогѣднія» Габерланда доказалъ, что

даже въ самый краткій учебникъ можно включить общую часть. Эта книжка по размѣрамъ даже меньше книги г. Коропчевскаго, и однако въ ней имѣется общая часть.

Г. Коропчевскій исключилъ изъ своей книги почти цѣликомъ всю общую часть, и единственная обобщающая идея, которую можно найти въ его учебникѣ—это зависимость народной жизни отъ географическихъ условій. Но какое бы значеніе мы ни придавали этой идеѣ, одной ея, несомнѣнно, недостаточно для объясненія всей сложной массы этнографическихъ фактovъ. Она не все объясняетъ и тѣмъ болѣе безсильна помочь установить схемы развитія главнѣйшихъ моментовъ культуры. Читатель книги г. Коропчевскаго не будетъ въ состояніи отвѣтить даже въ самыхъ общихъ чертахъ на вопросы о томъ, какъ развивалась техника, вѣрованія, семья, общество и т. д. и т. д.; не будетъ въ состояніи отвѣтить просто потому, что не найдеть для этого материаловъ въ виду полнаго отсутствія общей части. До извѣстной степени эту недостатокъ можно было возмѣстить въ описательной части, если бы авторъ при описаніи различныхъ народовъ постарался рельефище обрисовать главные типы или моменты развитія вѣрованій или общественности и т. д. Если, напр., онъ ничего не сказалъ въ общей части о развитіи семьи, онъ могъ бы въ описательной части особенно подробно обрисовать семью австралійцевъ, американскихъ индійцевъ, арифканскихъ кафровъ и т. п., чтобы такимъ образомъ хотя бы не систематически и не послѣдовательно, но все же указать главные моменты въ развитіи семьи. Этого было бы недостаточно для замѣны общей части, но все же читатель познакомился бы хоть нѣсколько съ исторіей семьи. Г. Коропчевскій не сдѣлалъ однако и этого. Какъ это ни странно, напр., но читатель его книги совсѣмъ остается не знакомъ съ такимъ широко распространеннымъ и важнымъ институтомъ, какъ материнское право, не узнаетъ ничего объ анимизмѣ и т. д., т. е. чрезвычайно важные моменты культурнаго развитія остаются въ «Первыхъ урокахъ» не только не объясненными и приведенными въ связь съ родственными имъ явленіями, но просто даже не упомянуто, что они существуютъ. Г. Коропчевскій не только ограничивается одной описательной этнографіей, но и ее понимасть слишкомъ узко, сводя почти все къ описанію наружности отдѣльныхъ племенъ, образа жизни, одежды, жилищъ, отрасли техники и т. д.; прочие элементы культуры у него отодвинуты совсѣмъ на задній планъ.

Что касается до распределенія материала въ описательной этнографіи, то г. Коропчевскій вполнѣ справедливо отказался отъ обычного способа изложенія по расамъ и предпочелъ ему другой планъ «культурно-географической». Описаніе народовъ по расамъ до сихъ поръ, можетъ быть, представлять наиболѣе распространенный способъ изложенія описательной этнографіи, но, въ сущности говоря, никакихъ оснований, кроме традиціи, нѣть для предпочтенія этого способа другимъ. Всѣ расовые дѣленія настолько широки, что охватываютъ племена самого разнообразнаго культурнаго уровня и самаго разнообразнаго образа жизни

всѣ эти дѣленія не совпадаютъ съ дѣленіями народовъ по какимъ-нибудь культурнымъ признакамъ, а между тѣмъ послѣдніе и являются наиболѣе важными для этнографа. Конечно не безразличенъ и вопросъ о происхожденіи данного племени, но все-таки это только отдельный частный вопросъ и при томъ вопросъ, имѣющій для этнографа вспомогательное значеніе. Происхожденіе народа проливаетъ извѣстный свѣтъ на его культурное развитіе и вотъ въ этомъ-то и заключается главное значеніе для этнографа вопроса о принадлежности какого-либо племени къ той или другой расѣ. Самостоятельная задача этнографіи сводится къ рѣшенню вопроса о причинахъ и условіяхъ возникновенія различныхъ культурныхъ формъ, къ выясненію характера ихъ эволюціи и т. п., и для этой цѣли разумѣется наиболѣе подходяща классификація народовъ по культурнымъ признакамъ.

Г. Коропчевскій однако не довольствуется одними культурными признаками и выдвигаетъ на ряду съ ними признаки географические. Разумѣется, что поступая такъ, онъ былъ вполнѣ правъ: географическая условія объясняютъ очень многое въ культурѣ данныхъ народовъ, и кроме того одинаковыя по виѣшности культурные формы являются иногда далѣко неравноценными по своему внутреннему содержанию при наличности различныхъ географическихъ условій; для сравненіи эти формы должны быть, такъ сказать, приведены къ одному знаменателю, т.-е. при сравненіи ихъ должна быть принята во вниманіе географическая обстановка.

Такимъ образомъ, принятая г. Коропчевскимъ система распределенія этнографического материала по культурно-географическимъ группамъ кажется намъ очень удачной, но, къ сожалѣнію, онъ не провелъ достаточно послѣдовательно и обдуманно этого правильнаго принципа. Если мы обратимся къ его книгѣ, то сразу натыкаемся на рѣзкую непослѣдовательность. Эскимосы напр., выдѣлены въ особую самостоятельную группу, за то все остальное населеніе сѣверной и южной Америки свалено въ одну кучу подъ именемъ «рыболовныхъ и охотничихъ племенъ Америки», и мы совершенно недоумѣваемъ, чѣмъ эта крайне широкая и не определенная группа содержательнѣе расового дѣленія «американской народности». Вѣдь г. Коропчевскій игнорируетъ въ данномъ случаѣ и громадное разнообразіе географическихъ условій жизни въ Америкѣ и не менѣе громадное разнообразіе культурныхъ формъ въ этой же части свѣта. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ описывать рядомъ высококультурныхъ древнихъ перуанцевъ и мексиканцевъ, съ одной стороны, и огнеземельцевъ или племена центральной Бразилии, съ другой. Вѣдь между тѣми и другими пропасть во всякомъ случаѣ большая, чѣмъ напр., между кочевниками-кафрами и земледѣльцами-неграми, а между тѣмъ послѣдніе у г. Коропчевскаго строго обособлены другъ отъ друга. Тутъ мы наталкиваемся на одинъ изъ источниковъ ошибки автора, онъ слишкомъ считается съ устарѣвшимъ дѣленіемъ народовъ на охотниковъ, скотоводовъ и земледѣльцевъ и, кроме того, не вполнѣ правильно классифицируетъ народы даже съ точки зрѣнія этого дѣленія. Охота, ското-

водство и земледѣліе вѣтъ почти единственный и во всякомъ случаѣ главный признакъ, съ которымъ онъ считается при распределеніи народовъ въ разныя или въ одну и ту же группу, и въ силу этого получаются такія вещи, что кафры отдѣлены отъ негровъ и соединены въ одну группу съ готгентотами, туарегами и арабами, Америка же вся, кромѣ эскимосовъ, вошла въ одну группу.

Правильное проведение культурно-географической классификаціи неизбѣжно предполагаетъ довольно значительную дробность дѣлений, что разумѣется представляеть иѣкоторое неудобство для начальнаго учебника. Но намъ кажется, что это неудобство можно обойти, пожертвовавъ до извѣстной степени полнотою обзора. Дѣйствительно нѣть необходимости знакомить сразу со всѣми племенами, населяющими земной шаръ, а достаточно выдѣлить на первое мѣсто большее или меньшее число болѣе важныхъ или болѣе интересныхъ группъ и на нихъ сосредоточить вниманіе учащихся. Г. Коропчевскій, наоборотъ, счѣлъ нужнымъ охватить въ своеемъ обзорѣ какъ можно большее количество народовъ, и потому его учебникъ испещренъ собственными именами, но зато характеристики отдѣльныхъ народовъ и даже крупныхъ группъ мало содержательны и иногда сводятся къ шаблоннымъ фразамъ въ иѣсколько словъ.

Переходя къ частностямъ, мы, къ своему удивленію, наталкиваемся на печальный фактъ, что книга г. Коропчевскаго не свободна отъ ошибокъ, порою довольно грубыхъ. Наиболѣе существенной изъ такихъ ошибокъ представляется намъ изображеніе индѣйцевъ Сѣверной Америки какъ исключительно охотничихъ племенъ. Такъ, на стр. 55-й мы читаемъ: «Они вели исключительно охотничий образъ жизни и могли называться самыми типичными охотничими народами», на стр. 57-й «сѣвероамериканские индѣйцы исключительно жили охотой»; на стр. 59-й сказано, что «сѣяли (майсъ) только въ небольшихъ размѣрахъ и у немногихъ племенъ побережья Атлантическаго океана»; на стр. 62-й иронизы названы» единственными индѣйцами Сѣверной Америки, которые дошли до земледѣлія». Всё это невѣрно, и земледѣліе играло въ Сѣверной Америкѣ гораздо болѣе крупную роль, чѣмъ думаетъ г. Коропчевскій. Это мыѣніе давно уже признано наукой и вошло даже въ общія руководства, его можно найти у Ратцеля, у Геблера и т. д., неговоря про специальныя работы.

Менѣе важною, но не менѣе грубої ошибкой является названіе гиляковъ «родственными» айнамъ (стр. 52). Равно грубую и совсѣмъ непонятную ошибку мы находимъ на стр. 63-й, гдѣ г. Коропчевскій смѣшиваетъ Индѣйскую территорію и штатъ Индіану. На стр. 97-й мы встрѣчаемъ такую фразу: «Зулусы распространяли свои набѣги по восточному берегу Африки довольно далеко на сѣверъ, но тамъ имъ пришлось столкнуться съ другими пастушескими народами, не уступавшими имъ въ воинственности. Изъ этихъ народовъ особенно извѣстны масаи, галласы и вагумы». Неужто г. Коропчевскій дѣйствительно думаетъ, что Зулусы проникали такъ далеко на сѣверъ, что стаikkались съ масаи, галла и вагума?

Встрѣчаются у г. Коропчевского также мелкие, но все же нежелательные промахи, какъ включение берберовъ, абиссинцевъ и феллаховъ въ рубрику «азіатскіе» земледѣльческіе народы (стр. 129—131) или ногуловъ въ группу «земледѣльческіе народы восточной Европы» (стр. 151). Даваемыя имъ характеристики не всегда удобопонятны и трудно, напр., понять значение такой фразы: «когда лучше ознакомились съ особенностями человѣка, тогда оказалось, что многія человѣческія черты у негра развиты даже болѣе чѣмъ у насъ; таковы, между прочимъ, и его губы, подобныхъ которымъ не представляетъ ни одно животное» (стр. 117). Необходимо также отмѣтить еще одну нежелательную особенность «Первыхъ уроковъ» —несоблюдение пропорциональности въ описаніи отдельныхъ народовъ. Особенно кратко описаны народы, живущіе въ предѣлахъ Россіи, и авторъ оправдывается при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что литература объ этихъ народахъ доступнѣе его читателямъ, чѣмъ литература о другихъ народахъ. Но съ этимъ соображеніемъ трудно согласиться въ виду особаго интереса, представляемаго для русскаго читателя этими народами. Во всякомъ случаѣ странно, что Кавказу со всѣми разнообразными его народами авторъ не нашелъ возможнымъ удѣлить болѣе двухъ страницъ (стр. 148—150), тогда какъ эскимосамъ отведена цѣлая глава въ семь страницъ (стр. 33—40).

По виѣшности «Первые уроки» изданы хорошо и снабжены довольно большимъ количествомъ удовлетворительныхъ рисунковъ.

A. Максимовъ.

Графиня Уварова. Кавказъ. Рача, Горійскій уѣздъ, горы Осетіи, Пшавія, Хевсуретія и Сванетія. Путевые замѣтки, съ 18 таблицами. Часть III. М. 1904.

Эта изящно изданная книга содержитъ дневникъ путешествій, совершенныхъ въ перечисленныя въ заглавіи области Кавказа графиней Уваровой въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Подробное знакомство съ исторіей Кавказа, обширная свѣдѣнія въ археологіи вообще и глубокое изученіе вещественной археологіи Кавказа, обнаруженное авторомъ въ его другихъ специальныхъ монографіяхъ, вошедшихъ въ серію «Материаловъ по археологіи Кавказа», издаваемыхъ И. М. Археологическимъ Обществомъ, свѣдѣнія по геологіи, ботаникѣ, этнографіи, живая наблюдательность — все это придаетъ ссобый интересъ «путевымъ замѣткамъ» графини Уваровой и дѣлаетъ ея новую книгу важнымъ вкладомъ въ научную литературу по Кавказу. Преслѣдуя на первомъ планѣ археологическую цѣль, авторъ однако не оставляетъ безъ вниманія ничего интереснаго, встрѣчающагося на его пути: описанія древнихъ вещественныхъ памятниковъ и произведеній раскопокъ чередуются съ картинами дивной кавказской природы, упоминаніями мѣстныхъ обычаевъ и народныхъ преданій, наблюденіями геологическими и ботаническими, описаніемъ встрѣчъ съ мѣстными жителями разныхъ классовъ

и проч. Въ областяхъ Закавказья, населенныхъ картвельскимъ племенемъ и особенно богатыхъ памятниками церковного зодчества, главное внимание сосредоточивается на послѣднихъ. Отличный знатокъ церковной архитектуры и древностей, авторъ тщательно описываетъ въ путешествіи по Горійскому уѣзду старинныя церкви и монастыри, отмѣтая сохранившуюся въ нихъ церковную утварь, иконы, фрески, кресты и проч., при чёмъ автору нерѣдко приходится прорѣзывать и исправлять мѣбнія, высказанныя о нихъ прежними путешественниками (Бакрадзе, Дюбуа де Монперѣ) и приводить данные изъ географіи Вахушты. Въ путешествіи 1890-го года въ горахъ Осетіи авторъ занимается главнымъ образомъ обильными могильниками этой интересной области Кавказа, изъ которыхъ (Комунта, Галіата, Камбулта) пріобрѣли европейскую известность трудами Вирхова, Шантра и друг. Раскопки графини въ могильникахъ Задалиска, Махческа, Фаскау, Архона, Дэргафса, Санибы, Фардыгдона, Лаци и друг. дали обильный матеріалъ, дополняющій существенно написанную свѣдѣнія по археологіи территории, населенной осетинами. Объѣхавъ Дигорію, Тагаурію и Куртатію, обслѣдовавъ все до сихъ поръ известные тамъ могильники, гр. Уварова (стр. 159—161) дѣлаетъ изъ которыхъ общія заключенія относительно прошлаго Осетіи, насколько этому можетъ содѣйствовать могильный инвентарь. Могильники Осетіи принадлежать весьма различнымъ народностямъ и вѣроюю столь же различнымъ эпохамъ, при чёмъ древнѣйшіе, по мнѣнію графини и Вирхова, могутъ восходить за 1000 лѣтъ до Р. Х. Кромъ могильниковъ, въ Осетіи обращаютъ на себя вниманіе древнія святыни Майрэмъ, посвященные иныи Богоматери, но имѣвшія, повидимому, въ языческій періодъ другое значеніе, развалины замковъ и городища, связанныя съ родовыми преданіями высшаго сословія среди осетинъ (Бадилъть, Царгосатъ, Гагуатъ). Не менѣе интересны замѣтки автора о древностяхъ и населеніи малодоступныхъ долинъ, населенныхъ Ишавами и Хевсурами. На ряду съ описаніемъ мѣстныхъ памятниковъ старины мы находимъ здѣсь изображеніе костюмовъ, типовъ, изъ которыхъ обычаевъ. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ, напримѣръ, что новобрачная приносить въ даръ святыни шелковое верхнее платье, что къ языкамъ церковныхъ колоколовъ привязываются куски пожертвованыхъ матерій, за которые берутся, чтобы звонить во время празднествъ (стр. 225). Въ этихъ областяхъ, какъ и въ другихъ на Кавказѣ, мы находимъ въ полной силѣ двоесвѣріе, смѣщеніе христіанского съ языческимъ. Хранителями святыни съ ихъ христіанской церковной утварью являются не священники, а т. наз. хевисбера (у осетинъ дзуарлаги), съ которыми православное духовенство спокойно уживается; такъ напр., по словамъ автора, на празднествахъ хевисбери собираются народъ, закалываютъ жертвенныхъ барановъ, молятся по своему обычая, но допускаютъ православнаго священника, который приносить въ святыни крестъ изъ церкви, молится Богородицѣ и получаетъ часть закланаго животнаго (стр. 226). Приведемъ здѣсь кстати сцену, которой свидѣтельницей была графиня въ хевсурскомъ селеніи Гудани: «Въ Гудани

нась ожидала интересная картина: на горной площадкѣ подъ нависшими старыми ясенями, около святилищъ (ихъ здѣсь три) нась ожидали хевисбери, народъ и латники, которыхъ собрали старшина, такъ какъ я наканунѣ высказала желаніе видѣть сокровища, сохраняемыя въ святилищѣ и древнее вооруженіе. Старшій хевисбери стоялъ съ жезломъ — *аваржані*, второй имѣлъ въ рукахъ *дроша*, а два *дастура* (служители святилища) держали въ рукахъ всѣ сосуды святилища. *Аваржані* ничто иное, какъ высокій жезль съ серебряной рукоятью, напоминающей своей формой древніе епископскіе жезлы съ рукоятью въ видѣ зміевъ. *Дроша* родъ значка или знамени, составленного изъ высокаго древка съ серебряными позолоченными яблоками на верушкѣ съ водруженнымъ наверху крестомъ: подъ крестомъ привѣшены нынѣ вмѣсто знамени простые бумажные платки. Кресты, имѣющіеся на двухъ *дроша* въ Гудани, серебряные, позолоченные, украшены Распятіемъ и очень плохого дѣла» (234—235). Замѣтимъ, что въ самыхъ названіяхъ священныx предметовъ и должностей сохраняются слѣды древніго вліянія религії Агурамазды, которую исповѣдовали персы при Сасанидахъ, на закавказской религіозныx представлѣнія. Служители Агурамазды (Ормузда) у персовъ до сихъ поръ называются *дастурами* (какъ у хевисуровъ), название *дроша* (знача) персидское *дэрэфш* въ томъ же значеніи. Что касается типовъ хевисуровъ, то графиня, какъ и другіе путешественники, отмѣтила ихъ сходство съ запорожскими. То же замѣчено относительно сватетовъ, въ области которыхъ, насколько помнится, были найдены даже могилы съ русскими надписями погребенныхъ запорожцевъ. Мужчины-хевисуры носятъ чубы, головной уборъ хевисурскихъ женщинъ и девушки, по словамъ графини (стр. 246), напоминаютъ уборъ малороссійской. Интересно, что между утварью въ хевисурскомъ святилищѣ въ селеніи Хахмати оказалась серебряная братица русскаго дѣла съ обыкновенной славянской надписью вязью: «братаина добраго челоѣка, пити на здоровіе (стр. 238).

Особенно обильна результатами была поѣздка въ Сванетію, которой святилища, трудно-доступныя, наполнены старицкими вещами, иконами, крестами, церковными книгами съ миніатюрами, чащами, ковшами, подсѣчниками и проч. Авторъ имѣлъ случай осмотрѣть, описать и сфотографировать множество интересныхъ для исторіи искусства предметовъ, которыхъ не удалось видѣть прежнимъ путешественникамъ. Вотъ что, напр., сообщаетъ графиня про сокровища монастыря свв. Кирика и Иулиты: «Монастырь состоять въ вѣдѣніи не приходскаго священника, а сельского общества, которое при немъ содержитъ хевисбера или *папи* и двухъ сторожей, живущихъ въ немъ, имѣющихъ ключи отъ церкви и сокровищницы и безъ воли которыхъ нельзя осмотрѣть или дотронуться до чего-либо. Мы были первыя женщины, которые переступили черезъ порогъ святилища и передъ которыми открылись церковь и сундуки драгоцѣнностей; намъ удалось осмотрѣть, описать и снять все то, что намъ хотѣлось, и хотя на первыхъ порахъ мы могли усмотрѣть подозрѣніе и неудовольствіе на лицахъ пристав-

ленихъ стражниковъ, но, относясь къ духовнымъ вещамъ съ должнымъ уваженіемъ и избѣгая необходимости дотрогиваться до нихъ, мы очень скоро перемѣнили отношенія къ намъ стражи, а когда, прощаюсь, покрѣптовали на церковь и отплатили людямъ за трудъ, почесенный ими въ продолженіе дня при переоскѣ на церковный дворъ предметовъ для фотографированіи, сердце этихъ дикарей окончательно смягчилось, и мы разстались съ ними совершенно друзьями». (стр. 274). Не имѣя возможности даже вскользь остановиться на множествѣ интересныхъ предметовъ, видѣнійъ путешественницей, упомянемъ только, что въ церквяхъ Ушкульского общества и вообще въ его селеніяхъ графиня отмѣтила присутствіе въ значительномъ числѣ деревянной рѣзной мебели, чего нѣть въ остальной Грузіи: кресла, диваны, аналои и сундуки. Рѣзаны также двери въ церквяхъ, перила лѣстницъ и даже глухія стѣники, отгораживающія балконы и переходы въ домаѣ и башняхъ (стр. 279). Характерны для мѣстного искусства также фресковые изображенія въ одной церкви въ селенії Лаштхаръ, представляющи, по мнѣнию мѣстныхъ жителей и покойного Бакрадзе, народныя сказанія о борьбѣ богатыря Амира на, столь извѣстного въ грузинскомъ и осетинскомъ эпосѣ, съ чудовищами (стр. 293). Содержаніе фресокъ поясняется надписями, напр.: «Когда Амира на, поглощенный чудовищемъ, убиль и вышелъ изъ него». Такое проникновеніе фольклора въ церковную живопись представляетъ само по себѣ уже крайне интересный фактъ.

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя, повидимому, вѣрныя соображенія путешественницы обѣ исторической судьбѣ Сванетіи: «Описываемыя драгоцѣнности, равно какъ и многочисленность древнихъ церквей, большей частью изъ тесанного камня, расписанныхъ фресками и богато одаренныхъ иконами, присутствіе въ мѣстности нѣсколькихъ значительныхъ замковъ, какъ въ Ушкуль и въ Адышѣ — все говорить о болѣе блестящемъ положеніи края и въ былое, далекое время. Очень вѣроятно, что князь Татарханъ-Дадешкеліани (мѣстный знатокъ Сванетіи), правъ, говоря, что въ XI и XII вв. въ долинѣ Ингурѣ населеніе пользовалось болѣшимъ просвѣщеніемъ и лучшими путями сообщенія, чѣмъ теперь. Заглохла Сванетія, по мнѣнию князя, въ то время когда исторія Грузіи спуталась, когда власть царская раздѣлилась и стала падать, давая возможность иноzemленнымъ воспользоваться этой слабостью, грабя и расхищая край. Въ это время, можетъ быть, и стали смотрѣть на Сванетію, какъ на болѣе замкнутое, неприступное ущелье, которому и дали название «убѣжища» или *Сакане* по-грузински, откуда со временемъ, по мнѣнию грузинъ, образовалось наименование Сванетія» (стр. 290).

Разставаясь съ интересной и богатой содержаніемъ книгой графини Уваровой, отмѣтимы нѣкоторыя поправки осетинскихъ названий, не вполне точно переданныхъ, путешественницей: такъ, вмѣсто Стердиго-рія слѣдуетъ писать Стырдигорія, т.-е. большая (стыр) Дигорія (стр. 116); вмѣсто Суйхохъ слѣдуетъ Саухохъ, т.-е. черная (саяу) гора (хох) стр. 136; вмѣсто Кашукъ Тимассукъ (стр. 108) слѣдуетъ читать: Ка-

пукти (*Кануковы хъ*, род. пад. множ. число) масугъ (*башня*). Осетинское название Ма при Майремъ (стр. 160) мы не встречалось: обычно такіе памятники называются Мады Майремъ, т. е. мать (мады) Марія (Майремъ).

Bс. М.

Московская Церковная Старина. Труды комиссии по осмотру и изучению памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи, издаваемые подъ редакціей предсѣдателя комиссии А. И. Успенского. Т. I т. III. Москва 1904 г. 1905 г.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1902 г. при Отдѣлѣ церковной археологии при Об. Л. Д. И.¹) была учреждена комиссія для осмотра и изученія памятниковъ церковной старины г. Москвы и Моск. епархіи. Члены этой комиссіи издали въ текущемъ году два тома своихъ двухлѣтнихъ трудовъ, и издание это нельзя не встрѣтить безъ привѣтствія. Москва богата стариною, особенно стариною церковною, и изученіе ея открываетъ предъ изучающимъ картину той далекой Москвы, которая съ каждымъ годомъ исчезаетъ, уступая мѣсто совершенно новому городу. Съ церковнымъ строеніемъ, съ украшеніемъ храма, связывалось въ древности многое. Событія жизни вицѣній, внутрення переживанія русскихъ людей въ огромномъ большинствѣ случаевъ влекли за собою создание храма, пожертвование иконы, постановку часовни, креста. Жизнь государства, общества, отдѣльного человѣка отпечатывалась вовсѣ въ памятникахъ религіозныхъ; за стариннымъ храмомъ, древнею иконою, полуустертымъ могильнымъ камнемъ стоять русскій человѣкъ съ его внутреннимъ складомъ, съ его нравственнымъ возврѣніемъ, съ его художественными стремленіями. Поэтому и дорога старина, какъ отпечатокъ русской души, дороги ея памятники—эти издѣлія давно истиѣвшихъ рукъ—эти созданія неумирающей творческой силы.

Первый томъ Трудовъ содержитъ въ себѣ описанія многихъ московскихъ церквей, причемъ описанія эти снабжены фотографическими снимками со старинныхъ иконъ и утвари, хранящихся въ описываемыхъ храмахъ. Такъ, при описаніи храма пр. Сергія въ Рогожской поэмѣ, въ таблицѣ съ рисунками. Въ исторію той или другой церкви авторами вносятся иногда очень интересныя свѣдѣнія, знакомящія съ бытовыми особенностями древней Руси. Такъ, въ статьѣ св. Н. А. Скворцова о церкви Нерукотворенного Образа Спасителя на Божедомкѣ сообщается объ убогихъ домахъ начала 17 в., основанныхъ въ разнѣхъ частяхъ Москвы.

Интересный и довольно подробный очеркъ посвященъ храмамъ на Крутицахъ Успенскому и Крестовому. Резиденція Сарскихъ и Подопѣскихъ митрополитовъ, расположенная на крутомъ берегу Москвы рѣки (откуда и название Крутицы), съ начала 14 в. представляла собою

1) Общество любителей духовнаго прогищенія.

пунктъ, гдѣ кипѣла жизнь, благодаря живому участію Крутицкихъ митрополитовъ въ общественной жизни Москвы. Храмы украшались и привлекали богомольцевъ. Съ упраздненіемъ Крутицкой митрополіи началось запустѣніе этой прекрасной мѣстности, а въ настоящее время Крестовый храмъ, гдѣ находится усыпальница митрополитовъ, закрытъ и пустуетъ. На наружной сторонѣ этого храма на сѣверной сторонѣ вѣдьмана каменная плита съ сдѣльющей надписью: «По узаконенному живыхъ и мертвыхъ Бога предѣлу представившей азъ рабъ его Феодоръ, почивая на семь мѣстъ мимоходящихъ умилъно прошу оставлениій грѣховъ моихъ ко Господу Богу помолитися и сподобить мя въ вѣчной нынѣ радости бытия». Кто этотъ Феодоръ—неизвѣстно, но въ началѣ 19 в. раскольники не разъ пытались доказать, что это могила дьякона Феодора, и желали ее сдѣлать своей святыней, распространяя слухи о чудесахъ, отъ нея совершающихся. Кроме московскихъ церквей описаны церкви нѣкоторыхъ подмосковныхъ сель: Измайлова, Ко-сино и др. Въ концѣ I т. помѣщенъ перечень литературныхъ цитировокъ по описанію памятниковъ московской церковной старины.—III томъ главнымъ образомъ состоять изъ рисунковъ—снимковъ древнихъ иконъ (икона св. Сисинія и Мароія—цѣлителей отъ трясовища недуга), крестовъ и утвари.

Заканчивается III т. указателемъ изданий журнальныхъ статей, замѣтокъ и материаловъ по истории Москвы и Моск. губ., напечатанныхъ въ 1903 г. Изданные томы составлены очень тщательно и интересно. Къ сожалѣнію, ограниченное число экземпляровъ и высокая цѣна изданія (I т. 45 р; III—15) дѣлаетъ его рѣдкостью, доступною для пользованія лишь въ Публичной Библиотекѣ. Несмотря однако на это обстоятельство, Труды вышеназванной комиссіи представляютъ собою цѣнный вкладъ въ современную научную литературу.

E. E.

М. Н. Хангаловъ. Балаганскій сборникъ.

Сказки, повѣрья и нѣкоторые обряды у сѣверныхъ бурятъ. Подъ редакціей Г. Н. Потапова. (Труды Восточно-Сибирского Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. V.) Томскъ 1903.

Труды М. Н. Хангалова, отличного знатока сѣверныхъ бурятъ, давно извѣстны въ этнографической литературѣ преимущественно по изданіямъ Восточно-сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва¹⁾. Настоящій сборникъ содержитъ главнымъ образомъ обильные образцы сѣверно-бурятскаго фольклора—сказки, повѣрья и проч,—записанные М. Н. Хангаловымъ отъ бурятъ Угинскаго вѣдомства Балаганскаго уѣзда, Иркутской губерніи. Владѣя вполнѣ бурятскимъ и русскимъ языкамиъ, г. Хангаловъ въ своемъ

¹⁾ „Бурятскія сказки и повѣрья“ (Записки т. I, в. 1) Иркутскъ 1889; „Новые материалы о шаманствѣ у бурятъ“ (т. I, в. 2); „Зэгэтэ-аба“, облава на звѣрей у древнихъ бурятъ. (Извѣстія Отдѣла т. XIX, в. 3); „Нѣсколько данныхъ для характеристики сѣверныхъ бурятъ“. (Этнограф. Обозр. 1891, кн. X).

русскомъ переводе сумѣть передать своеобразный характеръ бурятскаго разсказа съ его эпическимъ стилемъ, шаблонными картинками и выраженіями. Главное содержаніе сказокъ—богатырское: феноменальная борьба разныхъ богатырей съ врагами—людьми и чудовищами. Немалое мѣсто въ сказкахъ занимаетъ сказанье о знаменитомъ Гэсэрь-ханѣ и преданія о Чингись-ханѣ. Буряты не утратили еще наивной вѣры въ возможность самыхъ фантастическихъ похождений своихъ богатырей. По увѣренію собирателя (стр. 193), они считаютъ сказки за дѣйствительность; по ихъ мнѣнію, сказочные герои и богатыри когда-то дѣйствительно жили на землѣ. Эта наивная вѣра поддерживается и религіей, буддизмомъ, принесшимъ съ собою множество мотивовъ изъ классической страны сказки—Индіи. За бурятскихъ богатырей вступаются небесные духи, а отголоски священнаго писанія выродились въ какія-то волшебныя книги, изъ которыхъ богатыри, между прочимъ, вычитываютъ, гдѣ находится душа (иногда три души) ихъ врага. Такъ, въ одной сказкѣ, тѣснѣмый врагомъ Абай-Тэхэрь-Богдо-ханъ призываетъ съ неба на помощь старшаго своего брата тэнгерина Ами-Сахидака, и тотъ, спустившись съ неба, изъ «своего священнаго писанія» узнаетъ, что его истощенному борьюбо брату остается жить только полтора часа (стр. 37). Въ другой—два бьющіеся богатыря, не одолѣвъ другъ друга, прерываютъ бой, берутъ другъ у друга «желтую книгу Заянишара-худоръ» и узнаютъ, что они братья (стр. 89—90). Священное писаніе можетъ служить даже орудіемъ въ борьбѣ: одинъ богатырь «материнскимъ желтымъ священнымъ писаніемъ» бѣть по головѣ врага и обращаетъ его въ осла (стр. 7). Бурятскіе богатыри не только силачи, но и волшебники, превращающіе и себя, и другихъ въ разные предметы (серебряный рубль, осу, стр. 139). Вслѣдствіе вмѣшательства чаръ борьба получаетъ колоссальные размѣры: она длится иногда три года и больше, и сопровождается разными чудесами. Такъ, разрубленный врагомъ на восемь частей Абай-Тэхэрь-Богдоханъ поднимается съ земли живымъ (разрубленные части сами собой соединились) и съ усыпѣшкой говорить противнику: «Думашь ли, что у мужчины нѣть столько волшества и таинственной силы?» (стр. 34). У другого богатыря произвѣшая его насквозь стрѣла вылетѣла наружу съ намотавшимися на нее сердцемъ и легкими. Тогда онъ схватилъ стрѣлу, «сердце съ легкими обратно вложилъ себѣ въ грудь на старое мѣсто, доставши изъ кармана красный, шелковый платокъ, потеръ имъ по раиѣ и выѣчилъ ее совсѣмъ; стала грудь какъ прежде» (стр. 86). Богатыри борются также съ бабами, колдуньями и великаншами, при чемъ не знающая предѣловъ фантазія доводить все до колоссальныхъ размѣровъ. Три года бился одинъ богатырь (Алтанъ-Жоло-мѣргонъ) съ такой бабой, наконецъноваилъ ее и распоролъ ей брюхо; «черезъ распоротое брюхо изъ цути ея вышли во множествѣ звѣри, птицы и люди, Ѣдущіе въ телѣхъ, верхомъ на коняхъ и пѣши. Звѣри убѣжали въ лѣсъ, птицы улетѣли и люди разѣзжались въ разныя стороны и говорять между собою: «я такого-то царя подданный! «я въ такой-то мѣстности живу!» И всѣ они благодарили Алтанъ-

Жоло-мбргёна» (стр. 141). Главный помощникъ бурятскаго богатыря — коль — отличается также чудесными свойствами. Вотъ какъ, напр., описывается бѣлый, бѣлоротый конь богатыря Ута-Сагашъ-батара: «бѣлоротый быстрый бѣлый конь бѣжитъ рысью, а изъ его носа выходить дымъ; между ушами его козель и барашъ, бодаясь, играютъ; на шеѣ хорекъ и горностай, бѣгомъ-бѣгая, играютъ; на шеѣ передъ сѣдломъ разведенъ костеръ; на костре повышень котелокъ, въ котелкѣ кипитъ вода, на крестцѣ растетъ большой кедръ, на кедре гнѣздятся семьдесятъ разныхъ птицъ; птицы поютъ и играютъ; на хвостѣ левъ и медведь борются, играютъ; съ колѣнь заднихъ ногъ огненная лава течеть и съ колѣнь переднихъ ногъ ключи текутъ, въ которыхъ рыбы харюзы играютъ. Ута-Сагашъ-батарь, сидя на конѣ, удить жирныхъ харюзовъ; варить въ котлы и Ѣсть» (стр. 47).

Этихъ образчиковъ достаточно, чтобы дать некоторое понятіе о характерѣ бурятскаго творчества, наложившаго свою печать на разные бродячіе сказочные сюжеты. Въ видѣ эпизодовъ бурятскіхъ богатырскихъ сказацій встрѣчаются широко-распространенныя сказки, напр., формулы Амирана-Зоахака (стр. 19), царевны-лягушки (стр. 76), волшебницы превращающіе людей въ животныхъ (181), о завладѣніи землей, посредствомъ бычьей шкуры. Послѣдняя «всемірная» сказка¹⁾, пріуроченная, какъ обычно, къ столкновенію двухъ народностей, заслуживаетъ быть переданной дословно. Она называется въ сборнике «Гора Монгтой-ула» (стр. 186). «Уггинские буряты разсказываютъ: когда въ первый разъ проводили границу между русскимъ и китайскимъ государствами, со стороны Россіи былъ такъ называемый бурятами Гунь-Сава²⁾, а со стороны китайцевъ Сэсэнь-уганъ³⁾. Когда провели границу, гора Монгтой-ула (по-русски «серебряная гора») осталась за русскимъ государствомъ. Сэсэнь-уганъ, желая взять гору Монгтой-ула себѣ, придумалъ обмануть Гунь-Саву. Онъ попросилъ Гунь-Саву отдать ему участокъ земли величиною съ кожу быка; Гунь-Сава, не подозрѣвая хитрости, согласился. Тогда Сэсэнь-уганъ выбралъ самую большую кожу быка, разрѣзаль ее на тонкіе ремни и обтянуль ими всю гору Монгтой-ула; вслѣдствіе этого гора Монгтой-ула отошла въ китайскую землю. Гора эта должна бы отойти къ русской землѣ, такъ какъ, по преданію, на ней явилась печать русского государства; китайцы вытесываютъ гору, чтобы снять печать, но печать снова является». Если въ этомъ преданіи хитрость Диодона приписана китайцамъ и обманутой стороной являются русскіе, то (замѣтимъ кстати) и русскіе не обижены въ исторіи пріуроченія этой сказки къ международнымъ столкновеніямъ. Въ одной версіи, записанной у зырянъ Шёгреномъ, русскіе посредствомъ того же приема пріобрѣли отъ туземцевъ мѣсто, на которомъ построили Москву, что будто бы видно и изъ названия Москвы мѣс (по-

1) См. мою статью: Всемірная сказка въ культурно-историческомъ освѣщеніи. Русская мысль 1893 г. кн. XI.

2) Графъ Савва Рагузинскій.

3) Вероятно, монгольскій Цэсэнъ-ханъ.

зырянски значить «корова, а *ку*—шкура»). Такъ какъ прикрѣпленіе сказки нерѣдко основывается на народной этимологіи названій мѣстностей, городовъ и проч., интересно бы знать точное значеніе имени горы «Монгото-ула».

Сношенія бурята съ русскими отражаются въ нѣкоторыхъ предавіяхъ. «Русский Богъ», св. Никола извѣстенъ бурятамъ подъ именемъ Никола-бурханъ. Онъ научилъ людей жать хлѣбъ серпомъ, тогда какъ ранѣе люди вырывали хлѣбъ съ корнемъ и перевязывали снопы волосяными веревками (стр. 186 — 187). Кромѣ богатырскихъ сказокъ, сборникъ содержитъ много интересныхъ преданій, повѣрій объ атмосферическихъ явленіяхъ, мірозданій, звѣряхъ, птицахъ, рыбахъ, пасѣко-мыхъ, растеніяхъ, винѣ, домашнемъ скотѣ, душѣ, покойникахъ, сновидѣніяхъ, людоѣдахъ и проч. Глубокой стариной вѣсть, напр., отъ преданія о человѣкѣ-рыбѣ (хун загахан): «Въ морѣ есть человѣкъ-рыба, у которой передняя половина тѣла рыба, задняя половина человѣчья. Увидѣвъ человѣка, эта рыба высовываетъ изъ воды голову и кричитъ по-человѣчески, а потомъ опять уходитъ въ воду» (стр. 215). При всей краткости разсказа, можно думать, что человѣкъ-рыба существование именеческое, расположеннное къ людямъ. По древнему халдейскому преданію, сообщаемому Беросомъ, изъ воды Чернаго моря выходили человѣкъ-рыба Оаниссъ къ людямъ и научаль ихъ всему полезному для культуры. Ассириологи видѣть въ беросовомъ Оаниссѣ древне-авилоискаго морского божества Эа-ханъ (Эа-рыба), представителя водяного начала и мудрости. Человѣкъ-рыба хорошо извѣстенъ въ скульптурныхъ изображеніяхъ ассирийцевъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что цѣнность «балаганского сборника» г. Хангаева увеличивается примѣчаніями (стр. 255—277), которыми снабдилъ его извѣстный знатокъ и изслѣдователь ордынского фольклора Г. Н. Потанинъ, указывающій интересныя параллели бурятскимъ сказкамъ въ славянскомъ сказаніи о Вавилонскомъ царствѣ, въ русской сказкѣ о Борисѣ и во многихъ другихъ восточныхъ и западныхъ сказаніяхъ.

Bc. M.

М. Г. Халанскій. Матеріалы и замѣтки по истории древне-русскаго героического эпоса. I. Сказание о взятии в. кн. Ольгой Царяграда. II. Плачъ в. кн. Юрія Всеиволодовича († 1238). (Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ 1903 г. Т. VIII, кн. 2-я).

Приводя отрывки изъ двухъ лѣтописныхъ сборниковъ XVII в., авторъ выражаетъ надежду построить мостъ между старо-ніевскими героическими эпосами (отразившимися въ Повѣсти временныхъ лѣтъ) и былинами. Отмѣчая въ памятникахъ XV—XVII вв. особенные комбинаціи именъ и мотивовъ старого эпоса, г. Халанскій старается увидѣть въ этихъ комбинаціяхъ посредствующія звенья, связывающія современные записи былинъ съ ихъ источниками, отразившимися въ ста-

рой кievской лѣтописи. Но вопросъ въ томъ, насколько можно видѣть въ сказаніяхъ лѣтописи XVII в. отраженіе народнаго поэтическаго творчества?

Сказаніе о взятіи Царьграда авторъ приводить по двумъ лѣтописнымъ сборникамъ XVII в. Въ немъ не находится ни одной новой черты сравнительно съ Повѣстью временныхъ лѣтъ. Все сказаніе представляеть собою чистую компиляцію книжника, сдѣланную на основаніи старыхъ сказаний: 1) о взятіи Царьграда Олегомъ (уговоръ относительно русской торговли въ Царьградѣ), 2) о взятіи Искоростяны Ольгой (дань по три голубя и по три коробья), 3) объ испытаніи вѣръ (великолѣпіе греческаго служенія) и 4) о крещеніи Ольги. Конечно, для исторіи русскихъ былинъ это сказаніе ничего не даетъ, и если оно и представляеть интересъ, то—лишь для характеристики лѣтописныхъ компиляцій, составлявшихся въ XVI—XVII вв. въ московской области, чужой старо-кіевскимъ преданіемъ. Можетъ быть поставленъ вопросъ о причинахъ, заставившихъ лѣтописца неестественно комбинировать старыя сказанія, но источникъ этихъ комбинацій—на лицо.

Преувеличиваетъ авторъ и значеніе плача Юрия Всеволодовича, называя этотъ плачъ «замѣчательнымъ памятникомъ русской лирики XIV или XV в.» (стр. 175). Весь плачъ содергится въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Камо зайде свѣтъ очю мою, гдѣ отошли есте, со-кровище живота моего, цвѣтъ мой прекрасный?.. Кому приказываете меня? Солнце мое драгое, иѣсицъ мой прекрасный, почто рано зашли есте? Гдѣ, господie, честь и слава ваша? Многимъ землямъ государи были есте, а нынѣ лежите на земли пусте, и зракъ лица вашего изменися! Не слышасте ли, господie, словес моихъ бѣдныхъ? О земле, земле, о дубравы, дубравы! вси плачите со мною!» И здѣсь трудно отыскать народно-поэтическій элементъ. Высокопарное обращеніе къ землѣ и дубравамъ свидѣтельствуетъ, что этотъ плачъ представляеть собою довольно позднюю вставку, сдѣланную какимъ-нибудь книжникомъ, въ извѣстную въ болѣе старыхъ лѣтописяхъ «Повѣсть о приходѣ Батыевої рати на Рязань».

А. Марковъ.

В. Нарбенковъ. Южнорусское религіозное искусство XVII—XVIII вв. Казань. 1903 г.

Религіозное искусство на Руси получило права гражданства раньше свѣтскаго и долгое время оно одно служило художественнымъ стремленіямъ русского народа. Представляя собою вѣтвь византійскаго, русское искусство подъ влияніемъ лѣстныхъ условий и индивидуального (хотя довольно слабо выраженаго) творчества приобрѣтало свои особенности и стало отклоняться отъ своего образца.

На Руси религіозное искусство процвѣтало тамъ, где сосредоточивалась общественная жизнь, т. е. въ крупныхъ городахъ, постоянно

украшаемыхъ святыми храмами. Съ 17 в. начинается заселеніе такъ наз. Полоцкой степи (нынѣ между прочимъ Харьковская губ.) казаками черкасами и русскими выходцами. Разселяясь на новыхъ мѣстахъ, пришельцы создаютъ храмы и украшаютъ ихъ—религіозное искусство развивается и въ свою очередь подпадаетъ подъ влияніе западноевропейское, вслѣдствіе чего отливается въ иные формы, нежели тѣ, которыми уже существовали въ это время на сѣверѣ Руси.

Авторъ вышепоменованной книги представилъ въ свою очередь перечень тѣхъ памятниковъ южнорусского религіозного искусства, которые были собраны на выставкѣ XII археологического съезда въ Харьковѣ въ 1902 году и которые могутъ служить прекраснымъ материаломъ для исторіи русского религіозного искусства. Описывая иконы со стороны ихъ содержанія и исполненія авторъ отмѣщаетъ влияніе на нихъ Западной Европы, влияніе иногда очень ярко выраженное. Нѣкоторые иконы близки итальянской живописи 14 и 15 вв., именно картинамъ Перуджино, другія живо напоминаютъ живопись испанскую (Мурильо), наконецъ третіи представляютъ собою копировку пѣмѣцкихъ картинъ 16 в. Влияние Западной Европы на русское религіозное искусство проявилось не только въ простомъ копированіи чужихъ образцовъ, но и въ томъ, что приемы художниковъ пріобрѣли большую свободу, композиціи ихъ стали болѣе разнообразными и смѣльными.

Кромѣ влиянія западноевропейскаго, авторъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ 18 в. художники Петербургской Академіи Художествъ замѣтно повлияли на направление южнорусской религіозной живописи, и сравниваетъ нѣкоторыя иконы по техникѣ съ картинами нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ-академистовъ. Затѣмъ авторъ указываетъ на нѣкоторыя особенности описываемыхъ иконъ—результатъ вкуса мѣстныхъ художниковъ—это золотой или гладкій рельефный фонъ, или упражненный цветочнымъ орнаментомъ, тщательно выполненные детали, яркое сочетаніе цветовъ, типы лицъ византійскіе, смягченные западнымъ влияніемъ. Авторъ довольно подробно останавливается на иконахъ, стараясь выяснить ихъ генетическую связь съ западнымъ художествомъ, затѣмъ переходитъ къ описанію образцовъ рѣзьбы, шитья золотомъ, архитектуры, однимъ словомъ даетъ довольно обстоятельно составленный сборникъ материала для исторіи южнорусского искусства, снабдивъ его нѣкоторыми выводами, на основаніи представленныхъ данныхъ. Благодаря тщательному описанію материала книга В. Нарбекова представляетъ собою цѣнное подспорье для занимающихся русскимъ искусствомъ, да и каждымъ, интересующимся этимъ вопросомъ, прочтется не безъ пользы.

E. E.

Труды Троицкосавско-Няхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. т. VI, выпускъ II. СПб. 1904 г., стр. 145.

Въ недавнемъ отчетѣ о предыдущемъ выпускѣ «Трудовъ» Кяхтинскаго отдѣленія (см. «Этн. Обозр.» 1904 г. № 2) мы говорили объ интересномъ собраніи бурятскихъ легендъ и сказокъ, печатаемыхъ Я. С. Смолевымъ. Г. Смолевъ продолжаетъ печатаніе своихъ материаловъ, и во II выпускѣ VI тома помѣстилъ «Сказание о Бигармацзи-ханѣ». Бигармацзи-хань (иначе Багармацзади, Бикармичжиди, Бэгэрь-Меджитъ = санскр. *Vikramaditya*)—очень популярный въ сказанияхъ монголовъ и бурятъ. Впрочемъ, сказанія о немъ чаше носятъ имя другого персонажа, тѣсно связавшаго свою сказочную исторію съ именемъ Бигармацзи: Арчжи-Бурчжи.

Въ сказаніи, записанномъ г. Смолевымъ, очень мало отступлений отъ извѣстныхъ уже записей, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ значительный интересъ, такъ какъ прежняе изданіе, заключавшія въ себѣ это сказаніе, представляютъ теперь библіографическую рѣдкость. Таковъ, напримѣръ, оттискъ изъ 1-го номера журнала «Общезанимателный Вѣстникъ» за 1858 г., гдѣ помѣщено сказание объ Арджи-Бурджи въ переводе Г. Гомбоева. Этимъ переводомъ, а также переводомъ Jülg'a на нѣмецкій языкъ пользовался академикъ А. Н. Веселовскій въ «Славянскихъ сказанияхъ о Соломонѣ и Китовраѣ». Въ 1903 г., въ XV томѣ Записокъ Вост. Отд. Императ. Русскаго Археологич. Общества, А. Д. Рудневъ помѣстилъ замѣтку: «Три сборника разсказовъ о Бикармичжидѣ», но въ этой замѣткѣ авторъ предполагаетъ извѣстнымъ содержаніе сказанія объ Арчжи-Бурчжи.

Эти редакціонныя библіографическія примѣчанія къ записи г. Смолева мы позволимъ себѣ дополнить, указавъ на то, что сказаніемъ объ Арджи-Бурджи широко пользовался Г. Н. Потанинъ въ своемъ трудѣ «Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ», гдѣ оно введено въ кругъ восточного и европейскаго фольклора: Аржэ-Буржэханъ встрѣчается еще въ сказаніи о «Шоно-баторѣ» (см. «Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями», Записки Вост.-сибирскаго отдѣла И. Р. Г. О. по этнографіи, т. I, вып. 2., Иркутскъ, 1890).

H. M—нъ.

П р у г а в и нъ А. С. Религіозные отщепенцы (очерки современного сектантства). Вып. I и II. СПБ. Изд. Т-ва «Общественная Польза» 1904 г.

Подъ вышеприведеннымъ заглавиемъ извѣстныя своими работами по расколу авторъ соединилъ въ 2-хъ выпускахъ свои статьи, которые помѣщались имъ въ 80-хъ годахъ въ различныхъ periodическихъ изданіяхъ, статьи, касающіяся различныхъ сектъ, возникающихъ среди русскаго народа подъ влияниемъ психологическихъ, общественныхъ, бытовыхъ и этнографическихъ причинъ.—Секты эти (немоляки, медальщики, бѣлоризцы, сютаевцы и др.) рационалистическая, нѣкоторые изъ нихъ весьма це многочисленныя и сущность ихъ сводится главнымъ образомъ

къ исканію или созданию такихъ условій жизни, которыя способствовали бы развитию среди людей любви и мира.

Авторъ при составлении своихъ очерковъ руководился свѣдѣніями, частью лично собранными, частью извлеченными изъ мѣстныхъ архивовъ и изъ литературы предмета. Свѣдѣнія эти въ большинствѣ случаевъ были скучны и поверхностны, откуда краткость и неясность очерковъ. Но, несмотря на это обстоятельство, работа г-на Пругавица представляетъ интересъ не только для людей, изучающихъ расколъ, но и для каждого, кто желалъ бы познакомиться съ современнымъ состояниемъ духовной жизни русского народа, съ запросами, поднимающимися у него въ душѣ, и мыслями, занимающими его сознаніе.

E. E.

Мих. Лемке. Николай Михайлович Ядринцевъ. Біографический очеркъ (на десятилѣтію со дня кончины). Съ 8 иллюстр. и введеніемъ И. И. Попова. Издание редакціи газеты «Восточное Обозрѣніе». СПб. 1904. Стр. 219 + XIV.

7 июля 1904 г. исполнилось десять лѣтъ со дня безвременной кончины Н. М. Ядринцева. Редакція «Восточного Обозрѣнія», храня призательную память объ основателѣ и первомъ редакторѣ этого изданія, рѣшила ознаменовать десятилѣтіе его смерти изданиемъ біографического очерка, поручивъ составленіе его В. К. Лемке и опредѣливъ чистую прибыль отъ изданія на образование фонда при одномъ изъ просвѣтительныхъ обществъ г. Иркутска для устройства школы имени Ядринцева въ какомъ-нибудь инородческомъ селеніи.

Благодаря такимъ добрымъ побужденіямъ, появился очеркъ г. Лемке.

Работа г. Лемке — именно очеркъ, легкій абрисъ оригинальной и сильной личности покойшаго Н. М. Ядринцева. Кто-то называлъ его однажды сибирскимъ Ломоносовымъ, и въ этихъ словахъ большая доля истины. Одаренный крупнымъ литературнымъ талантомъ, силой большого нервнаго подъема, выдающейся работоспособностью, рѣдкимъ образованіемъ,— Ядринцевъ остался навсегда въ исторіи Сибири, какъ публицистъ, поэтъ, археологъ, этнографъ, статистъ... Охватить вполнѣ всѣ стороны этой замѣчательной личности — дѣло очень нелегкое. Какая, напримѣръ, трудная (и вмѣстѣ благодарная!) задача — выяснить зарожденіе и развитие у Ядринцева идеи областничества, которая дала тонъ его дѣятельности во всемъ ее громадномъ объемѣ. Въ очеркѣ г. Лемке рѣшеніе этой задачи лишь намѣчено.

Дѣлая это замѣчаніе и вообще указывая на то, что работа г. Лемке представляетъ лишь легкій очеркъ біографіи Ядринцева, мы далеки отъ мысли дѣлать какіе-либо упреки автору біографіи или, тѣмъ болѣе, ея издателю. Мы не можемъ этого сдѣлать хотя бы потому, что въ распоряженіи г. Лемке было сравнительно мало біографическихъ материаловъ, а на призывъ редакціи «Восточного Обозрѣнія» — подѣлиться письмами Ядринцева, воспоминаніями о немъ, откликнулись очень и очень

немногіе. Къ тому же архивъ Ядринцева еще не разработанъ, а г. Лемкѣ не могъ имъ пользоваться, такъ какъ архивъ находится не въ распоряженіи редакціи «Восточнаго Обозрѣнія». Наконецъ, полнотѣ біографії помѣшало и то обстоятельство, что многія замѣтки и материалы какъ самого Ядринцева, такъ и лицъ къ нему близкихъ, не могутъ быть опубликованы въ настоящее время: для дѣятелей русскаго просвѣщенія и науки «исторія» наступаетъ обыкновенно съ значительными запозданіемъ.

Сдѣлавъ эти оговорки, объясняющія эскизный характеръ работы г. Лемкѣ, мы должны признать, что составленная имъ біографія Н. М. Ядринцева заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ интересующихся личностью покойнаго. Г. Лемкѣ съ достаточной полнотой исчерпалъ всѣ имѣвшіяся у него печатные материалы, а рукописи Ядринцева, бывшія въ распоряженіи редакціи «Восточнаго Обозрѣнія», и письма, которыми подѣлились съ г. Лемкѣ некоторые частныя лица, вносятъ кое-что совсѣмъ новое для характеристики Ядринцева. Несомнѣнно и то, что при всей своей эскизности, книга г. Лемкѣ значительно облегчить работу будущаго біографа Н. М. Ядринцева. Кстати сказать, намъ известно, что лицами, близкими къ покойному Н. М. Ядринцеву и хранящими главные материалы для его біографії, почти тотчасъ послѣ его смерти задумано ея составленіе. Надо надѣяться, что минувавшее десятилѣтіе со дня смерти Н. М. Ядринцева ускорить появленіе задуманной біографії, основанной на обширныхъ и цѣнныхъ материалахъ, оставшихся недоступными г. Лемкѣ... Пока же нельзя не привѣтствовать отъ души изданія редакціи «Восточнаго Обозрѣнія»: большая заслуга напоминать о такихъ людяхъ, какъ Ядринцевъ, обществу, забывчивому и часто равнодушному.

H. M—нз.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

„Восточное Обозрение“—1904 г. № 129. „Нохоръ“ (другъ)— очеркъ изъ бурятской жизни, А. И. Д. Прекрасно написанный очеркъ вводить въ психология старика-бурята, не мириящагося съ новымъ укладомъ жизни, созданнымъ подъ русскимъ влияниемъ. Этнографическое значение очерка увеличивается хорошо переданнымъ русско-бурятскимъ жаргономъ.—Корреспонденція съ по-низовья Колымы, М. С. Рѣчь идетъ о правовомъ положеніи чукчей и ламутовъ. Приводится рядъ юридическихъ дѣлъ, очень запутанныхъ, благодаря тому, что ламуты уже вошли въ сферу дѣйствія русского уголовного закона, а чукчи судятся по обычному праву и суду русскому подлежатъ только въ случаѣ убийства, совершенныхъ ими въ предѣловъ своего постоянного жительства.—132. Въ корреспонденціи изъ Красноярска сообщается о двухъ предполагаемыхъ экспедиціяхъ въ Туруханскій край. Одна изъ нихъ занимается собираемъ и этнографическихъ свѣдѣній.—146. Такоже разсказы. Старикъ-звѣроловъ передаетъ между прочимъ рассказъ о лѣсовикѣ съдѣвущаго содержания. Съ виноваго охотника рихъ нѣсколько разъ сносилъ крышу. Охотникъ, „смѣтиль“, что это лѣсовикъ гадить, и однажды, когда лѣсовикъ, „обернувшись вихремъ“, несся на избу, выстрѣлилъ въ него. Въ лѣсу раздался крикъ, а на утро передъ охотникомъ явился лѣсовикъ: „на человѣка похожъ, только большій: съ лѣсину будешь“. По требованію великана, охотникъ идетъ „на совѣтъ“ лѣсовиковъ. Оказывается, охотникъ вчера отстрѣлилъ палецъ у одного лѣсовика. „Вашъ товарищъ мнѣ вѣшилъ портиль, и въ него и выстрѣлилъ“, отвѣчаетъ охотникъ. „Совѣтъ“ рѣшаетъ такъ: избу охотника снести, какъ стоявшую на дорогѣ, по которой ходить лѣсовикъ, а въ видѣ вознагражденія выдать охотнику столько золота, сколько онъ унесетъ. Жена лѣсовика, похожая на обыкновенную бабу („краденая, должна быть“), учитъ охотника не брать золота, а взять углемъ. Жадный мужикъ не исполнилъ совета лѣсовики и остался въ накладѣ: золото снесено, а золото превратилось въ угли.—171. Въ корреспонденціи изъ Кондуя (Забайкалье) подробно описывается мястное овцеводство. Приведено много мястныхъ техническихъ терминовъ.—175. Перепечатка изъ „Новостей“ статьи г. Соломина о дѣятельности католическихъ миссіонеровъ въ Тибетѣ. Приведены параллели между христіанскими и буддийскими вѣроученіями.—180. Въ корреспонденціи изъ Нерчинска сообщается о слѣдующихъ обычаяхъ: чтобы остановить градъ, выставляютъ на улицу чугунный горшокъ, покрытый сковородкой; для той же цѣли ставятъ въ синякѣ за дверьми метлы. 184. Китайцы на Амурѣ, какъ торговцы и рабочие. А. Гейковца. Въ корреспонд. изъ села Баэрновки (Иркутской губ.) разсказывается слѣдующее о „порчѣ“ посредствомъ „хомута“. Дѣлается кольцо изъ конскаго волоса, обвивается сурою ниткой и съ наговоромъ бросается подъ ворота того лица, которому хотятъ повредить; человѣкъ или скотина, перешагнувшая подброшенное кольцо, получаетъ „хомутъ“; заболѣвшій хомутомъ падаетъ въ припадкѣ, а на томъ мястѣ, на которое попалъ хомутикъ, появляется опухоль. Отъ хомутика лѣчить особыя знахарки; дѣло ограничивается тѣмъ, что на больного надеваютъ хомутикъ, снятый съ вспотѣвшаго коя.—186. Въ корреспонденціи съ Алтая сообщается о любопытномъ движеніи среди „монголовъ“. Алтайскій инородецъ (или монголь, татаринъ, — какъ они известны больше среди живущихъ здесь

русскихъ), по имени Четь, прибывшій недавно изъ китайской Монголіи, началь пропагандировать среди своихъ сородичей-шаманистовъ новые религиозные взгляды. Четь проповѣдовала уничтоженіе старыхъ религиозныхъ обычаевъ и порядковъ (но не только ихъ, какъ увидѣть дальше), послѣдователямъ своимъ (иѣ прѣказывалъ уничтожать всѣ предметы, имѣвшіе прежде какое-либо религиозное значеніе,—какъ-то, божковъ, бубны, служившия при кампании и проч., и вмѣсто этого вводили особый культъ, состоявший въ привычкѣ къ бѣрезѣ бѣзъя трапоцѣи и окоцѣи ихъ молодокъ, произнося при этомъ какія-то прошенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Четь требовалъ, чтобы его послѣдователи вѣнчали русскаго царь, отказались отъ всякаго обращенія съ русскими (и тѣ, которые уже приняли православную вѣру, поскорѣе отказались бы отъ нея), не употребляли бы русскихъ денегъ, словомъ—постарались бы стать по отношенію къ русскимъ въ совершенно независимыя условія, такъ какъ „у всѣхъ все равно скоро будетъ другой владыка,—не Апкашъ-ханъ, а Японаканъ, „который скоро-де явится къ памъ и прогонитъ русскихъ“.

Дѣйствія этого пропагандиста не ограничились тѣмъ участкомъ, где онъ жилъ (Кырлыкъ, недалеко отъ Усть-Кана), но онъ разсыпалъ еще гонцовъ и по окрестностямъ, которые въ некоторыхъ мѣстахъ дѣйствовали въ его пользу довольно успѣшно.

Четь въ качествѣ проповѣдника оставался недолго; скоро онъ сталъ во главѣ религіи, которую пропагандировалъ, сказавъ, что онъ-то и есть тотъ богъ, которому монголы должны поклоняться въ приведенныхъ выше вѣнчаныхъ формахъ; по и въ этой новой роли Четь оставался также недолгое время, въ концѣ концовъ онъ объявилъ, что онъ также и царь. Въ число прозелитовъ попали и городцы не только шаманисты, но также вѣкоторая часть православныхъ, хотя можетъ быть, и противъ своей воли, такъ какъ многихъ, не желавшихъ примкнуть къ этому движению, Четь жестоко наказывала. Около этого бога-царя собралось до четырехъ тысячъ послѣдователей. Они были разогнаны русской властью, а самъ Четь съ женой, дочерью и съ 30 горячими сторонниками былъ арестованъ и отправленъ въ Томскъ.—197. Изъ бумаги сибирского потріота. Приведена негапетовская до сихъ поръ статья Н. М. Ядринцева „Буддизмъ, какъ религія несчастія“.—210. Перепечатка изъ „Царицынского Вѣстника“ сообщаетъ о старинномъ приволжскомъ обычаѣ наказывать невѣрную жену, надѣвая на нее хомутикъ, опутывая талью вожжами и гоняя ее въ такомъ видѣ по улицѣ. При этомъ женщина должна быть въ одной юртѣ, простоловасая и съ расплетенной косой.

Естествознаніе и Географія. Подъ ред. М. Л. Варасевъ. 1904. 5. Романовскій, В. Сванетіи и сванеты. Очеркъ составленъ по слѣд. соч.—іамъ: Стояновъ—„Путешествіе по Сванетію“ (Х кв. Запис. Кавк. Отд. И. Р. Г. О.), Долгушинъ—„Черезъ Сванетію къ Эльбрусу“ (Сборникъ мат. для опис. м. и н. Кавказа. вып. XXVIII), кн. Эристовъ—„Записки о Сванетіи“.—7 и 8. Шульце Францъ, Исторія развитія родоповѣдій. Перев. Е. С.—7. Тѣ. Городское и сельское населеніе къ С.-Ам. Соед. Штатахъ. (Статист. свѣдѣнія).—8. Смѣсь: Пять важнѣйшихъ подомежій антропогеографіи (По д-ру Шёне въ „Рѣд.“ Bl. f. Lehrerberufe, 1903, Mai).

Землевѣдѣніе. Неріодическое изданіе Географического Отдѣлія И. О. Л. Е., А. и Э. Подъ ред. Д. Н. Алучинка. 1904 г. ин. I—II. Адлеръ. Б. Музей этнографии и антропологии имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Авторъ даетъ краткій очеркъ исторіи развитія музея изъ петрогрѣской „купеческіи“; при чёмъ попутно дѣлается указанія на многія поступившія въ музей коллекціи.—А., Д. Литература по Японіи. Помѣщенъ длинный списокъ названий. (См. „Этн. Обозр.“ 1904, № 2, стр. 203—206).—Географіи и соприкасающіеся съ ней науки въ вѣмекихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ лѣтній семестръ 1904 г. Данъ очеркъ курсовъ, которыми представлена географія въ большей части вѣмекихъ университетовъ и въ нѣсколькихъ техническихъ школахъ. Нѣкоторые имѣютъ непосредственное или ближайшее отношеніе къ этнографіи, какъ напр.: 1) въ Берлинѣ—

Sieglin: Географія Італії и вінні, провінції римської імперії, *Oncken:* Німецька колонізація на востокѣ въ 12 и 13 вѣкѣхъ, *Streck:* Передня Азія и клинообразна надписи, *v. Luschan:* Народовѣдніе Океаніи, *v. d. Steinen:* Полінезійска міфологія, *Ею же:* Этн. упражненія въ этн. музеѣ, *Seler:* Исторія стириї и завоеванія Мексики, *Ею же:* Религія мексиканцевъ, *Ehrenreich:* Исторія первоб. культуры (археологія—оружіе, орудіе, посуда) съ демонстраціями въ этн. музеѣ, *Vierkand:* Психологія народовъ, *Vacha:* Исторія и географія Персії, *Lange:* Религія японцевъ, *Veiten:* Географія восточн. герм. Африки, *Lippert:* Географія Судану, *Ею же:* Герм. зап.-африк. колонії; 2) во Фрейбургѣ—*Neumann:* Общая антропогеографія, *Grusse:* Этнологическая упражненія; 3) въ Геттінгенѣ—*H. Wagner:* Общая антропогеографія; 4) въ Галле—*Herzberg:* Географія Італії въ древности; 5) въ Кенигсбергѣ—*Krauske:* Истор. географія Германіи; 6) въ Марбургѣ—*Niere:* Истор. географія древн. Греції, *Drevermann:* Первоб. история человѣка; 7) въ Лейпцигѣ—*Ratzel:* Пространство и время въ истории земли и народовъ, *Weule:* Введеніе въ изученіе народовѣднія, *Ею же:* Этнографія Океаніи; 8) въ Мюнхенѣ—*Rank:* Курсъ антропологии и антропологич. психологіи; 9) въ Тюбингенѣ—*Koken:* Происхожденіе и первобыт. исторія человѣка; 10) въ Вайнѣ—*Hoernes:* Антропология съ введеніемъ въ первоб. исторію человѣка, *Haberland:* Этнографія Старого Свѣта; 11) въ Инсбрукѣ—*v. Wieser:* Путешествія Марко Поло; 12) въ Бернѣ—*Brückner:* Страна и народовѣдніе Азіи, *Ею же:* Народовѣдніе, *Brunnhofser:* Историко-географическое изложеніе и критика путешествій Геродота; 13) въ Цюрихѣ—*Stoll:* Общ. этнографія, *Ею же:* Страновѣдніе Австралії и Полінезії, *Ею же:* Страновѣдніе Свѣ. и Сред. Америки, *Martin:* Введеніе въ общ. антропологію, *Frey:* Основы антропогеографіи и др.—Въ „Протоколахъ“ Геогр. Отдѣленія И. О. Л. Е. А. и Э. перечислены доклады, сдѣланнныя на засѣданіяхъ отдѣленія; изъ нихъ нѣкоторые имѣютъ отношеніе къ этнографіи, а именно Д. Н. Амучинъ—О Мангазеѣ и мангавейской землѣ, А. М. Остроуховъ—Изъ поездки въ сѣв.-зап. Монголію: Урянхайцы и ихъ страна, М. К. Барсуковъ—О природѣ и населеніи горного Алтая, А. В. Андріановъ—О доисторическихъ могилахъ Минусинского края. Приложеніе: По Азіатской Европейской Турпії. Изъ книги Gugo Grothe: „Auf turkischer Erde“) Перев. О. Романовой, подъ ред. С. Григорьева. Съ рисунками. (Не оконч.).

Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія 1904. Янв. С. П. Розановъ. Замѣтки по вопросу о русскихъ хронографахъ. Авторъ примыкаетъ къ мнѣнию академика Шахматова о происхожденіи хронографа (составленъ въ Россіи южнымъ славяниномъ), подкрепляя эту взглядъ подробными разборомъ болѣе позднаго мнѣнія ак. А. И. Соболевскаго. Въ дальнѣйшемъ авторъ излагаетъ нѣкоторыя собственныя замѣтки по вопросу объ источникахъ хронографа.—В. И. Ламанский. Славянское житіе св. Кирилла какъ религиозно-эпическое произведеніе и какъ исторический источникъ. XXIV—XXV (первые главы въ Ж. М. Н. Пр. 1903 г., см. „Этн. Об.“ кн. LX). Въ основу изслѣдованія авторъ кладеть тольѣ взглядъ, что „Житіе“ не простая лѣтопись или вѣрная запись всего слышаннаго отъ близкаго человѣка и отчасти очевидца, а прежде всего литературное, религиозно-эпическое произведеніе, частью сотканное изъ узоровъ собственного имышилія автора на канвѣ пѣсъковыхъ изъ слышанныхъ имъ фактовъ историческихъ и лишь въ концѣ своемъ основанное на личныхъ воспоминаніяхъ автора и вообще болѣе или мѣжѣ точныхъ свѣданіяхъ; дошло оно до насъ въ спискахъ, не болѣе раннихъ, чѣмъ второй половины XV вѣка. Изъ сравненія житія съ другими источниками авторъ выводить, что Кириллъ и Меѳодій были посланы патріархомъ Фотіемъ къ Руси славянской въ 861 г. при Аскольдѣ и Дирѣ; это именно надо понимать подъ хазарской миссіей (Gardhariki-Хазаріи или Газара). Въ это время Константина Философа привезъ съ собою славянскіе книги и письмена. Результатомъ этой проповѣди въ землѣ полянъ было основаніе христіацкой общинъ, появленіе славянскаго богослуженія и слов. грамоты, сохраненіе до поздніхъ временъ и во многихъ спискахъ исключительно у насъ бѣсѣды и наставлениевія Констан-

тина Философа, или даже Кирилла Философа, или просто Философа. Эта бестъя редакторомъ нашего лѣтописнаго свода была внесена въ пашу первоначальну лѣтопись и приписана позывѣстному философу греку, современному кн. Владимира. Владимирово крещеніе смыщивается съ первымъ крещеніемъ (861 г.) и миссіонеру греческому у Владимира приписывается то, что входило въ первоначальный текстъ житія Константина, при разсказѣ объ его хъзарской (т.-е. русской) миссіи, и что въ дошедшемъ до насъ текстѣ житія именно и отсутствуетъ—*И. Н. Смирновъ. Окончаніе подробнѣйшаго разсмотрѣнія материаловъ, представляемыхъ тт. I—XVIII болгарскаго изданія „Сборникъ за народны умотворенія, науки и книжнина“.* (см. док. „Ж. М. Н. Пр. 1903 г.“)—*И. Толстой, гр. Культь Аполлона на Воспорѣ и въ Ольвии. Февр. В. М. Истрикъ. Извѣствія о древне-русской литературы. IV.* Эта глава посвящена вопросу о редакціяхъ Толковой Полеи.—*И. Н. Соловьевъ. О значеніи загадочныхъ словъ „Мани, Фекель, Фаресъ“ въ книгѣ Даніила.* Разобираются и отвергнуты различныя гипотезы для объясненія этихъ словъ, авторъ присоединяется къ мнѣнію Ch. Clermont—Ganneau съ небольшой поправкой; загадочные слова означаютъ: „мина вѣсить два фараса“, толкованіе же Дашиломъ этой простой фразы, которую не могли прочесть халдейскіе мудрецы, основано исключительно на аллитерациѣ, параллелии и игрѣ словъ, что свойственно восточному вкусу.—*А. Н. Веселовскій. Къ вопросу о родинѣ легендъ о св. Граалѣ.* Эта статья является продолженіемъ прежнихъ работъ академика о св. Граалѣ; здесь она сближаетъ легенду западную съ європейской легендою о сыне Соломона и царице Савской.—*Отчетъ о книгахъ: 1) Труды Владимирской ученої архивной комиссіи. Кн. V. съ прилож. 21 рис. и 3 плановъ; Владимиръ. 1903 г. п. З р. 50 к. 2) Народковъ Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII вв. Казань. 1903.—А. С. Архангельскій. Труды ак. А. Н. Пыпина въ области истории русской литературы.*

Миръ Божій 1904. 6. Рожковъ Н. Обзоръ русской истории съ соціологической точки зрения. (Продолженіе также въ №№: 7, 8, 9, 10 (не ок.)—Зынинскій, Ф. проф. Извѣствія древнеримскихъ бытовыхъ отношеній. Даны яркая характеристика этихъ отношеній по работѣ М. И. Ростовцева: „Римскія свинцовыя тессеры“, 3 ч. ч. СПб. 1903. Тессеры—небольшие вылитые изъ свинца круглые значки съ различными на нихъ изображеніями животныхъ, фигуръ и предметовъ. (Тессеры—отъ греч. *τεσσερα*—четыре: четырехугольная табличка).—На родинѣ: Вымирающіе лопари (изв. „Русск. Вѣд.“). Прокладенные въ арханг. губ. (оттуда же).—7, 8, 9, и 10 Байдановичъ, Татьяна. очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи.—7. Кондуруцкінъ, С. Печать и культура въ Сирии. (Корреспонденція изв. Дамаска).—9, 10. Кауфманъ, Александъ. Въ среднеазіатскихъ степяхъ. Извѣстія впечатлѣній (Не оконч.).

Правительственный Вѣстникъ. 1904. 87. Въ Русск. Археол. обществѣ. (Засѣд. 11 апрѣля). Представленъ проектъ Н. Н. Веселовскаго о раскопкахъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ. Докладъ Н. И. Привалова. „О музыкальныхъ инструментахъ русскаго народа въ историческомъ и археологическомъ отношеніи“ (съ иллюстраціей инструментовъ и исполненіемъ музыкальныхъ мелодій). Между прочимъ, отмѣчены „хоры гусляровъ, играющихъ па инструментахъ, типа эпохи удѣльного княжескаго периода“.—88. Малченко. Двадцатилѣтіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Указаны только общія положенія о „комиссіи“.—111. Южная Манчжурия. (Фельзенъ). Извѣстія доклада Я. С. Эдельштейна въ Геогр. о-вѣ.—121. Археологіческія наслѣдованія въ Бахмутскомъ уѣздѣ (о докладѣ Городцова въ Моск. Археол. о-вѣ, 12 апрѣля). 125. Современная Индія. (Извѣстія доклада въ Русск. Геогр. о-вѣ санскритолога бар. А. А. Сталь-фонъ-Гольштейна, путешествовавшаго по Британской Индіи въ 1903 г.).—127. Печерские язы (Фельзенъ). См. вдѣсь „Смѣсь“.—144 и 145. Овсянниковъ, Н. Историко-археологическія чтенія въ Твери (фельзенъ). Съ 29 мая по 8 июня читали лекціи проф. С. Ф. Платополовъ, проф. Н. В. Покровскій, проф. И. Я. Гурляндъ, ак. А. И. Соловьевскій, В. В. Майковъ. Приведено краткое изложеніе лекцій.—161. Ипп. Публ. Библіотека въ 1899 году.

(Фельетонъ). По отчету б-кѣ, приведены съѣдѣнія о наиболѣе цѣнныхъ про-брѣтеніяхъ: многія изданія и рукописи имѣютъ большую цѣну и для этнографіи.—173. Д. П. Каѳедры русскаго языка въ Японіи, Китаѣ и Корее. (Фельетонъ). Въ Японіи—15 каѳедръ: 12 въ Токіо, 1 въ Осаки, 1 въ Хаккодатѣ, 1 въ Нагасаки; въ Китаѣ—21; въ Корее—2. Для просвѣщенія Кореи много дѣлаетъ директоръ казанской инородческой учительской семинарии Н. А. Бобровниковъ (семинария печатаетъ русско-корейскій словарь). Въ Сеулѣ дѣйствуютъ въ області распространенія русск. языка русск. диплом. агентъ К. И. Веберъ и кап. Н. Н. Бирюковъ.—174, 177, 179 и 185. Нѣкоторые итоги изслѣдованія степенныхъ областей. (Фельетонъ разработанъ по съѣдѣющимъ издаваніямъ: „Материалы по киргизскому землепользованію“. Изд. М. З. и Г. И. т. I Акмол. обл. Кончетавскій уездъ, 1894; т. II, Атбасарскій уездъ 1902 г.; Семипал. обл. Павлодарскій уездъ т. IV, 1903 г., Тург. обл. Кустанайскій у. т. V 1903 г.; Актюбинскій у. т. VII 1903 г.; Акмол. обл. Омскій у. т. XI 1902 г.).—188 и 189. Изслѣдованіе живого русскаго языка, (Фельетонъ).—195, 196, 197, 198, Гъ, Къ. Къ исторіи славянскаго самосознанія и славянскихъ сочувствій въ русскомъ обществѣ. (Изъ 40 хъ годовъ XIX столѣтія). Фельетонъ.—200. Дасть харьковскому Университету, а именно: приводимый въ порядокъ архивъ харьк. духов. консистории за 200 лѣтъ, интересный въ историко-бытовомъ отношеніи.—Статистика Японіи. (См. „хронику“).

Русский Антропологический журналъ. Издание Антропологического Отдѣла. И. О. Л. Е., А. и Э. подъ ред. А. А. Ивановскою Ки. XV—XVI. 1903. № 3 и 4. ¹⁾ Гершельманъ Э. Формы грудной железы у японокъ. Эта специальная тема разработана авторомъ съ нѣкоторыми подробностями, важными для этнографіи. Указавъ, что формы женского тѣла наиболѣе изучены у представительниц неевропейскихъ расъ (напр., Плоскій-Бартелемь, Stratzenъ, Монтегацій и др.), авторъ высказываетъ соображенія, по которымъ онъ сталъ заниматься изслѣдованіемъ формъ грудной железы у европейской женщины. Въ образованіи послѣдней здѣсь вѣяютъ не только физическія свойства расы, но также экономическое и соціальное положеніе женщины, костюмъ, обычаи и пр. Рассмотрѣвъ разные „типы“ груди, авторъ указываетъ, что сдавливаніе одѣждою нижней части грудной клетки благопріятствуетъ опусканию грудныхъ железъ. Лиѳляндскія японки почти всѣ поголовно носятъ корсетъ; японки завязываютъ юбку тесьмами вокругъ талии и часто носятъ корсетъ; русскія съ береговъ Нейпруса не знаютъ корсета и носятъ свободныя сарафаны. Сообразно съ этимъ хуже всего развиты груди у лиѳляндскихъ японокъ, потомъ съѣдуютъ японки, наиболѣе же развиты груди у русскихъ.—Дзержинскій, И. Э. Поляки Ново-Александровскаго уезда. Люблинской губерніи. Три гмины уезда населены малополяками, къ которымъ Закржевскій причисляетъ еще краковицъ, польскихъ горцевъ карпатскихъ, сандомирянъ, келецкихъ горцевъ, принисяль, боровиковъ, людъ тарновскій, людъ ржешовскій и др. Эти люблинские малополяне ссыпаются съ малороссами на востокѣ, съ мазурами за сѣверъ. Большого влияния малорусской культуры здѣсь однаго не было; наоборотъ мазуры остались значительные сѣви. Мазуры, примѣшившись къ лахамъ-собственно или къ бѣлынъ хорватамъ, кореннымъ житеямъ, образовали этническую группу теперешнихъ малополянъ съ своеобразными физическими чертами. Давъ подробнѣю антропологическую характеристику малополянъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что преобладающій типъ среди большинства славянства, занимающей центръ славянства, постепенно измѣняется къ окраинамъ, приобрѣтаніе черты сосѣднихъ народностей. Въ составѣ населенія Ново-Александровскаго у. вошли, по всейѣѣтности: 1) высокіе брахицефалы темнаго типа (и. б. представители славянъ кельтской расы), 2) высокіе брахицефалы светлого типа (не представители ли финно-турецкихъ племенъ?), 3) высокіе долихоцефалы светлого типа (скандинавской расы) и 4) низкорослые брахицефалы (тоже, вѣр., финно-турецкихъ племенъ). Преобладающее значение имѣть первый типъ,

¹⁾ См. „Этн. обзор.“ Кн. LVII.

такъ какъ, по всей вероятности, распространяясь съ Дувая, а потомъ съ Карпатьемъ на сѣверъ и востокъ, она все больше вытесняла или скорѣе растворяла въ себѣ первоначально жившій на славянскихъ земляхъ длинноголовый типъ. Послѣдній, покидая большую часть Европы, уступалъ ею въ борьбѣ за существование короткоголовому типу славяно-кельтской расы.—*Витунскій, С.* О ростѣ населенія Кирилловскаго уѣзда Новгородской губерніи. На сѣверѣ Евр. Россіи жили когда-то, стоялившись и смѣшивались лопари, разные финские народы, югры и нѣмецкие славяне, покорившіе ихъ и объединившіе культурно. Пропорція смѣшанія была различна, и потому на сѣверѣ сейчасъ вѣсколько антропологическихъ типовъ смѣшанного населенія. Въ Кирилловскомъ у. авторъ выдѣляетъ высокорослый и малорослый типы. Высокорослое населеніе пришло въ Новгородскую губ. съ юга по р. Ловать (дается подобный маршрутъ его движения до С. Двины и Онеги); этотъ типъ принадлежитъ нѣмецкимъ славянамъ, а не „чуди бѣлоглавы“; которыхъ нѣкоторые также считаютъ племенемъ высокорослымъ. Малорослый типъ принадлежитъ не славяно-кельтскому племени; онъ рѣзко выраженъ въ глухихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ главныхъ ихъ путей сообщенія В. Новгорода; туда извѣдцевъ оттесняли славяне.—*Воробьевъ, В. В.* Нѣсколько давныхъ по антропологии великорусской женщины. Онъ ростомъ ниже великорусскихъ мужчинъ, более круглоголовы, по степени ширинъ лица одинаковы съ мужчинами; онъ также болѣе светловолосы, болѣе темноглазы; среди женщинъ больше сохранился чистый типъ (свѣтлый и темный), чѣмъ среди мужчинъ (больше смѣшанныхъ).—*Ивановский, А.* Опытъ антропологической классификаціи населенія Россіи. Работа А. А. Ивановского представляетъ громный интересъ не только для антрополога, но и для этнографа. Этнографъ очень часто безсильна разрѣшить вопросъ объ историческихъ процессахъ сложенія того или другого этнического типа. Съ большою положительностью это можно сказать объ этническихъ типахъ, обитающихъ въ Европѣ и Аз. Россіи. А. А. Ивановский своимъ „опытомъ антропологической классификаціи“ открылъ вѣрный путь къ решенію вопроса. Мы сейчасъ судимъ о великоруссахъ по языку, по скучнымъ историческимъ и географическимъ указаниямъ, по антропометрическимъ безотносительнымъ характеристикамъ. Но вѣль языкъ или отдаленные факты его перенимаются и чуждымы племенемъ; геогр. познанія мѣняются прихотливо: одни забываются, другія искажаются, третьи вновь рождаются; истор. свѣдѣнія, при отсутствіи письменности, и науки, гадательны. А. А. Ивановский подошелъ къ этому вопросу во всеоружії сравнительнаго метода, примѣпленного къ антропологическимъ даннымъ. Разобравъ каждый изъ антропологическихъ признаковъ (цвѣтъ волосъ и глазъ, ростъ, головной указатель, лицевой указатель и т. д.) для всѣхъ народностей, живущихъ въ Россіи, авторъ даетъ таблицу своей классификаціи и объясненія къ ней. Въ таблицѣ выдѣлены группы различныхъ степеней сходства, а потомъ по этическимъ степенямъ проведены сближенія между отдаленными этническими группами. Самъ авторъ оговаривается, что чаще всего сближенія неполны, въ далекихъ степеняхъ; что классификація эта довольно условна, что достовѣра она безусловно только тогда, когда „всѣ десять признаковъ“ совпадаютъ. Тамъ не менѣе получаются многое интересные выводы какъ частные, такъ и общіе. Нѣкоторыхъ выводовъ укажемъ: свѣтлый типъ распространенъ среди населенія Россіи очень мало, подавляющее большинство—смѣшанный типъ и особенно брюнетический. Въ восточной части Евр. Россіи ростъ населенія поражается гравитительно съ зап. частью ея. Населенія Кавказа самое высокорослое во всей Россіи; ему уступаетъ населеніе Средней Азіи; ростъ населенія Сибири сауыл низкий; въ общемъ—чѣмъ свѣтлѣе типъ, тѣмъ выше ростъ. Во всей Россіи населеніе попримуществу брахицефалическое. Нѣкоторые общіе выводы укажемъ слѣдующіе: Славянская группа, т. е. группа племенъ съ преобладаніемъ слав. племенъ, является значительно смѣшанной; сюда входитъ: всѣ в.-русы, б.-русы, м.-ро сы (за исключеніемъ и.-русовъ Кіевской губ. и кубанскихъ казаковъ), поляки, литовцы, вырины, кованскіе и касимовскіе татары и башкиры. Къ этой группѣ ближе, чѣмъ къ другимъ, стоять астрах.

калмыки и калмыки вообще. (Путешеснны также выводы и относительно всѣхъ этихъ племенъ въ отдельности). Совершенно обособились отъ всѣхъ народностей евреи, образовавъ еврейскую антропологическую группу. Армянская группа состоитъ изъ армянъ разн. вѣтъ Кавказа, къ нимъ приближаются калбадинцы, айсоры, юли, крымскіе татары. Въ осетинскую группу, кроме осетинъ, входятъ малороссы-казаки. Особое пока вѣто занимаютъ кумыки. Также обособились левинцы-юриицы. Вопросъ о происхождении малоочисленного племени удинъ остается открытымъ. Курды, персы, азербайджанцы татары, мезалганцы и иштигарды составляютъ группу курдо-персидско-азербайджанскую. Въ группу среднеазіатскую входитъ киргизы, тарабчи, авганицы, дунгани, сарты, сибо-шибинцы, китайцы. Одипоко стоять каракиргизы; одиночка и туркмены. Въ монгольскую группу входятъ: арбунесумузы, калмыки-чахары, турфаскіе калмыки, кульджинскіе и тарбагатайскіе торгоуты, халхасцы, самоды, телегеты, буряты (всѣ въ) и тунгусы. Въ якутскую группу входятъ: якуты, къ нимъ близкіе сѣв., тунгусы и астрых. калмыки. Буряты стоять одиночно, тоже въ отстии. Всѣ эта статья А. А. Ивановскаго является краткимъ изложениемъ недавно вышедшей его диссертации „Объ антропологическомъ составѣ населения Россіи“. М. 1904. 4°. VI+287 стр. (въ Трудахъ Антропологического Отдѣла ИИП. Об-ва Люб. Естествознавія, томъ XXII).—Косоротовъ, Д. О ритуальныхъ поврежденіяхъ у скопцовъ. (По даннымъ одного скопческаго дза). Автору и прив.-доц. Масловскому, въ качествѣ экспертовъ по судебному дѣлу, пришлось освидѣтельствовать около 100 человѣкъ, изъ нихъ 52 (24 муж. и 28 жен.) съ скопческими поврежденіями. По происхождению скоптанты оказались преимущественно финнами, по вѣроисповѣданію—лютеранами (русскихъ православныхъ было только 5). Главарями были однако русские—отецъ и сынъ Овчинникова. Ритуальная скопческая поврежденія являются въ двухъ видахъ—„малой“ и „большой печати“; для первой терминъ—„посадить на пѣгаго коня“, для второй—„посадить на бѣлого коня“. Выраженіе „чистота“, „убѣженіе“ относятся къ тому же ритуалу. Характерна пѣсня: (въ записи): „О Господи благослови царску песеньку вамъ спѣть вамъ святого Духа вѣстрѣть Просимъ милости поди добро пожаловать кати глаголаетъ Господь Самъ съ Покровомъ сойду къ вамъ съ небесною съ высотою живагласно трубою Живыгласная труба привала много труда Изъ малинова куста летить птица не пуста у ней золоты уста Изъ круглова бережка быстра рѣчка протѣяла наѣ матушка съберегла на свои ручки взяла и глаголы-вала сама быть ты дѣтѣтко смила хочу сажать на коня На коня тебя посаджу путь дорожку провожу до блаженнаго рая судъ и воля свѣтъ твой Богу слава честь держава во вѣки вѣковъ Аминь.“ Отрывокъ изъ поученія: „Любовная душа стремясь всегда на прекрасную свадьбу агнца и на вебесный пиръ.. купи себѣ вѣчное счастье, вымѣни бѣло коня; толь конь привезетъ тебя къ чести, садись на него скорѣ, позѣмъ“ (Переводъ съ финской записи). Даѣте приводятся медицинскіе свѣдѣнія о ритуальныхъ поврежденіяхъ. Приведена и одна „радѣльская“ пѣсня, въ которой упоминается о печати (она сиропится на Страшномъ Судѣ), обѣ отречений отъ слабой плоти, о необходимости узаконить себя. (Запись русская, по многія слова искашены финскимъ произношеніемъ). Члены скопческой общины („дѣти Божіи“) держатся сплошенно, ведутъ воздержную жизнь, весьма трудолюбивы и добросовѣстны другъ съ другомъ. Половые стремленія у нихъ однако не совсѣмъ угасаютъ. Главарей своихъ скопцовъ обожаютъ. Нѣкоторые фаталисти, по наслѣдованию въ психіатрической больницѣ, оказались душевно-больными.—Адлеръ, Б. Луки и стрѣлы. Сѣверной Азіи. (Сокращенное изложеніе двухъ работъ того же автора на немецкомъ языке: 1) Der nordasiatische Pfeil. и 2) Die Bogen Nordasiens (обѣ въ Internat Archiv fü Ethnograph. 1901, 1902). Авторъ считаетъ сѣверо-азіатскій лукъ „сложнымъ“; возможно, что онъ произошелъ изъ „усиленного“, родинъ котораго въ второмъ случаѣ была или въ сѣв.-вост. Азіи или въ сѣв.-зап. Америкѣ.—А. А. Ивановскій, Д. А. Коропчевскій (пекрологъ).—Критика и библиографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русский Архивъ. 1904. 1—5. Ф. А. Гильяровъ. Воспоминанія (Любопытны по описанію быга духовенства, начиная съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія).—3. Грамота царя Алексія Михайловича кievскому воеводѣ боярину Василію Борисовичу Шереметеву (1659 г.).—4. Ф. М. Уманецъ. Князь Константий - Василій Острожскій. — А. А. Титовъ. Острожскіе архіереи быаго времени (XVIII в.). Изложение изслѣдованія Н. Чернова, помѣщенаго въ Трудахъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи (Вып. VII и X, Оренбургъ 1903 г.).—5. А. В. Балогъ. Понедѣльникъ и понедѣльничанье. Историко-этнографической очеркъ. Чествование понедѣльника авторъ объясняетъ тремя причинами: 1) князь Владимиръ по понедѣльникамъ подвергалъ наказанію людей, не явявшихся къ богослуженію въ воскресные дни; 2) церковью понедѣльники посвящены бесплотнымъ силамъ; 3) вліяли западныя астрологическія сочиненія, въ которыхъ понедѣльникъ являлся днемъ тяжелымъ, какъ посвященный лунѣ (die luna), привнесшей несчастіе людямъ (ссылаясь на статью Н. Петрова, вародныхъ правдникахъ, въ т. IV Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за 1871 г.).—9. М. Успенскій. Японія и Корея по сочиненіямъ XVIII столѣтія.

Русскія Вѣдомости, 1904, 146, 148, 177, 180 и 184 (см. 108), Танъ, Русскіе въ Канадѣ (прод. и оконч.).—156, Sh., „Сіонъ-Сити“ и его пророкъ. Авторъ посвящаетъ статью подвигамъ извѣстнаго Джона - Александра Дауи или пророка Илії, пророчествующаго среди англичанъ и американцевъ, которыхъ грубо эксплоатируетъ для обогащенія своей казны.—167. Хахановъ А. Памятніи Умикова. Покойный грузинскій писатель былъ любителемъ древней грузинской письменности, памятники которой издавалъ и комментировалъ.—183, 210, 241, Анучинъ, Д. Къ характеристику японцевъ. Какъ бы ни были различны тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась японская нація, они слились въ теченіе вѣковъ въ одно этническое цѣлое и притомъ, повидимому, болѣе однородное по языку, обычаямъ, традиціямъ, чѣмъ это можно сказать о другихъ націяхъ Азии и Европы. На этой однородности настаиваютъ многие наблюдатели, основательно ознакомившіеся съ населеніемъ Японіи. Персиваль Лаузель приписываетъ даже японцамъ „отсутствіе индивидуальности“ (lack of personality), — именно въ ихъ психикѣ и во внѣшнѣмъ habitus'ѣ. Теперь Кате замѣчаетъ, что, проѣзжая по Японіи, путешественникъ всюду видѣть одно и то же. „Ты же некрасивы, гримасничающія физіономіи и коротко остриженные волосы у мужчинъ, тѣ же улыбающіяся лица съ кокетливыми прическами у женщінъ; тотъ же костюмъ и та же обувь, та же походка, тѣ же манеры, тѣ же пріёмы разговора. Среди сотни китайцевъ, японцевъ, арабовъ и европеицѣвъ одного и того же соціального класса можно, пе сомнѣнію, и по отношенію къ психикѣ, и къ внѣшнему виду встрѣтить большія индивидуальные различія, чѣмъ у японцевъ. Жилища и домашняя обстановка, утварь и прочія привадлежности быта представляютъ то же самое“. Разумѣется, есть различія, стоящія въ связи съ общественнымъ положеніемъ, степенью достатка, образованіемъ, наконецъ, съ антропологическими, расовыми и индивидуальными особенностями, но посѣдѣнія, по Тень-Кате, менѣе выражены у японцевъ, чѣмъ у какого-либо другого народа. Необходимо, впрочемъ, оговорить, что другіе наблюдатели не раздѣляютъ такого взгляда, и, напримѣръ, д-ръ Бэльц замѣчаетъ, что различіе физіономій у японцевъ не менѣе, чѣмъ у европеицѣвъ, да и различіе въ костюмѣ, особенно въ настоящее время, когда начинаютъ распространяться и европейскія моды, не только не уступаетъ, но даже превосходить встрѣчаемое въ Европѣ. Извѣстная доля правды, однако, въ утвержденіи Тень-Кате, повидимому, есть; областные и мѣстные различія выражены въ Японіи во вскомъ случаѣ слаѣѣ, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ.

Для характеристики народа важны въ особенности его психическихъ качествъ. Прежде всего важно указать тѣ характеристики черты японцевъ, которые обратили на себя вниманіе уже первыхъ европеицѣвъ, вступившихъ съ ними въ сношеніе. Древнѣйшая извѣстія объ Японіи, основанная не на слухахъ только, добытыхъ не изъ вторыхъ рукъ, а изъ личнаго знакомства съ народомъ, отно-

сятся къ XVI вѣку. Первыми европейцами, попавшими въ Японію, были португальские матросы Мевдецъ Пинто съ товарищами. Японцы, получивъ отъ нихъ ружье, черезъ полгода сами сдѣлали 600 такихъ ружей. Вѣдь съ подражательностью развиваются заимствованія ихъ у разныхъ народовъ вплоть до нашего времени. Въ 1870-хъ годахъ подражательность достигла апогея, но потомъ появилась реакція.

Вообще подражательность японцевъ и усвоеніе ими иностранного сдерживались факторами, проходящими черезъ всю исторію развитія японской культуры. Однимъ изъ факторовъ была живучесть исконныхъ патриарчальныхъ началъ, которыхъ, хотя и ватушевывались временами вліяніемъ иной культуры, но не подавлялись имъ и вызывали рано или поздно реакцію. Другимъ факторомъ былъ складъ японской психики, ума и чувствъ, что будеть пояснено въ дальнѣйшемъ изложеніи. Реакція национальныхъ началъ сказалась, напр., въ томъ, что, несмотря на сильное вліяніе китайской культуры, японцы не усвоили себѣ китайского взгляда на военную службу, какъ на низшее занятіе, а, напротивъ того, признавали ее благородѣйшимъ дѣломъ, и военное сословіе — самураи — играло въ японскомъ обществѣ всегда выдающуюся роль. Соціальный строй Японіи не былъ передѣланъ по китайскому образцу, а выработалъ собственные системы: феодализма съ его владѣтельными князьями (дайміо) и сюгупата — съ фактическимъ управлениемъ сюгугна при номинальномъ верховномъ владычествѣ священнаго императора, сына Неба, мікадо. Своеобразные рыцаріи правы, знаменитое характери или сеппуку (самоубийство разрывомъ живота), — все это было самобытнымъ японскимъ. Сильное развитие национальной гордости и патріотизма составило также характерную черту японцевъ, рѣзко отличающую ихъ отъ китайцевъ. Это национальное чувство вызывало сильное противодѣйствіе вский разъ, когда усиленіе иностранного вліянія угрожало национальнымъ основамъ. Реакція послѣдовала и въ новѣйшее время, съ 80-хъ годовъ. Она выразилась въ томъ, что съ 1880 года во всѣхъ начальническихъ и среднихъ школахъ было снова введено преподаваніе морали Конфуція, признанной устарѣвшіе тринацдцать лѣтъ тому назадъ. Европейское запаніе продолжало усвоиваться, но па европейцевъ стали смотрѣть какъ на соперниковъ, которыми можно пользоваться, но которые сами по себѣ не заслуживаютъ уваженія, тѣмъ болѣе что японцы въ состояніи усвоить всѣ ихъ знанія и даже достигать еще большихъ успѣховъ.

Началось сильное движение націоналистическое. Основалась большая партия, — Ниппонъ-шуги-то («японская партія») съ участіемъ въ ней многихъ выдающихся общественныхъ деятелей — въ цѣляхъ поддержанія началъ націонализма противъ европеизма. Торговая палата въ Токіо высказалась противъ введенія европейскаго торгового законодательства, японскій парламентъ ваявилъ себя противъ метрической системы, яко бы несовмѣстимой съ честью націи. Учителя въ народныхъ и среднихъ школахъ, по свидѣтельству бывшаго президента совета министровъ графа Окумы, являются поборниками самого яраго шовинизма; неудивительно поэтому, что школьніи гордятся тѣмъ, если имъ удастся гдѣ-нибудь на улицѣ навести оскорблѣніе иностранцу. Токійскій университетъ, по словамъ Вѣлерса, сталъ въ послѣдніе годы школой крайнаго націонализма, на что указывалъ въ одной изъ своихъ рѣчей даже маркизъ Ито. «Эта реакціонная тенденція, — замѣчаѣтъ онъ, — направлена противъ иностранныхъ, особенно наѣхѣвъ въ настоящѣе время, когда нація готовится вступить на путь распространенія своей дѣятельности въ сосѣдніхъ странахъ». «Для меня глубоко прискорбно, — говорилъ тотъ же Ито въ концѣ 1899 года, — видѣть въ Токіо, па улицахъ, дамъ-иностраницъ, подвергающіихъ грубымъ точкамъ на тротуарахъ со стороны невоспитанныхъ молодыхъ людей (студентовъ), которые считаютъ, повидимому, дѣломъ чести такое непристойное поведеніе относительно иностранцевъ». Но голоса благоразумныхъ людей не въ состояніи остановить стихійного проявленія яраго шовинизма, воспитанаго вѣками. Еще въ XIV вѣкѣ одинъ изъ японскихъ государственныхъ людей и ученыхъ, Цикафуса, воскликнулъ: «Великая Ямато — божественная страна! Только одной

нашей странѣ положено было основаніе божественнымъ предкомъ. Единствен-
ная она была передана богиней солнца длинному ряду ея потомковъ. Ничего
подобнаго нѣть въ чужеземныхъ странахъ". Тѣ же идеи повторяются и въ
настоящее время во всѣхъ японскихъ школахъ. Императорскій распорядитель 13-го октября 1890 г., установившій принципы морального обученія, заклю-
чаетъ въ себѣ такое указаніе: "Наши предки положили прочныя основы госу-
дарству, въ которомъ были глубоко вкоренены добродѣтели, и наши подданные
единодушною своей лояльностью и сыновнею преданностью развили ихъ изъ
совершенствъ въ теченіе вѣковъ. Такова сущность національной политики, и
таковъ истинный принципъ вашей системы образованія" (въ дѣйствительности
же Микадо былъ, какъ известно, еще въ древнія времена игрушкой въ рукахъ
соперничавшихъ знатныхъ фамилій, а впослѣдствіи игралъ роль своего рода
далай-ламы, тогда какъ фактическая власть принадлежала сюгуну). "Наша
священная книга,—говорится въ начальныхъ японскихъ учебникахъ морали,—
есть наша история, святая и совершенная, образецъ нравственности для всѣхъ
временъ". "Слово нашихъ императоровъ, основанное на указаніяхъ, оставлен-
ныхъ императорскими предками, той же природы, чѣмъ небо и земля. Составленія
законъ для всѣхъ поднебесныхъ и великое правило для всѣхъ вѣковъ, оно
не подлежитъ обсужденію, какъ догматы, установленные людьми" (новидимому,
намекъ на христіянство; известно, что въ течевіе ряда вѣковъ "слово" мікадо
ничего не вважало, не могло даже раздаваться, и все подчинялось власти сю-
гуновъ). "Нашъ великий Ниппонъ, управляемый мудрымъ императоромъ,
стоить выше всѣхъ странъ міра. Въ чужеземныхъ странахъ являлись про-
рока, чтобы проповѣдовывать людямъ нравственность, но люди оставались
жестокими, подобными дикимъ звѣримъ. Въ Японіи не было пророковъ; народъ
въ ней добръ по природѣ, ибо наша почва и нашъ климатъ предрасполагаютъ
людей къ добротѣ" (!). "Японецъ руководствуется любовью къ добродѣти,
тогда какъ пізкій европеецъ ищетъ только физического и чувственного удо-
вольствія". Въ средней школѣ проходится исторія Японіи, въ которой доказы-
вается, что происхожденіе Японской имперіи совершенно отличное отъ другихъ
государствъ. "Оно не обязано завоеванію; изъ всѣхъ странъ одна Японія не
исытала позорной победы чужеземцевъ... Съ того времени, какъ великая
богиня солнца Аматерасу послала съ неба на землю своего сына Ниниги-но-
Микото, одинъ непрерывный рядъ императоровъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поко-
льня въ покольня управлялъ вашею страной... Наша имперія представляетъ
изъ себя какъ бы великую семью, развивающуюся въ націю... Отношеніе между
императоромъ и его подданными есть въ одно и то же время отношеніе отца
къ дѣтямъ и господина къ слугамъ. Императорская фамилія есть семья пред-
ковъ нашей націи, и есть семьи народа составляютъ только ея развитіе".
Профессоръ токійскаго университета Инуїе, ярый націоналистъ, развивалъ
ту же идею въ публичной лекціи, прочитанной имъ передъ громаднымъ числомъ
слушателей 5-го ноября 1898 г. "Во всѣхъ другихъ странахъ,—говорилъ про-
фессоръ,—государь происходитъ изъ народа, въ Японіи же народа имѣть
чести происходитъ отъ императора, а императоръ является потомкомъ боговъ.
Другія страны хотя и знаютъ сыновнее почтеніе и патріотизмъ, но это — не
то почтеніе и не тотъ патріотизмъ, что мы видимъ въ Японіи!"...

Извѣстные японские писатели Ноте и Нитобе тоже доказываютъ, что любовь
къ родинѣ, лояльность и вообще рыцарская доблѣсть должны счѣтаться исклю-
чительно японскими качествами. "Японецъ,—замѣчаетъ Тень-Кате,—за
послѣднія двадцать лѣтъ (особенно послѣ успешной для нихъ китайской войны)
обуяла манія величія, они считаютъ себя самыми интеллигентными, самыми
храбрыми и самыми могущественными народами въ міре, забывая, что всю
свою культурой они обязаны либо китайцамъ, либо европейцамъ".

Японская интеллигенція стала доказывать, что Японія, какъ передовое
государство Азіи, способна открыть новый періодъ развитія для азіатскаго
Востока и что ея нація обладаетъ такими духовными силами, съ помощью

которыхъ она можетъ обогнать въ цивилизациі передовыя націи Запада и даже начать новую эру въ исторіи человѣчества...

Въ одной „руководящей“ статьѣ журнала *The Far East* (англійское изданіе японскаго журнала *Kokutin-no-Toto*) за 1897 г. были высказаны таіі мысли: „Цивилизациі, возникшая на берегахъ Нила и Евфрат и развивающаяся на берегахъ Средиземного моря и Атлантическаго океана, нынѣ распространяется на страны, окружающія Тихій океанъ. Такъ называемая западная цивилизациі встрѣтила здесь другую расу и другую культуру, совершенно особенныхъ по ихъ природѣ и происхожденію... Развѣ есть другая раса въ свѣтѣ, столь промышленная и столь выносливая, какъ китайцы? Столь прогрессивная и столь сильная духомъ, какъ японцы? Китайцы встречаются теперь во всѣхъ портахъ Тихаго океана и вездѣ составляютъ важный элементъ пришлага населенія. „Для нихъ жизнь значитъ торговля и дѣятельность; они не могутъ днѣ оставаться безъ дѣла. Они въ состояніи жить при самой скучной пищѣ, совершенно недостаточной для всякой другой национальности. Они въ состояніи работать за самое низкое вознагражденіе,—столь малое, что никакой другой народъ не можетъ съ ними въ этомъ конкурировать. Исключительные законы американцевъ противъ азиатовъ наглядно доказываютъ, какъ боятся западныя націи китайскаго труда. Мы, японцы, не можемъ жить такъ бѣдно, какъ наши сосѣди, не можемъ и работать такъ упорно, какъ они, но мы обладаемъ стремлениемъ искать лучшаго. Если мы находимъ что-либо передовое или лучшее, чѣмъ у насъ, мы не колеблемся откинуть свое и усвоить чужое. Въ Европѣ намъ завидуютъ. Анти-японское настроеніе начинаетъ проявляться съ разныхъ сторонъ и по разнымъ поводамъ. Но несомнѣнно, что міръ не предназначенъ быть ареной исключительно бѣдныхъ авторовъ. Создатель,—если онъ былъ,—не сотворилъ другія расы только для того, чтобы быть вѣчными слугами или рабами бѣдныхъ. Важнейшая миссія для сыновъ страны Восходящаго Солнца—доказать, что міръ созданъ для всѣхъ, а не для ограниченаго числа расъ и націй.“

Проф. Укита въ статьѣ „Объ изученіи исторіи съ восточной точки зреянія“ (въ томъ же журнале), указавъ на односторонность взглядовъ европейскихъ историковъ, по которымъ только арійскіе народы могутъ считаться историческими и исторія человѣчества есть въ сущности исторія бѣлої расы, развиваетъ мысль, что предметъ исторіи есть все человѣчество, что путь такого варварскаго народа, исторія котораго не могла бы интересовать ученаго историка, что противоположеніе Запада Востоку, христіанства—язычеству, цивилизациі—варварству теологично и ненаучно, что терминъ „раса“ не въ состояніи ничего объяснить въ исторіи. „Если взяты первые двинули впередъ цивилизациі и передали ее Европѣ, этимъ они не были обязаны превосходству своей расы. Точно также, если европейцы высоко развиты заимствованную ими съ Востока цивилизациі, то это не было следствіемъ божественного предопределеннаго ихъ расы. Все это произошло подъ влияніемъ обстоятельствъ и благопріятныхъ естественныхъ условій. Если новѣйшая Европа не въ силахъ создать общеевропейскаго союза, надѣя пею будущемъ произнесенъ тотъ же приговоръ исторіи, какъ и надѣ Греціей,—она потерпить крупное фiasco въ великой миссіи, порученной ей Провиденіемъ...“

„Какъ солнце восходитъ на востокѣ и заходитъ на западѣ, такъ и свѣтъ цивилизациі нынѣ возвращается въ области его зарожденія. Западъ, унаследовавший его отъ Востока три тысячи лѣтъ тому назадъ и снова въ средніе вѣка, нынѣ уплачиваетъ Востоку свой долгъ съ крупными процентами. Взять тридцать открытій, сдѣланыхъ въ Китаѣ,—компаса, пороха и книгопечатанія,—Западъ посыпаетъ теперь пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы. За индійскій алфавітъ, индійскія цифры, арабскую науку, мануфактуру шелка и бумаги и другіе начатки искусства и промышленности, полученные съ Востока, Европа уплачиваетъ теперь безцѣнными продуктами новѣйшихъ знаній и искусствъ. Мы убѣждены, что въ будущемъ Востокъ начнетъ снова реагировать на Западъ и тѣмъ подготовить новую эру культурнаго развитія, болѣе

полнаго, богатаго и благороднаго, чѣмъ какое когда-либо видѣло человѣчество... Новѣйшая исторія не есть конецъ, а скорѣе начало нового періода,— періода человѣчества, въ которомъ всѣ люди будуть признаваться членами одной расы и въ сравненіи съ которымъ вся древняя, средняя и новая исторія померкнетъ въ своемъ значеніи..."

Далѣе, слѣдяя девизу „Азія для азіатовъ“, японская интелигенція проповѣдуетъ борьбу съ европейскими колоніями въ Азіи.

Сопоставляя различныя характеристики японцевъ, сдѣланныя иностранцами, легко убѣдиться, что очень многое написано о нихъ оптимистически. Неблагоприятный, по интересный отзывъ о японцахъ даетъ д-ръ Тен-Кате. По его словамъ, у японцевъ слабо развита личная индивидуальность, сильно преобладаютъ стадные чувства; простонародье не способно къ усиленному вниманию, медленно въ ассоціаціи ідей. Они податливы къ внушению и гипнозу. Идеализмъ и философское умозрѣніе не соответствуютъ ихъ складу ума. Нѣть глубокихъ религіозныхъ концепцій. Они непрактичны („недѣловые правы“); простосердечие и правдивость у нихъ рѣдкость. Отзывъ Тен-Коте вызвалъ разнія въраженія со стороны д-ра Бельца. Онъ считаетъ изученіе народной психики дѣломъ труднымъ. Онъ различаетъ различные маны японского народа, по которымъ нельзя дать общей характеристики: есть тупые, безвластные, по многою примѣровъ и обратнаго характера. Ихъ хорошими качествами Бельцъ считаетъ храбрость, смѣсть, презрѣніе къ опасности, изъцерадостность, стремление къ прогрессу, отсутствіе скучности и жадности, веселый юморъ.

Приведенные два отзыва могутъ служить образчиками двухъ противорѣчивыхъ взглядовъ на японцевъ. Такое противорѣчіе не должно считаться удивительнымъ; если сопоставить характеристики различныхъ европейскихъ народностей,—французовъ, англичанъ, вѣнгровъ, русскихъ,—то можно найти среди нихъ не менѣе противорѣчивыхъ; одни наблюдатели подмѣчаютъ по преимуществу отрицательныя и несимпатичныя качества, другіе выставляютъ особенно на видъ положительныя и благородныя. Но отношеніе же къ японцамъ такое противорѣчіе объясняется еще тѣмъ, что въ народѣ этомъ много парадоксального до такой степени, что даже лучшіе знатоки его колеблются въ составлѣніи опредѣленного о немъ мнѣнія; съ другой стороны, это—народъ особой расы, т. е. особаго физическаго и психическаго типа,—народъ, который по исторіи развития своей многовѣковой культуры не имѣть ничего общаго съ европейскими народностями. Неудивительно поэтому, что пониманіе его духа должно представлять для европейца значительныя трудности.—203. Кауфманъ, А. Уголокъ бывшей дикой Башкирии. Изъ лѣтникъ впечатлѣй. Изображены неурядицы въ поземельномъ устройствѣ новыхъ поселенцевъ на башкирскихъ земляхъ.—210 Макс; А. Ф. Ратцель (неокрологъ).

С.-Петербургскія Вѣдомости 1904. 104. Прокаженные въ Архангельской губерніи. (Докладъ Орннатского изъ „Русс. Вѣдом.“).—108. Экспедиція въ Монголію. Русское Геогр. О-во намѣревалось вътомъ 1904 г. снарядить статистико-экономическую экспедицію, а также и дополнительную для естественно-историч. изслѣдований (съ В. В. Сапожниковымъ во главѣ дополнительной).—127. Наша печать. Свѣдѣнія о сектѣ юанистовъ (изъ статьи Шебуева въ „Руси“). Секта проповѣдуетъ близкую кончину миру, т. к. уже пришелъ прор. Иоаннъ (о. Иоаннъ Кронштадтскій). Секта распространяется въ Астраханской губ.—132. Въ Археологическомъ Обществѣ. Годичное засѣданіе 14-го мая. По порученію русскаго отдѣленія о-ва, въ отчетномъ году были произведены раскопки и изслѣдованія кургановъ, въ Демянскомъ и Крестецкомъ уз. Новгор. губ., близъ Стар. Ладоги и обследованы пѣхот. гардица въ древней Суздальской области. При о-вѣ возникло 4-е отдѣленіе—numismatическое. Награждены: 1) больш. золот. медалью В. В. Стасовъ за „Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ джагатайскихъ и персидскихъ“ и 2) серебр. медалью П. К. Симони за „Опытъ сборника свѣдѣній по техникѣ и исторіи книгопечатнаго художества на Руси“. Затѣмъ слѣдовала докладъ

Б. В. Формаковскою о раскопках близъ г. Николаева. На югъ гор. Ольвії обнаруженъ скелѣ II—III в. по Р. Х.—136. *Соколовский, Л., д-ръ*. Куцо-влахи въ Македонії. Долго эти интелигентные валахи считали себя греками; теперь же, проникнувшись национальнымъ самосознаниемъ, они доказываютъ, что многие герои греческой освободительной войны были валахами. Эта идея встречаетъ поддержку въ Румыніи.—137. *Соколовский, Л.* Правовое положеніе женщины въ Японіи (фельетон).—151. *Врадій, В. П.* Одна черта японского характера. (Японецъ будто бы „надменъ“, пока его не проучишь“, а потомъ дѣлается „подобострастно-честивымъ“). Авторъ основывается на личн. наблюденіяхъ.—152. *Его же*. Характер корейцевъ. Они нетребовательны къ жизни, лѣнивы, сочны, падки къ наркотикамъ, наивны, привязчивы, добры. Эта характеристика, какъ и предыдущая, основана на единичныхъ фактахъ, которые были известны автору.—155. *Яковлева-Ланская, Н.* Талашкино. Авторъ даетъ очеркъ этого культурного уголка (подъ Смоленскомъ), гдѣ подъ покровительствомъ кн. М. К. Тенищевой возрождается древне-русское искусство, коллекционируются русскія древности, изучается народный бытъ, который при этомъ поддерживается въ его разумныхъ и живущихъ элементахъ.—188. *П. Бичъ* икородцевъ Вост. Сибири (введенія винная монополія).—200. Описаніе Маньчжурии (Геология и флора въ изданіи Русс. Геогр. О-ва).—220. *Зализянский, М.* Фридрихъ Ратцель. 236. *Китаковъ, Н.* „Asien“. Organ der Deutsch-Asiatischen Gesellschaft und der Münchner Orientalischen Gesellschaft. Berlin. 1902—1904. Авторъ знакомитъ съ содержаниемъ этого журнала. За три года напечатано до 150 статей. Среди нихъ отмѣтимъ: Аракелянъ—„Бабизмъ въ Персіи“, Находъ—„Воспоминанія объ японской опѣвкѣ западной науки“ и западнаго письма 30 лѣтъ тому назадъ“, Сорре—„Нѣмецкія раскопки въ Азіи“, Варбургъ—„Еврейскія земледѣльческія колоніи“, Виртъ—„Эпохи азиатской истории“, Цеппелинъ—„Изъ Центральной Азіи“, Къ испытыванію средней Азіи“, „Экспедиція ш.-к. Козлова въ Тибетъ“, Цеммереръ—„Арmenia“, Вильчеръ—„Скены и персы“, Виртъ—„Раззятіе Кореи“, Крамеръ—„Отношенія Россіи къ Монголіи“, Гроотъ—„Къ литературѣ о Персіи“, Генингъ—„Записки русскаго посольства 1693—1694 г. г. при пекинскомъ дворѣ“, Клейстъ—„Населеніе Индокитая и французская колонизация“, Вегенеръ—„Тибетъ, Лхаса и пути къ немъ“.—247. *К-инъ, А.* Переселенцы въ Ферганской области.—253. *Н. Изъ Удинского округа* (русск.-сойотскіе осложненія).—254. *Рудневъ, Андрей*. Троицкосавско-Кяхтинское отдѣленіе Русскаго Географическаго Общества. (За 10 лѣтъ существования).—261. Сектанты въ Тавриде (изъ газ. „Садгиръ“). Даны общія свѣдѣнія о раскольникахъ (бѣлопоповщинахъ, австрійцахъ безпозиціонцахъ), штундистахъ, штундопантистахъ, молоканахъ, прыгунахъ (смѣсь молоканства, хлыстовщины и „жидовства“). Извѣстные прыгуны подерживаются общеніе съ прыгунами амурскими, отъ которыхъ они иногда получаютъ и духовныя писки.—266. *К. К. Случевский*. (Некрологъ † 25 сент.). (Изъ „Нов. Врем.“). Поэту принадлежать, между прочимъ, очерки 1886—1888 гг. подъ заглавіемъ „По сѣверу Россіи“ и „Балтійская сторона“.—306. Религіозное движение на Алтай. (Сообщеніе Д. А. Клеменца, 5 ноября 1904 г. въ Русс. Геогр. о-вѣ. Изъ лѣтней поездки). Среди алтайскихъ калмыковъ началось броженіе, вызвавшее подозрѣніе у русской администраціи. Оказывается, что калмыки Чета Чолпановъ, бѣднякъ, исходившій Алтай и Монголію, объявилъ войну шаманизму. Онъ проповѣдоваль молитву съ колѣнопреклоненіемъ и съ безкровными жертвами. 14-лѣтняя краснорѣчивая девочка помогала ему убѣждать калмыцкій народъ, что если онъ не послѣдуетъ за проповѣдникомъ, то наступятъ грозныя времена. Къ нему вазы стали возвѣтъ разные предметы шаманства. Къ Четѣ Чолпанову стекались поклонники на молитву. Начальство рѣшило прекратить эти сборища. Ихъ переловили и вмѣстѣ съ Чолпановымъ отправили въ Бійскъ. Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна. Свое сообщеніе г. Клеменцъ иллюстрировалъ фотографіями, костюмами и предметами религіознаго культа калмыковъ.—309. Наша печать. О преступности узниковъ и латышей (свѣдѣнія проф. В. Ф. Чижса и А. Клоссовскою).—

310. Р. И. Б., Китайцы-колонисты (Сингапурские типы). Изъ путевыхъ замѣтокъ Андре Зигерида.

Чтениа въ И. О. Ист. и Др. Росс. 1904. 1. А. А. Шахматовъ. О такъ называемой Ростовской лѣтописи.—Лѣтописный сводъ, носящий ошибочное название Ростовской лѣтописи известенъ только по списку XVIII вѣка. Моск. Главн. Архива Иностранныхъ Дѣлъ; время и мѣсто составленія этого свода неизвѣстны (ничего ростовскаго въ немъ нельзѧ замѣтить). Въ основу его положенъ московский лѣтописный сводъ, доведенный до —1479 года (значить, болѣе древній, чымъ всѣ до сихъ поръ обнародованные московскіе лѣтописные своды); его сводчикъ дополнилъ систематически по Новгородскому своду, составленному въ 1542—1548 гг. Къ изслѣдованию приложены тщательно изданный текстъ „Ростовскаго“ лѣтописца.—Н. Олобянинъ. Бытовые черты XVIII вѣка. (Выписки изъ дѣлъ Сибирскаго приказа). Наиболѣе любопытны: человѣчье татарь о разрѣшении продавать дѣтей по случаю голода, отзывы служилыхъ людей о картахъ (игральныхъ), вызовъ самовѣдскихъ шамановъ въ Москву, „видѣніе“ крестьянина (направленное противъ новшествъ Петра Великаго).—2—3. Е. Е. Голубинскій. Исторія русской церкви. Т. I. Періодъ первый Киевскій или домонгольскій. Вторая половина тома. Трудъ акад. Голубинскаго издается вторымъ изданіемъ (I-е изд.—1881 г.). Для этнографа особенно важна здѣсь VIII глава о вѣрѣ, нравственности и религиозности народа въ изучаемый періодъ.

Новости этнографической литературы.

Абрамовъ, И. „Царь-Максимилианъ“. (Святочна кумедія). Спб. 1904. 33 стр. (Ізвѣстія Отд. Р. Я. и Сл. Имп. Ак. Н., IX, 3).

Арепьевъ, Н. Ф. Первый областной археологический съездъ въ Россіи. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Астанъ, В. Г. Исторія японской литературы. Перев. съ англ. Владивостокъ. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Бенонъ, Алиса. Женщина въ Японіи. Перев. съ 10-го америк. изд. Спб. 1904. Ц. 1 р. 30 коп.

Бессароба, И. Матеріалы для этнографії Свадецкой губерніи. Спб. 1904.

Брокгаузъ-Ефронъ. Японія и ея обитатели. Корея и корейцы. Изд. ред. „Вѣстникъ и Библіот. самообразъ“. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Буличъ, Н. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Рассказы по архивнымъ документамъ. Часть I. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Бѣлоконій, И. П. Какъ живутъ японцы. Ростовъ на Дону. 1904.

Бѣлоконій, И. П. Корея. Ростовъ на Дону. 1904.

Василіенко, Н. П. О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи. Кіевъ 1904. 226 стр.

Вермишевъ, Х. А. Матеріалы для исторіи грузино-армянскихъ отношений. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Весновский, В. Путеводитель по Уралу. Ек-бургъ. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Виноградовъ, Н. О народномъ говорѣ Шувгенійской волости Костромского уѣзда. Ч. I. Фонетика. Спб. 1904. 80 II+100 стр. (Изъ „Ізвѣстій отд. Р. Яз.“ т. LXVII).

Гамильтонъ, А. Корея. Перев. съ англ. Спб. Изд. А. Суворина. 1904 г.

Гаринъ, Н. 1) По Корѣѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову. Карандашемъ съ натуры. Спб. 1904 стр. 384. Ц. 1 р.; 2) Корейскія сказки. Стр. 193. Ц. 60 к. Изд. т-ва „Знаніе“.

Гельмольть, Г. Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Составлена профессорами-специалистами. Т. II. Составленъ М. Брандтомъ, проф. д-ромъ К. Вейле, проф. Э. Шмидтомъ и д-ромъ Г. Шурцемъ. Пер. Б. Ф. Адлера и Л. Я. Штернберга подъ ред. акад. В. В. Радлова. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Вып. 1-й. Ц. 50 к.

Гениель, Германъ. Боги Японіи. Издание Сойкина. 1904. 52 стр.

Глаголевъ, С. Религія въ Японіи и Кореѣ. Харьковъ. 1904 Ц. 30 к.

Голубевъ, П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губ. Пермь. 1904. Стр. XX+156. Ц. 1 р.

Григорьевъ, А. Д. Архангельскія былины и историческая пѣсни, собранныя въ 1899—1901 гг., съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. I. Часть 1-я: Поморье. Часть 2-я: Пинега. Изд. Имп. Акад. Наукъ. М. 1904. 80. больш. LX+708 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Григорьевъ, В. Ю. Переимѣнны въ условіяхъ экономической жизни населенія Сибири (Енисейский край). Красноярскъ. 1904. Стр. 104.

Гуковский, Н. П. Городъ Ковна. Браткій историко-статистический очеркъ. Ковна. 1904 г. Стр. 120.

- Гумайонъ-Наим.** Басни и притчи Востока, -- въ переводе С. М. С.-Петербургъ. 1904 г. Издание редакции „Нового Журнала Иностранной Литературы“. Стр. 184. **Дальний Востокъ.** В. И. Саратовъ. 1904.
- Дорошенко, Д.** Указатель источниковъ для ознакомленія съ южной Русью. Спб. 1904. Стр. 57, Ц. 40 к.
- Дудоровъ, П.** Въ странѣ маропетокъ. Восп. обѣ Японіи. Спб. 1904.
- Записки Отдѣлениія русской и славянской археологии Императорскаго русского археологическаго общества. Т. V. Выпукъ 2-й. Подъ редакціей управляющаго отдѣлениемъ С. Ф. Платонова. 1904.—Т. VI. 1903.**
- Ивановский, А. А.** Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи 40. VI+287 стр. М. 1904. Ц. 3 р.
- Истоминъ, В. А.** Всеобщая исторія. Вып. I. Чтенія изъ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. М. 1904. 116+VIII стр. Ц. 50 к.
- Юллесъ, А.** Мѣсто человѣка во вселенной. Пер. съ англ. Л. Лакера. Изд. О. Поповой. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Катенинъ-Сѣтикова, А. П.** Собрание народныхъ разсказовъ. Спб. 1904 Ц. 75 к.
- Новалиенскій, М. Н.** Японія. Очерки японской культуры. М. 1904.
- Корелинъ, М. С., проф.** Иллюстрированные чтенія по культурной исторіи. Вып. IV. Ассирійскій народъ и его боги покровители. Изд. 2-е. М. 1904. Ц. 30 к.
- Кноррингъ, Ф.** Черезъ Америку и Японію. Спб. 1904.
- Крецимеръ, М.** Отличительные черты еврейской націи. Двинскъ. 1904. Ц. 15 к.
- Нрквощенко, Ив.** Материалы для изученія Пермскаго края. Географический очеркъ Пермской губерніи. II. 1904 г. 80. Стр. съ 33 по 70. („Сборникъ Перми. Земства“, 1904, № 2. Приложение къ составленной авторомъ картѣ Пермской губерніи).
- Крымскій, А.** Филологія и Погодинская гипотеза. Даётъ ли филологія ма- лѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхождении малоруссовъ? I—IV. (Изд. „Кiev. Стар.“). Киевъ. 1904. 80. XXXVI+113 стр.
- Лемке, Мих. Н. М.** Ядринцевъ, Биограф. очеркъ. Съ 8-ю иллюстр. и съ введениемъ И. И. Полопова. Изд. ред. газ. „Восточн. Обозр.“ Стр. XIV+219. Ц. 1 р. 50 к.
- Лисенко, С. И.** Очерки домашнихъ промысловъ и ремесль Полтавской губ. Вып. III. Полт. 1904.
- Лобода, А. М.** Русскія быдины о сватовствѣ. Киевъ 1904. Стр. П+293.
- Лонгиновъ, А. В.** Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ Х. в. Историко-юридическое изслѣдовавіе. Одесса. 1904. Стр. 161.
- Лоузель, П.** Душа Дальн资料го Востока. Пер. съ англ. Спб. 1904.
- Мечниковъ, И. И.** Этюды о природѣ человѣка. Изд. ред. журн. Научное Слово. Стр. 218. Ц. 2 р. 50 к.
- Михайловъ, А. В.** Къ вопросу о литературномъ наследіи свв. Кирилла и Мефодія въ глаголическихъ хорватскихъ миссалахъ и бревиаріяхъ. Варшава. 1904. Стр. 145.
- Модестовъ, В. И. (проф.).** Введение въ римскую исторію. Вопросъ до-исторической этнографии и культурныхъ взаимій въ доримскую эпоху въ Италии и начало Рима. Часть II. Эtrusки и Мессаты. Спб. 1904. Ц. 3 р.
- Носиловъ, Н. Д.** У вогуловъ. Очерки и наброски. Съ 41-мъ рис. въ текстѣ въ Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904, 255 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- Ончуковъ, Н.** Печорскія быдины. Зап. геогр. Общ. по отд. вѣнггр. Спб. Стр. XLV+424.
- Остроумовъ, И. Г.** Вогулы-манси. Историко-этнографический очеркъ. Съ приложениемъ: 1) словаря вогульскихъ словъ и 2) списка русской литературы о вогулахъ. Пермь. 1904. 80. 50 стр.
- Пермскій.** Научно-Промышленный Музей. Выпукъ I. Материалы для изученія Пермскаго края II. 80. II+247 стр. Ц. 1 р.
- Пилипенко, Г. М.** На Дальній Востокъ. Спб. 1904.
- Погодинъ, А. Л. проф.** Боги и герои Элады. съ 15 рис. Ц. 1 р.

Приваловъ, Н. И. Гудокъ, древне-русскій народный музыкальный инструментъ, въ связи съ смычковыми инструментами другихъ странъ („Зап. Отд. русс. и слав. арх. И. Р. Арх. О. т. V“). Спб. 1904.

Пругавинъ, А. С. Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка. Очерки изъ новѣйшей истории раскола. Изд. Сытина. М. 1904. 8⁰. 280 стр. Ц. р.

Ратцель, Ф. Земля и жизнь. Перев. Г. Клузе, подъ ред. проф. Протова. Съ рис., табл. и картами въ краскахъ. Т. I, вып. 1—7. Изд. т-ва „Просвещеніе“. Спб. 1904. Ц. по 50 к. вып.

Реклю, Э. и О. Срединная имперія. Перев. съ франц. О. Кошаговской. Изд. Гершунина и К°. Спб. 1904. Ц. 90 к.

Руниль, С. Въ Манчжурии. Спб. 1904.

Саратъ Чандра Дасъ. Путешествіе въ Тибетъ. Перев. съ англ. под. ред. В. Котовича. Спб. 1904. Ц. 4 р. (Книга этого ученаго иудуса интересна для знакомства съ населеніемъ, бытомъ, культомъ и т. д.).

Соколовская, Тира. Микенская керамика. Форма и орнаментъ сосудовъ микенского типа. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Стетсонъ, Шарлотта. Экономическое рабство женщины (Women und economy). Исследование экономических взаимоотношений мужчинъ и женщинъ, какъ фактора въ социальной эволюціи. Перев. съ англ. М. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 23-й. Саратовъ. 1903. Ц. 3 р.

Уваровъ П. С. Типы и правы Сахалина. М. Изд. Д. И. Ефимова. Стр. 344. Ц. 1 р. 25 к.

Явдакъ, Л. Исторія угорской Руси. Съ двумя картами. Варшава. 1904.

Яцимирский, А. И. Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной деятельности. Издание Императорской академіи наукъ, съ 14-ю снимками. С.-Петербургъ. 1904. Стр. 501.

Abbott, G. F. Macedonian Folklore. London, Cambridge. 1903.
Baring-Gould, S. A. Book of North-Wales. London, Methuen, 1903.
Belval, Châlán de. Au Tonkin. 1884—85. 1904. 8.

Bernard, F. A travers Sumatra de Batavia à Atjeh. 1904. 12.
Bishop, Isabella. Among the Tibetans. With illustrations.

Бобчевъ. Старобългарски правни паметници (помогало при изучване историите на старобългарското право). Ч. I. София 1903. VII+176 стр. Ц. 2. 50 лева.

Bonvalot, G. L'Asie inconnue. A travers le Thibet et la Chine. 1904. 8.

Brinton, D. G. The basis of social relations. A study in ethnic Psychology. Lond. a. N. I. Putnam 1902.

Burgt, F. M. van der. Dictionnaire Français—Kirundi. Bois le Duc. (Hollande) 1904. Много втногр. данныхъ и рисунковъ, относящихъ къ быту варуидовъ.

Caland, W. Over de „Wenchoffers“. Bijdrage tot de Kennis van den Veda. Vol. I. Amsterdam, 1902. 8.

Chamberlain, A. F. Primitive Woman as Poet. отт. изъ Journ. of American. folk-lore. 19. 3. X—XII.

Chamberlain, A. F. The Contribution of the American Indians to Civilization. отт. изъ Proceed. of the American Antiquarian Society. 1903., X.

Chavannes, Ed. Dokuments sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux. СПБ. 1903. 378 стр. Ц. 3 р. (Изд. Ак. Наукъ).

Cvijic, J. Niederlassungen im serbischen Lande. Leipzig, 1903.

Dietrich, A. Eine Mithras Liturgie. Leipzig. 8.

Dorsey, G. A. The Arapaho Son Dance. Chicago, 1903.

Droeber, W. Kartographie bei den Naturvölkern, Erlangen, 1903. брош.

Durham, Mory, E. Through the Lands of the Serb.

Dussaud, R. Notes de mythologie Syrienne. Paris, 1903. 8. брош.

- Dvorak, R. Chinas Religionen. Münster Aschendorff. 1903. 8. Darstell. aus d. Gebiete d. nichtchristlichen Religionen. XV.
- Elsler, R. Soziologie. Die Lehre von der Entstehung u. Entwicklung d. menschlichen Gesellschaft. Leipzig. Weber, 1903.
- Engström, Th. Öland, dess historia, land och folk. Kalmar. 1903. (о. Эландъ).
- Glibeaus, A. S'. H. Africa from South to North. (Особенно хорошо описана область Занбезе).
- *Гнатюк, Володимир. (зібран.) Знадоби до галицько-руської демонології („Етн. Збірник“, Наук. Тов. Ім. Шевч., т. XV) Льв. 1904. 8° 2+272 стр.
- Gravier, Gabriel. Madagascar, les Malgaches, origines de la colonisation française, la conquête.
- Gunkel, H. Israel u. Babylonien. Der Einfluss Babyloniens auf d. israelitische Religion. Göttingen, 1903. 8. брош.
- Günther, S. Ziele, Richtungen u. Methoden d. modernen Völkerkunde. Stuttgart, Enke, 1904.
- Halbfass, W. Eine Wanderung durch die deutschen Sprachinseln in Piemont. Neuhausenlesben. 1903.
- Hamilton, A. Korea, das Land des Morgenröthe. Leipzig, Spamer, 1904. перев. съ англ.
- Hertz, F. Moderne Rassentheorien. Wien, Stern, 1904.
- Hogarth, D. G. The Penetration of Arabia.
- Jegerlehner, J. Das Val d'Anniviers (Eivischtal) Führer durch Landschaft, Geschichte, Volk u. Sage eines Walliser Hochtales. Bern. 1904.
- La Nézière, J de. L'Extrême Orient en images. Corée, Mandchourie, Japon. Album—4. 1904.
- Lefèvre, A. Germains et Slaves. Paris. 1903.
- Лесевич, Володимир (зібран.), Оповідання Р. Ф. Чміхала. (Етнографічний збірник. Вид. Етн. Комісії Наук. Тов. Ім. Шевченка, т. XIV). Льв. 1904 8°. IV+340 стр.
- Louis de la Vallée Ponssin. Mulamadhyamakakarikas (Madhyamikasutras) de Nagarjuna avec la Prasannapada Commentaire de Candrakirti. СПБ. 1903. 112 стр. II. 1 р. (Bibliotheca Buddhica IV).
- Lumholtz, C. Unknown Mexico. London, 1903. 8. 2. v.
- Lynch, G. Corée, Chine et Mandchourie. Les convois russes et japonais. Tr. de l'anglais. 1904. 12.
- Marchi, A. de. Il Culto privato di Roma Antica. II. Milan, 1903. 4.
- Martonne, E. de. Recherches sur la distribution de la population en Valachie. Paris, Colin, 1903.
- Mazzarella, G. Studi di Etnologia giuridica. v. I, 2. Catania.
- Meyer, Christian. Die Ehre im Lichte vergangener Zeit. München. 1904.
- Moret, A. Le rituel du culte divin journalier en Egypte. Paris. 1902. 8.
- Negelein, J. v. Das Pferd im arischen Alterthum. Königsberg, 1903.
- Pinet, E. Le culte de St. Geneviève à travers les siècles. Paris, 1903. 8.
- Pfungst, Arthur. Aus der indischen Kulturwelt. (Очерки по инд. философии, религии, хастовому устройству, фольклору, легендамъ и т. д.).
- Reich, H. Der Mimus. Ein literar.-entwickelungsgeschichtlicher Versuch. B. I. Berlin, 1903.
- Report of the Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits.
- V. Sociology, Magic a. Religion of the Western Islanders. Cambridge, 1904.
- Reuschel, K. Volkskundliche Streifzüge. Leipzig. 1903. 8.
- Ribbe, Karl. Zwei Jahre unter den Kannibalen der Solomo-Inseln.
- Richter, P. Bilder aus Ost-asien. I Japan, II Mandschurei u. Korea. III. Kianutschou. Gütersloh, Bertelsmann. 1904.
- Rijks, Ethnographisch Museum te Leiden. Verslag van den Directeur's Gravenhage, 1904.
- Robertson, J. M. Pagan Christs. Studies in comparative hierology. London, Watts, 1903, 8.

- Rouse, W. H. Greek Votive Offerings. Cambridge. 8.
- Sandbery, Graham. The Exploration of Tibet.
- Schinz, H. Schweizerische Africareisende u. d. Antheil d. Schweiz an d. Erschliessung u. Erforschung Afrikas überhaupt. брош. 1904.
- Schirmeisen, K. Die Entstehung d. germanischen Göttergestalten. Brünn, Winiker, 1904.
- Sergi, G. Gli Arii in Europa e in Asia. Torino, Bocca, 1903.
- Speyer, J. S. Avadanaçataka a century of edifying tales, belonging to the hinayana. II. 1903. II. 1 p. (Bibliotheka Buddhica).
- Stevens, Willaw. The Slave in history, his sorrows and his Emancipation.
- Stratz, C. H. Was sind Juden? Eine ethnographisch-anthropologische Studie. Wien. Leipzig, 1903. брошюра.
- Wilser, L. Die Germanen. Beiträge z. Völkerkunde. Eisenach n. Leipzig. 1904.
- Wyon, Reginald. The Balkans from Within.
-

Х Р О Н И К А.

**Отчетъ о дѣятельности Этнографического Отдѣла И. О. Л. Е.,
А. и Э. и состоящей при немъ Музыкально-Этнографической Комиссии
за 1903—1904 годъ.**

Бюро Этнографического Отдѣла, согласно выборамъ 23 ноября 1903 года, составляли: Предсѣдатель — поч. чл. *В. Ф. Миллеръ*, Товарищъ Предсѣдателя — членъ *Н. А. Янчукъ*, Секретарь — членъ *В. В. Бодановъ*, Библиотекарь — действ. чл. *А. А. Борзовъ*, Помощникъ библиотекаря — действ. чл. *Е. Н. Елеонская*.

Этнографический Отдѣлъ въ отчетномъ году имѣлъ 14 засѣданій, изъ нихъ 3 публичныхъ, соединенныхъ съ музыкальной комиссией, и 11 закрытыхъ. На этихъ засѣданіяхъ сдѣлано было 23 сообщенія:

I. *В. Ф. Миллеръ*: 1) Историческая пѣсни изъ Сибири. 2) Неизданная историческая пѣсни объ Иванѣ Грозномъ.

II. *Н. А. Янчукъ*: Вл. Ф. Одоевский и его отношеніе къ русской музикѣ — церковной и народной. (Съ демонстраціями па экранѣ).

III. *Д. И. Аракчи-огъ*: Сравнительный обзоръ грузино-имеретинской музикѣ. (Гурійская вѣтвь). (Съ демонстраціями фотографій на экранѣ и иллюстраціями мелодій solo, хоромъ и фонографомъ).

IV. *Н. Л. Бродскій*: Слѣды профессиоナルныхъ сказочниковъ въ русскихъ сказкахъ.

V. *А. М. Завадскій*: Народцы Андійскаго Койсу. (Доложилъ *В. Ф. Миллеръ*).

VI. *И. Н. Глушковъ*: Украшенія у туркменскихъ женщинъ.

VII. *В. Копыловъ*: Очеркъ быта и религіи сѣверобайкальскихъ бурятъ. (Доложилъ *А. И. Максимовъ*).

VIII. *С. К. Кузнеццовъ*: 1) Болѣзнь и смерть черемиса. 2) Поминки умершаго въ 7-й и 40-й день. 3) Поминки у черемисъ на Страстной недѣльѣ и въ Троицу. 4) Загробныя вѣрованія черемисъ. 5) Общинные порядки у вогтяковъ.

IX. *Е. Э. Линева*: 1) Задачи музыкантовъ-этнографовъ. (Съ демонстраціями мотивовъ solo, хоромъ и фонографомъ). 2) Малоруссія народныя пѣсни и ихъ собиратели. По поводу лѣтней поѣздки въ Малоруссію. (Съ музикой, иллюстраціями).

X. *А. В. Марковъ*: 1) Кѣ былины о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ. 2) По сѣверу Россіи. Впечатлѣнія изъ этнографическихъ экспедицій. (Съ

илюстраціями фотографій на экранѣ и мелодій solo, хоромъ, фонографомъ).

XI. *B. V. Рудинъ*: Народная свадьба, наговоры и пѣсни въ Кинешемскомъ и Костромскомъ уѣздахъ.

XII. *B. И. Рязановъ*: Къ вопросу о новѣйшихъ наслоеніяхъ въ русской народной пѣснѣ. (Доложилъ Н. А. Янчука).

XIII. *H. H. Соколовъ*: Изъ лѣтніхъ діалектологическихъ изысканій.

XIV. *C. K. Шамбина*: Къ литературной истории старинъ о Волгѣ.

XV. *A. K. Шемшединовъ*: Изъ кумыцкихъ сказаний.

XVI. *A. C. Якубъ*: Къ былинѣ о Суханѣ.

Отдѣль продолжалъ выпускать свое періодическое изданіе «Этнографическое обозрѣніе» подъ редакціей Вс. Ф. Миллера и Н. А. Янчука. Съ 1904 года журналъ вступилъ въ 16-й годъ изданія.

Музикально-Этнографическая Комиссія, состоящая при Отдѣлѣ, имѣла въ отчетномъ году слѣдующее бюро: Предсѣдатель Комиссіи *H. A. Янчукъ*, Товарищъ Предсѣдателя *A. T. Гречаниновъ*, Секретарь *E. Э. Линева*, казначай *A. B. Марковъ*, библиотекарь *B. B. Пасхалиевъ*.

Комиссія имѣла 10 засѣданій, въ томъ числѣ 7 закрытыхъ и 3 публичныхъ (соединенныхъ съ засѣданіями Отдѣла). Одно изъ публичныхъ засѣданій было посвящено памяти кн. В. Ф. Одоевского по случаю столѣтія со дня его рождения.

Сдѣлано было 13 сообщеній; изъ нихъ пять названы выше: Д. И. Аракчиева, А. В. Маркова (второе), Е. Э. Линевой (оба) и Н. А. Янчука. Остальная—на слѣдующія темы:

1. *D. И. Аракчиевъ*: О духовномъ пѣніи грузинъ (предварительный отчетъ).

2. *E. Э. Линева*: Опытъ фонографическихъ записей въ Полтавской губерніи.

3. *A. И. Листопадовъ*: Народная пѣсня на Дону.

4. *A. Л. Масловъ*: а) О духовныхъ стихахъ и каликахъ. б) О задачахъ музыкальной этнографіи. в) О фотофонографѣ.

5. *B. B. Пасхалиевъ*: а) Князь Одоевский о собраниі русскихъ пѣсень Прача, б) О гармонизації одной русской пѣсни у Ю. Арнольда.

25-го февраля 1904 года отъ имени Комиссіи въ пользу фонда на ея изданія почетнымъ членомъ Общества, академикомъ Ф. Е. Коршемъ, была прочитана платная публичная лекція на тему: «Русская народная пѣсня и ея значеніе для науки». (Лекція сопровождалась демонстраціями народныхъ мелодій.)

Комиссіей въ послѣднее время обращено было особенное вниманіе на духовные стихи, менѣе всего изучавшіеся съ музыкальной стороны. Кроме фонографическихъ записей, сдѣланныхъ членами Комиссіи во время лѣтнихъ экскурсій, записи производились также въ закрытыхъ засѣданіяхъ Комиссіи отъ хорошихъ исполнителей при помощи графофона. Получена фонографическая коллекція изъ 70 фонограммъ отъ А. М. Завадского съ Кавказа.

Въ текущемъ году Высочайше дарованы средства въ суммѣ 2000 р., отпущенные изъ Государственного Казначейства въ единовременное пособие Муз.-Этнографической Комиссіи на издание «Трудовъ». Комиссія считаетъ обезпеченный выходъ въ свѣтъ двухъ томовъ «Трудовъ». 1-й томъ уже печатается, 2-й подготавляется. Кроме того, законченъ печатаніемъ «Школьный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень» въ качествѣ пособія при обученіи пѣвию въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; пособіе это разсчитано также на то, чтобы содѣйствовать сохраненію въ народѣ лучшихъ народныхъ старинныхъ пѣсень и любви къ нимъ въ образовашемъ обществѣ.

На средства члена Комиссіи П. Д. Самарина готовятся къ изданію некоторые изъ трудовъ покойшаго члена О-ва Ю. П. Мельгунова, а именно: 1. «Учебникъ ритмики», составленный имъ и издаваемый подъ ред. ак. Ф. Е. Корша, 2) «Общая теорія ритмики Руд. Вестфала въ переводе Ю. П. Мельгунова и съ его добавлениями».

Музыкально-Этнографическая Комиссія ходатайствовала паредь отдѣломъ о представлениі къ награжденію золотой медалью *Е. Э. Линевой* за ея выдающіеся труды въ области русской музыкальной этнографіи и серебряную медалью *А. М. Листопадова* за изслѣдованіе донскихъ пѣсень. Означенныя награды были присуждены Обществомъ въ засѣданіи 11-го октября. Комиссіей была представлена въ Отдѣлъ слѣдующая мотивировка по поводу этихъ наградъ:

Въ послѣдніе годы одной изъ важнейшихъ задачъ Этнографического Отдѣла было изслѣдованіе русской пѣсни и народной музыки. Для этой цѣли Отдѣломъ учреждена и специальная Музыкально-Этнографическая Комиссія. Несомнѣнно, что это явленіе стоить въ связи съ общимъ оживленіемъ въ наукѣ интереса къ народному творчеству не только въ области словесности, но и вообще художественныхъ проявленій народного духа. Этотъ интересъ къ народному творчеству въ настоящее время вступилъ въ иная фазы, чѣмъ прежде: на мѣсто простого любопытства, курьеза или сентиментальной идеализаціи выступаютъ на первый планъ требования точнаго знанія. Научная оцѣнка того, что было сдѣлано раньше разными собирателями и изслѣдователями, привела къ прискорбному выводу о недостаточности достовѣрныхъ данныхъ, собранныхъ съ знашемъ дѣла, а въ связи съ этимъ явилось неизбѣжнымъ недовѣріе и къ тѣмъ выводамъ и обобщеніямъ, какіе дѣлались на основаніи неточныхъ данныхъ. Въ области народной словесности такие вопросы, какъ, напр. исчезновеніе бывшихъ пѣвцовъ, полное оскудѣніе бытowego эпоса, вырожденіе и вымирание народной пѣсни вообще, считались уже почти безоворотно рѣшеными, и самое дѣло дальнѣйшаго изслѣдованія ставилось чуть ли не на степень нецуждаго пустого занятія. Къ счастью, однако, подобныя утвержденія оказались далеко не основательными, и въ этомъ дѣлѣ немалая заслуга принадлежитъ нашему Этнографическому Отдѣлу. Изъ его среды въ послѣдніе годы выступаетъ искажено лицъ, которыхъ своими энергичными изслѣдованіями содѣйствуютъ опроверженію должно-установившихся мнѣній и обогащаютъ

науку новыми цѣнными данными въ области народного поэтическаго творчества. Исследования на берегахъ Бѣлого моря, произведенныя членами Отдѣла А. В. Марковымъ и А. Д. Григорьевымъ, доказали живучесть былинной традиціи до настоящаго времени. Поездки другихъ членовъ въ разныя области Россіи дали ясныя доказательства, что и другіе виды народной поэзіи далеко не исчезли и не выродились, а только ждутъ серьезныхъ исследователей. При этомъ Отдѣль въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ членовъ обратилъ особенно серьезное вниманіе на ту сторону пѣснотворчества, которая прежде пренебрегалась, именно—музыкальную. Цѣлый рядъ поездокъ членовъ Отдѣла А. Л. Маслова, И. С. Тезавровскаго, Д. И. Аракчеева и др. дали въ результатѣ цѣнныи музикальныи матеріаль, который въ настоящее время готовится къ выходу въ свѣтъ и дасть несомнѣнное свидѣтельство о богатомъ музикальномъ запасѣ, хранящемся въ пѣдрахъ народа. Исследователи, подобные вышеназваннымъ, несомнѣнно, должны заслуживать наше уваженіе и имѣютъ полное право на нравственную поддержку со стороны Общества. Нѣкоторымъ изъ нихъ Общество уже оказало свое вниманіе, присудивъ тѣ или другія награды за ихъ научные труды. Теперь настала очередь отмѣтить выдающіяся заслуги другихъ нашихъ сочленовъ на томъ же попришѣ, именно Е. Э. Линевой и А. М. Листопадова. Г-жа Линева, давно уже посвятившая себя дѣлу изученія русской музыки и народной пѣсни, способствовавшая ея популяризациіи у насъ и среди иностранцевъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ совершила цѣлый рядъ отдаленныхъ экскурсій, главнымъ образомъ на свои средства, для научныхъ наблюденій въ той же области и для собирания новыхъ достовѣрныхъ матеріаловъ. При этомъ особенно достойно вниманія, что г-жа Линева впервые примѣнила къ дѣлу точнаго записыванія напѣвовъ фонографъ, который устраиваетъ всякия сомнѣнія въ вѣрности записей и даетъ въ высшей степени цѣнныи научный матеріаль. Результаты своихъ наблюденій г-жа Линева неоднократно излагала въ докладахъ Обществу и Отдѣлу. Наконецъ, на-дняхъ вышелъ въ свѣтъ 1-й выпускъ ея великорусскихъ матеріаловъ въ Извѣстіяхъ И. Академіи Наукъ. Всѣ эти труды даютъ ей право на золотую медаль Общества.

А. М. Листопадовъ, своими исследованиями открывшій совершенно особый типъ русской пѣсни на Дону и собравшій обширный и цѣнныи матеріаль, заслуживаетъ награжденія серебряною медалью. Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что значительная часть матеріаловъ Е. Э. Линевой и А. М. Листопадова вмѣстѣ съ ихъ научными статьями печатаются въ Трудахъ Музикально-Этнографической Комиссіи Этнографического Отдѣла.

Лѣтнія экскурсіи членовъ Этнографического Отдѣла и Музикально-Этнографической Комиссіи были совершены съ значительнымъ научнымъ успѣхомъ. А именно:

1. *Д. И. Аракчеевъ* поѣхалъ въ Терскую область, къ грузинамъ-казакамъ, живущимъ въ станицахъ Александро-Невской и Шел-

козаводской. Изъ первой станицы ему пришлось выѣхать на слѣдую-щій день обратно, «по независящимъ отъ него обстоятельствамъ». Во второй станицѣ онъ записалъ восемь грузинскихъ 2-х- и 3-хголосныхъ пѣсень и три ногайскихъ. Отсюда онъ направился въ Тифлисъ и по дорогѣ, въ вагонѣ, записалъ на бумагѣ одну арийскую пѣсню и инстру-ментальную мелодію. Поѣзда изъ Тифлиса въ разныя деревни оказа-лась для г. Аракчіева неудачной, и только впослѣдствіи, въ самомъ Тифлисѣ, ему удалось вознаградить себя. Въ Тифлисѣ онъ сфонографи-ровалъ слѣдующія мелодіи: 3 духовныхъ пѣснопѣнія (трехголосн.), 3 духовн. пѣсни со свѣтскими текстами (трехголосныхъ), 9 баяти, 1 тушинскую пѣсню, 1 пѣсню на дудкѣ казака стан. Михайловской Куб. обл., 1 гопакъ отъ него же, 1 грузино-мингрельскую пѣсню (на бумагѣ), 35 пѣснопѣній на литургію св. Ioanna Златоустаго (трехго-лосныя). По окончаніи этихъ записей Д. И. Аракчіевъ выѣхалъ въ Армавиръ Куб. обл. По дорогѣ ему пришлось еще записать отъ студента-болгарина двѣ болгарскія пѣсни и въ самомъ Армавирѣ одну плясовую груз. мелодію на пандури и одну пѣсню армавирскихъ армянокъ. Послѣдняя тоже пришлось записать на бумагѣ. Въ общемъ ушло на запись 42 фо-нограммы, т.-е. все, что было взято изъ Москвы, и только недостатокъ въ послѣднихъ заставилъ прекратить работу. Такимъ образомъ всего записано 67 вокальныхъ пѣсень и 4 инструментальныхъ, всего 71 номеръ. Изъ вокальныхъ пѣсень особенно цѣнны въ научномъ отношеніи пѣсни грузинъ-казаковъ, которые, будучи оторваны отъ родного края, болѣе 150 лѣтъ сохранили ихъ, и затѣмъ старинные баяти, которыхъ теперь рѣдко кто поетъ. Духовная пѣснопѣнія, разумѣется, сами по себѣ пред-ставляютъ тоже большую цѣнность.

2. *A. D. Григорьевъ* въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи занимался изученіемъ мѣстнаго народнаго говора.

3. *E. H. Елеонская* їѣдила въ Козельскій у. Калужской губерпії, откуда ею вывезены коллекціи народной посуды, фотографическихъ снимковъ и принадлежности мѣстнаго костюма.

4. *C. K. Кузнецова* совершилъ поѣзду къ черемисамъ и вотякамъ Казанской и Вятской губ. Цѣль поѣздки заключалась въ попол-неніи прежнихъ наблюдений, въ собираниіи произведеній народнаго творчества инородцевъ и ихъ костюмовъ. С. К. Кузнецовъ изслѣдовалъ районъ вотскихъ и черемисскихъ поселеній въ предѣлахъ малмыжскаго, уржумскаго и яранского уѣздовъ Вятской губ., мамадышскаго и царевококшайскаго уѣздовъ Казанской губ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ запи-сывались пѣсни и преданія, изучались вѣрованія инородцевъ и собира-лись костюмы. Между прочимъ, впервые удалось записать черемисскія сказки. Отдѣльная пѣсень настолько богатъ, что является полная возмож-ность дать характеристику народной поэзіи черемисъ. Записанные пре-данія касаются главнымъ образомъ отношеній черемисъ къ русскимъ и вотякамъ; можно отмѣтить здѣсь, что цѣлые моменты исторического прошлаго обоихъ племенъ довольно ярко обрисовываются въ этихъ пре-даніяхъ. Параллельно съ собираниемъ преданій осматривались мѣста

битвъ черемисъ съ вотяками въ Уржумскомъ уѣздѣ: такъ наз. «Мертвое поле (= *Шёларà нур*) и Ядыгаровъ городокъ (= *Ядыгар олâ*). или вотяковъ съ татарами (близъ с. Цыпъя). Руководствуясь указаниями документовъ XVII в., С. К. Кузнецовъ отыскалъ потомковъ черемисскихъ князей въ предѣлахъ Марисолинского прихода Кузнецковской волости, Уржумского уѣзда; потомокъ этихъ князей до сихъ поръ называется «князенкомъ» или «царёнкомъ», а вся ближайшая мѣстность, населенная черемисами, наз. *омы-мары* — «княжеские черемисы». Любопытно, что цикль языческихъ праздниковъ, начинаемый весеннимъ «праздникомъ сохи» (*ана = пайрâm*), начинается обыкновенно въ этой мѣстности, при огромномъ всякий разъ стечении народа.

Область религіозныхъ вѣрованій черемисъ и вотяковъ изслѣдовалась наиболѣе подробно. На этотъ разъ собранъ обширный матеріаль о кереметахъ и изслѣдовано обиталище древнійшаго и наиболѣе могущественнаго черемисскаго Беремета-Чумбулаты, а у вотяковъ — бога *Астайи*, играющаго ту же роль. До поѣздки своей С. К. Кузнецовъ разсчитывалъ встрѣтить только жалкіе остатки язычества у вотяковъ и черемисъ, но оказывается, что язычество далеко еще отъ умирания, напротивъ, по мѣстамъ оно значительно окрѣпло. Священные рощи черемисъ (*кюс-ото*) и вотяковъ (*бадымъ луд*) строго охраняются: они снабжены теперь прочной изгородью, а ворота запираются на замокъ отъ посягательства невѣрующихъ. Всѣ приспособленія для жертвоприношеній, которыхъ прежде дѣлялись на время, теперь устроены прочно и на долгій срокъ; рощи часто осматриваются, чтобы предупредить всякое святотатство. Съ другой стороны, С. К. Кузнецову пришлось констатировать крайне своеобразное отношеніе со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей къ язычеству. Тѣмъ и другимъ властямъ въ большинствѣ чуждо знаніе быта, вѣрованій и особенно языка инородцевъ; все ограничивается въ этомъ вопросѣ чисто формальными, карательными мѣрами: духовенство, завида дымъ жертвенныхъ костровъ, устраиваетъ немедля крестный ходъ, урядники и стражники составляютъ протоколы, чтобы привлечь участниковъ моленій къ ответственности по 29 ст. уст. о наказ., налаг. миров. судьями. Во всемъ обслѣдовавшемъ районѣ С. К. Кузнецовъ нашелъ всего 12 священниковъ, свободно владѣющіхъ инородческимъ языками (изъ нихъ 9 человѣкъ — инородцы по происхожденію); этого слишкомъ мало на громадный районъ съ населеніемъ до полу-милліона душъ. Свѣтскія власти еще безсильнѣе въ борьбѣ съ язычествомъ и примѣняютъ всего охотнѣе карательные мѣры. Инородческій міръ расколомлся на двѣ половины: одна тянется къ русскимъ и охладѣла къ язычеству совершенно, другая ревниво оберегаетъ свои старыя вѣрованія и уже стремится, хотя бы отчасти, привести ихъ въ систему, о чёмъ заботятся нѣкоторые ревнители. Молодое инородческое поколѣніе, прошедшее школу, очутилось въ безвыходномъ положеніи: родители настаиваютъ на соблюденіи языческихъ обрядовъ, а молодежь готова бы доказать старикамъ превосходство христіанства, но ей недоступны тѣ многочисленныя переводы на инородческіе языки, которые тысячами экземпляровъ выпускаетъ Брат-

ство святителя Гурія въ Казани. Положеніе этой молодежи поистинѣ жалко, и оно уже сказалось въ народной черемисской пѣснѣ. Помимо гоненія на языческіе обряды, различныя строгости направлены противъ народныхъ увеселеній. Какъ это ни странно, въ Вятской губ. пѣсня и хороводы исчезли съ улицы, откуда молодежь разгоняютъ (на основ. 29 ст. устава о наказ.) урядники и стражники. Теперь молодежь для пѣнія и плясокъ собирается на гумнахъ и въ огородахъ или въ наглухо огороженномъ дворѣ. У русскаго населения теперь не увидите обряда «козомолья» (на Троицкой недѣльѣ), а ноябрьская «кузьминки» если и совершаются кое-гдѣ, то подъ страхомъ полицейского протокола. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ инородческій міръ сдѣлался болѣе замкнутымъ; попасть въ него этнографу, если онъ не знаетъ языка, крайне трудно. Такое печальное явленіе наблюдается со времени знаменитаго мултанскаго процесса.

Этотъ процессъ ярко раскрылъ наше невѣжество относительно быта и вѣрованій инородцевъ—съ одной стороны; съ другой стороны—онъ породилъ особый классъ любителей отыскивать у нашихъ поволжскихъ инородцевъ что-нибудь запретное, таинственное, напримѣръ—слѣды каннибализма. Въ одномъ уржумскомъ уѣздѣ, благодаря этому, съ небольшимъ годъ тому назадъ едва было не разыгрались два дѣла, аналогичныхъ мултанскому: одно по обвиненію черемисина дер. *Марій-сола* въ попыткѣ принести въ жертву своего племянника (окончилось увольненiemъ исправника), другое—по обвиненію черемиски с. *Сернуръ* въ продажѣ своей дочери для жертвоприношенія за 100 р. (окончилось вышешказанному, щѣмая прощать отѣвѣять теперь коснѣющихъ въ язычествѣ инородцевъ отъ всякаго разумнаго на нихъ воздействиia. Безъ знанія языка подобное воздействиe невозможно, а всякое любопытство со стороны возбуждаетъ полное недовѣріе инородцевъ. Прежде черемисинъ просто молился объ избавлении себя отъ стихійныхъ бѣдствий, голода и лютаго звѣria; теперь, заперевъ ограду жертвенной рощи и поставивъ вдоль нея карауль, черемисы колѣнопреклоненно просить великаго бога (*Кугу Юмо*), чтобы онъ спасъ и избавилъ ихъ «отъ мошенника исправника, отъ мошенника попа, отъ мошенника урядника и стражника...» Даѣте идти некуда... Параллельно съ усиленіемъ язычества древняго, съ его кровавыми жертвами и вѣковыми роющими, ширится и крѣпнетъ секта «большой свѣчи» (*кугу сортамъ*), зародившаяся въ 1881 г. въ Яранскомъ уѣздѣ. Секта эта отвергаетъ кровавыя жертвы, признаетъ одного верховнаго бога и допускаетъ только жертву безкровную—восковую свѣчу и зерновой хлѣбъ; очищающимъ элементомъ она считаетъ не огонь, а воду, но сохранила вѣру во вмѣшательство шайтана въ человѣческія дѣйствія, котораго и изгоняютъ съ моленія деревяннымъ мечомъ. Протекло слишкомъ 20 лѣтъ со времени основанія секты, и никто не позаботился изучить ее. Ссылаясь въ Сибирь основателей секты не привела ни къ чему: теперь секта охватила по всѣмъ радиусамъ смежные уѣзды: царевококшайский, уржумский и яранский. Духовенство наше, по незнанію языка, не только не сумѣло

воспользоваться этимъ движениемъ среди язычествующихъ въ свою пользу, но и не сдѣлало ровно ничего для изученія секты, такъ что теперь совершенно бессильно бороться съ нею. Сектанты есть во всѣхъ почти селахъ западной части Уржумскаго уѣзда, но они мало замѣтны, такъ какъ молятся по домамъ, плотно закрывая ставни и никого къ себѣ не впускаютъ. Въ то же время мусульманская пропаганда дѣлаетъ свое дѣло на югѣ Уржумскаго уѣзда.

Во всемъ остальномъ инородческая жизнь носить старую окраску. Правы остались прежніе: снохачество процвѣтаетъ, половая свобода сохранилась попрежнему, сувѣрій среди язычествующихъ сколько угодно; во вѣшности замѣтѣе становится русское вліяніе, сказавшееся на костюмѣ. Молодое поколѣніе, прошедшее школу и пораввшее всякую связь со стариной, чувствуетъ себя крайне одинокимъ и стремится подальше уйти отъ родной среды.

Жреческая организація черемисъ, сторонниковъ кровавыхъ жертвоприношеній, попрежнему зиждется на выборномъ начальѣ, съ верховнымъ жрецомъ въ главѣ. Знаменитый сновидецъ, занимавшій этотъ постъ 20 лѣтъ и давшій никогда нашему сочлену свою рекомендательную татгу, открывавшую ему всюду доступъ, недавно умеръ. Преемникъ его, хотя и пользуется сильнымъ вліяніемъ, но далеко не имѣть того обаянія, которымъ славился его предшественникъ. Несчастный верховный жрецъ этотъ, организуя одно за другимъ большія моленія черемисъ, не выходитъ изъ штрафовъ: послѣдній, къ которому онъ присужденъ, достигаетъ 100 р., но это не столько отражается на его достаткахъ (такъ какъ онъ человѣкъ богатый) сколько озлобляетъ его противъ гоненій.

Собранныя С. К. Кузнецовымъ коллекція костюмовъ заключаетъ много древнихъ экземпляровъ; между прочимъ, есть головные уборы, украшенные монетами Ивана Грознаго, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Петра Великаго. Образцы древнѣйшаго шитья любопытны по богатству тоновъ цвѣтного шелка и по звѣриному орнаменту. Всего приобрѣтено свыше 300 нумеровъ: кибановъ, рубашекъ, фартуковъ, платковъ обыкновенныхъ и свадебныхъ, поясовъ, полотенецъ и головныхъ уборовъ, не считая различныхъ подвѣсочныхъ украшеній.

Сверхъ того, С. К. Кузнецовъ собралъ значительный материалъ для изученія быта вотяковъ, особенно ихъ родственныхъ отношеній, погребальныхъ и свадебныхъ обрядовъ, а также не упускаль случая дополнить давно задуманный имъ словарь черемисского языка.

5. А. Л. Масловъѣздилъ за границу для изученія музыкально-этнографическихъ инструментовъ, хранящихся въ западно-европейскихъ музеяхъ.

6. А. В. Марковъ записалъ тексты отъ крестьянина Смоленской губ., Юхнов. уѣзда, 6 духовныхъ стиховъ: Федоръ Тыринъ, Голубиная книга, Егорій Храбрый, Страшный судъ, Михаило Архангель и Василий Бессарійскій. Напѣвъ трехъ изъ нихъ записаны В. В. Пасхаловымъ. Кроме того, отъ крестьянина Рязанской губ. А. В. Марковъ запи-

саны 2 сказки (про царя Соломона и невѣрную жену и про Снѣгурочку) и 1 святочная обрядовая пѣсня.

7. *Б. В. Рудинъ* въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ былъ въ Костромскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ. Кроме того, ему пришлось быть провожатымъ нынѣ покойного В. И. Сизова въ его археологической поѣздкѣ въ с. Домино Буйского уѣзда. Въ общемъ имъ сдѣланы слѣдующія записи: 14 духовныхъ стиховъ, 1 истор. пѣсни, 6 наговоровъ, 20 причетовъ или причитаній, 10 свадебныхъ пѣсень, 15 хороводныхъ, 18 святочныхъ игорныхъ, 16 общаго бытового характера.

8. *Н. Н. Соколовъ*ѣздили въ Тверскую губернію, где изучалъ мѣстные говоры сѣв.-великорус. нарѣчія и опредѣлялъ границы ихъ распространенія. Имъ представлена слѣдующій отчетъ:

Цѣлью моей поѣздки было опредѣление характера и распространенія говоровъ сѣв.-великорус. нарѣчія въ предѣлахъ четырехъ уѣзовъ Тверской губ.—Старицкаго, Зубцовскаго, Ржевскаго и Осташковскаго.

Поѣздку свою я началъ отъ Твери. Будучи знакомъ предварительно съ нѣкоторыми говорами этого района по неизданнымъ еще отвѣтамъ на программы, любезно присланнымъ мнѣ II отд. Имп. Академіи Наукъ, я назначилъ себѣ для объѣзда: зап. часть Старицкаго уѣзда, юж. ч. Зубц. у., зап. ч. Ржев. у. до границы тамошней Бѣлоруссіи и весь Осташковский уѣздъ, кроме крайней западной Новинской вол. Превларателно я былъ въ Торжкѣ и познакомился съ говоромъ его южныхъ окрестностей, особенно с. Загорья Сукроминской вол. Въ Старицкомъ уѣздѣ я совершилъ круговую поѣздку отъ города на Страшевічи, Рясню, Хорошово Киселевск. вол., Луковниково и Бояники Рисинской вол., Денежное Павловск. вол., Мологино и ст. Панино Новоторжск. вѣтви Ник. ж. д. Въ Зубцовск. у. я шелъ на югъ на Коробино и Щеколдино, а въ другой разъ былъ въ окрестностяхъ ст. Осуга, Новоторж. ж. д., на сѣверъ же добѣжалъ до с. Столыпина. Въ Ржевск. у. я посѣтилъ сначала сѣв. окрестности города на разст. 7—8 верстъ, а затѣмъ совершилъ переходъ въ Осташковъ по большому почтовому тракту, останавливаясь на почтовыхъ ст. Бахмутово, Сытьково и Ельцы. Въ Осташковскомъ уѣздѣ я былъ на сѣдѣ. ст. того же тракта: Коша, Селижаровъ посадъ и Зехновъ, откуда пѣшкомъ прошелъ до города. Около города я посѣтилъ еще нѣкоторые селенія Ёмшинской волости. Затѣмъ совершилъ поѣздку на пароходѣ черезъ озеро Селигеръ до ст. Полново (въ Демьянск. у. Новгор. губ.) и по дорогѣ оттуда остановился въ с. Кравотыни. Отсюда прошелъ черезъ ближайшія селенія на Нилову пустынь и, переправившись здѣсь черезъ озеро, на почт. ст. Звягино, оттуда проѣхалъ на Князево и погость Стерть. Здѣсь посѣтилъ селенія по верховьямъ Волги до д. Волговерховье включительно и оттуда че резъ пароходную ст. Свапущу на пароходѣ вернулся въ городъ. Наконецъ изъ Осташкова я совершилъ поѣздку на Вышній-Волочекъ по тракту, нѣсколько отступающему отъ почтоваго, и посѣтилъ при этомъ нѣкоторые селенія восточной части уѣзда, а именно: Крапивно, Жданово, Ели (Елѣ), Ивановъ дворъ и Пухтину горку. Въ эту же поѣздку мнѣ пришлось остав-

навливаться въ двухъ селеніяхъ Вышневолоцкаго уѣзда. Изъ Вышняго Волочка я проѣхалъ прямо на Москву.

Въ результатѣ этой поѣздки мнѣ удалось установить слѣдующіе типы говоровъ въ предѣлахъ указанныхъ четырехъ уѣздовъ:

1) Переходные говоры, имѣющіе сѣв.-великорус. основу и получившиѳ затѣмъ различныя наслоенія южно-великорус. характера, въ томъ числѣ и аканье.

2) Смѣшанные говоры, имѣющіе, повидимому, южн.-вел.-рус. основу съ различными наслоеніями сѣв.-великорус. характера.

3) Смѣшанные говоры, имѣющіе бѣлорусскую основу, съ различными наслоеніями также сѣв.-великорус. характера.

Окающихихъ говоровъ въ этихъ уѣздахъ вовсе нѣтъ.

Въ говорахъ 1-й группы я различаю 2 типа, которые, можетъ быть, являются различными стадіями одного и того же развитія: а) говоры, которые можно назвать переходными лишь въ томъ смыслѣ, какъ и говоры въ районѣ Москвы, и б) говоры, основа которыхъ до сихъ поръ выступаетъ ясно, какъ типичная сѣв.-великорусская.

Мое изученіе было направлено главнымъ образомъ на говоры 1-ой группы и, въ частности, на говоры 2-го ея подраздѣленія. Здѣсь я стараюсь опредѣлить совокупность чертъ, которая съ достаточной ясностью обнаруживаются сѣв.-великорус. основу, и затѣмъ прослѣдить распространеніе и отношенія различныхъ сѣв.-великорус. чертъ между собою.

Что касается распространенія различныхъ типовъ говоровъ въ изслѣдованной мною мѣстности, то мнѣ удалось установить слѣдующее.

Въ Старицкомъ у. граница 2-хъ типовъ говоровъ 1-й группы проходитъ съ сѣв.-вост. на юго.-зап., при чемъ на сѣв. и югъ она приблизительно совпадаетъ съ линіей жел. дороги, а въ центрѣ значительно отстаетъ отъ нея на западъ. Такимъ образомъ къ говорамъ б) здѣсь можно отнести: почти всю Страшевскую вол., Киселевскую вол. Говоры ю.-зап. части Старицкаго уѣзда можно считать приблизительно однородными и принадлежащими къ типу в).

Въ Зубцовскомъ уѣзда говоры типа в) собственно нѣть, но есть говоры, приближающіеся по консервативности къ этому типу. Таковъ говоръ села Столыпина и окрестностей, опис. въ прогр. Рахманиной. Они занимаютъ небольшое пространство на Волгѣ въ зап. ч. уѣзда, которая составляеть какъ бы географическое продолженіе лѣсистой и болотистой Мологинской вол. Старицкаго уѣзда.

Въ Зубцовскомъ у. надо отмѣтить границу говоровъ съ ю.-в.-русс. основой. Они врѣзываются въ Зубц. у. изъ Ржевскаго у. Центромъ ихъ является самый городъ. На югъ отъ города ихъ, повидимому, нѣть вовсе. На сѣверъ они идуть не далѣе 7—8 верстъ и дорога на Ржевъ является приблизительной границей ихъ распространенія въ Зубц. уѣз.

Въ Ржевск. у. они идуть на сѣв.-зап. и, можетъ быть, на западъ отъ города. Къ другимъ чертамъ ихъ здѣсь присоединяется загадочное дзеканье, границей которого на сѣверѣ я отмѣтилъ районъ Елецкой вол. Граница же говоровъ этого типа проходить значительно ближе, гдѣ-то

недалеко отъ ст. Сытькова. Есть такие говоры и на югъ отъ Ржева, но здѣсь слѣдить за ними мнѣ не удалось.

Остальная часть Ржевск. у. славится своимъ цоканьемъ; но большую часть этого района занимаютъ смѣшанные бѣлоруссіе говоры, опис. у Шейна. Границу ихъ въ настоящее время можно провести приблизительно по меридиану и ст. Тереховки Виндавской ж. д. Говоры цокающіе не-бѣлоруссіе въ Ржевскомъ уѣздѣ можно, повидимому, всѣ отнести къ типу в) 1-й группы. Впрочемъ, я думаю такъ лишь на основаніи показаний небольшого числа лицъ изъ этихъ мѣстностей.

Эти говоры продолжаются и въ Осташк. у., въ которомъ вообще неѣтъ говоровъ иного типа. Здѣсь мнѣ пришлось устанавливать различныя подраздѣленія болѣе мелкаго характера, между прочимъ нѣсколько особеннымъ является говоръ Новинской (зап.) вол. этого уѣзда, лежащей на границѣ съ Смоленской и Псковск. губ.

На сѣверъ и сѣв.-зап. отъ Осташк. у. появляются уже окающіе говоры. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстенъ окающей говоръ Ильиногорской вол. Демянскаго у. Новгор. губ. и отдельные случаи оканья по дорогѣ въ Вышній-Волочекъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ.

Относительно бѣлоруссіи говоровъ замѣчу еще, что, кроме 4—5 волостей Ржевскаго у., они встречаются еще, вѣроятно, спорадически на крайнемъ югѣ Зубц. у., на границѣ съ Сычевскимъ у. Смоленск. губ. Типъ ихъ смоленскій, какъ и типъ того основнаго говора, на почвѣ котораго образовался цокающій говоръ с. Бобровки и окрестностей ея, опис. у Шейна. Впрочемъ, бѣлоруссіи говоровъ я не имѣлъ возможнѣстіи изслѣдоватъ на мѣстѣ и знаю о нихъ только по отдельнымъ разспросамъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою благодарность этнографическому отдѣлу О. Л. Е., А. и Э., тверскому губернатору и всѣмъ лицамъ, такъ или иначе способствовавшимъ успѣху моей поѣздки.

Н. Соколовъ.

---

9. *Д. Н. Ушаковъ* былъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи, гдѣ занимался наблюденіями надъ особенностями народныхъ говоровъ селеній Ильинской, Митинской и Озерецкой волостей.

А. Н. ПЫПИНЪ.

(НЕКРОЛОГЪ.)

26 ноября 1904 года русская наука и русское просвѣщеніе общество понесли незамѣнимую потерю въ лицѣ скончавшагося академика и почетнаго члена Общества Люб. Естеств. Александра Николаевича Пыпина.

Недавно вся мыслящая Россія и многіе западно-европейскіе почитатели чествовали полуувѣковое служеніе А. Н. наукѣ въ области исторіи древней и новой русской литературы, исторіи русской этнографіи и исторіи русской общественности. За это время имъ написано болѣе

1100 статей и изслѣдований, составляющихъ настолько опредѣленную массу знаній, настолько объединенную свѣтлымъ прогрессивнымъ міро-созерцаніемъ покойнаго академика, что въ каждомъ отдельномъ его труда непремѣнно чувствуется общая нить анализа, общія историческая перспективы, даже, можно сказать, общее бодрое настроеніе съ вѣрой въ торжество прогрессивныхъ идей.

Юбилейная литература обѣ А. Н. еще свѣжа въ памяти. Поэтому не къ чему еще разъ распространяться о научныхъ заслугахъ покойнаго. Ограничимся лишь нѣкоторыми общими указаніями. Интересно, что при самой кропотливой работѣ надъ какимъ-либо памятникомъ письменности у А. Н. не исключались самые широкіе взмахи обобщеній и, наоборотъ, въ работахъ на широко-задуманныя темы онъ примѣнялъ испытанные имъ приемы самаго тщательнаго анализа фактическаго матеріала. Оттого, возьмемъ лѣмы рядъ изданныхъ имъ древнихъ памятниковъ или его крупныя работы по «исторіи русской литературы», «исторіи русской этнографіи», «исторіи славянскихъ литературъ» (совмѣстно съ В. Д. Спасовичемъ), по «общественному движению при Александрѣ первомъ», работы о Бѣлинскомъ, Пушкинѣ, масонствѣ, — вездѣ одинаково чувствуется крупная научная сила и въ то же время живой, заинтересованный судьбами своего общества человѣкъ. Совмѣщеніе этихъ двухъ чертъ какъ нельзя болѣе подтверждается еще и ближайшимъ участіемъ его въ распространеніи въ Россіи классическихъ сочиненій Геттнера, Дрепера, Лекки, Тэна, Шерера, Гюю и другихъ, вышедшихъ подъ его редакціей, и тоже его очень виднымъ участіемъ въ русской публицистикѣ: «Современникъ» въ 60-хъ годахъ и «Вѣстникъ Европы» до самого послѣдняго времени.

Въ 1861 году А. Н.-чу пришлось выйти изъ состава профессоровъ Сиб. университета; въ началѣ 70-хъ годовъ министръ нар. просв. не утвердилъ его избрания въ академики исторично А. Н. былъ избранъ въ 1897 г.), — это непріятные, конечно, факты въ исторіи жизни почтеннаго ученаго, но они были прямымъ слѣдствіемъ его открытаго не идущаго на компромиссы характера.

Подробный перечень трудовъ А. Н. Пыпина данъ въ брошюрѣ Барскова, изданной Академіей наукъ. На страницахъ «Этнографического Обозрѣнія» съ особой благодарностью къ покойному ученому слѣдуетъ вспомнить его «Исторію русской этнографіи», по поводу которой когда-то¹⁾ П. Н. Милюковъ писалъ: «А. Н. Пыпинъ является однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ посредниковъ между русской наукой и русской читающей публикой». «Опъ твердо вѣрить, и съ нашей точки зрѣнія вполнѣ основательно, что факты, изложенные какъ они были въ дѣйствительности, сами собой сложатся въ подтвержденіе тому міровоззрѣнію, которое онъ считаетъ истиннымъ». Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на рядъ журнальныхъ работъ, соединяемыхъ теперь А. Н. Пыпинъ подъ общимъ названіемъ «Исторіи русской этнографіи». Въ этомъ труда, предназначаемомъ, какъ и прежнє, для большой публики,

¹⁾ См. „Этн. Обозр.“, кн. VII, стр. 177—178.

авторъ предположилъ, очевидно, напасть на врага въ самомъ послѣднемъ его убѣжищѣ: национальный шовинизмъ долженъ быть разбитъ на самомъ основномъ своемъ понятіи, на понятіи о народности». Затѣмъ, указавъ, что въ политической программѣ «народность» развивается въ систему *народничества*, въ философско-историческомъ построеніи «народность» фигурируетъ въ смыслѣ *национальности* культурно-исторического типа, П. Н. Милюковъ опредѣляетъ даѣе, что «въ наукѣ народность можетъ быть предметомъ или *этнографического* или *народно-психологического* изученія». Въ разбираемой книжѣ А. Н. Пыпина нѣть ни исторіи народничества, ни исторіи национального вопроса, это—«исторія этнографії», и при томъ въ ней есть «исторія взглядовъ на народность».

Отъ себя, по поводу этого общаго опредѣленія заслугъ русскаго историка этнографії, можемъ сказать то же, что когда-то было сказано по поводу ученой этнографической дѣятельности В. Ф. Миллера въ адресѣ Этнографического Отдѣла (см. «Этн. Обозр.» XLVII, стр. 168), а именно, что, не руководствуясь никакими предвзятыми идеями, (срв. у П. Н. Милюкова: «факты, изложенные, какъ они были въ дѣйствительности») и не отдавая предпочтенія какой-либо одной этнической группѣ, А. Н. Пыпинъ явился въ этнографії «истиннымъ ученымъ», «обеспечивая равенство передъ наукой для арійца и финна, великорусса и германца, христіанина и язычника».

Что А. Н. Пыпинъ, въ отличіе отъ другихъ этнографовъ, скорѣе «поражалъ врага», т.-е. людей съ иенаучными взглядами на народность, то это происходило не отъ свойствъ его научной дисциплины, а отъ умѣнія поставить широкую, захватывающую общество задачу и съ достойной энергией выполнить ее до конца.

В. Б.

† В. М. Михайловскій.

(НЕКРОЛОГЪ.)

26-го ноября скончался въ Москве директоръ II-ой мужской гимназіи, бывшій Товарищъ Предсѣдателя Этнографического Отдѣла Императорского Общества Любителей Естествознанія и почетный членъ Общества приват-доцентъ московскаго университета Викторъ Михайловичъ Михайловскій.

Покойный, по окончанію курса въ кievскомъ университѣтѣ на историко-филологическомъ факультете въ началѣ 70-хъ годовъ, перешелъ въ Москву, гдѣ занялся педагогической дѣятельностью, какъ преподаватель истории и географіи, готовясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ магистерскому экзамену по всеобщей исторіи, который онъ и сдалъ затѣмъ въ серединѣ 70-хъ годовъ въ кievскомъ университѣтѣ. Однако дальнѣйшая академическая карьера не удалась покойному, хотя онъ продолжалъ служить наукѣ до самой смерти. Обладая большою любознательностью, В. М.

«иного читаль», и предъ нимъ все заманчивѣе и заманчивѣе вырисовывались обширные горизонты знанія. Онъ послѣдовательно переходилъ оть одной области къ другой, не дѣлая видимыхъ скачковъ: отъ политической исторіи къ исторіи культуры, географіи, этнографіи, археологіи, археографіи, и лишь психологія съ педагогикой, которыми В. М. особенно много занимался въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, стояли какъ бы въ сторонѣ, хотя и эти области знанія до извѣстной степени связывались съ историко-культурными вопросами. Такое разнообразіе научныхъ симпатій привело къ тому, что В. М. занятый притомъ обширной педагогической дѣятельностью, не находилъ досуга, чтобы сосредоточить свои силы на разработкѣ какой-нибудь специальной темы для магистерской диссертациіи по всеобщей исторіи. Остановившись сначала на исторіографіи средневѣковой Франції, В. М. даже началъ въ концѣ 70-хъ годовъ печатать диссертацию о Филиппѣ Коминѣ, какъ историкѣ Людовика XI, но стремление къ библиографической полнотѣ, недостижимой при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ работалъ покойный, и крайняя добросовѣтность въ работе, побудили его прекратить начатое дѣло. Такая же судьба постигла другую начатую имъ работу по исторіи фландрскихъ городовъ, для которой онъ предпринималъ поѣздку за границу, и задуманную имъ впослѣдствіи монографію о Марко Поло. Не находя досуга для обработки обширныхъ монографій, В. М. однако, обладая даромъ рѣчи и искусствомъ устнаго изложенія, успѣвалъ въ теченіе многихъ лѣтъ знакомить съ результатами своихъ разностороннихъ изученій московское общество въ своихъ докладахъ въ засѣданіяхъ Этнографического и Географического Отдѣловъ И. О. Л. Е., а также Археологического и Педагогического Обществъ. Къ сожалѣнію, его соображенія, всегда интересныя и научно-цѣнныя, оставили сдѣль только въ краткихъ изложеніяхъ протоколовъ и газетныхъ отчетовъ, такъ какъ покойный излагалъ ихъ устно, пользуясь лишь краткой программой. Изъ такихъ докладовъ, сдѣланныхъ въ Этнографическомъ и Географическомъ отдѣленіяхъ, отмѣтимъ: «Этнографическая представлениія древнихъ Египтянъ», «О шаманствѣ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ», «Легендарная исторія Будды», «Начало государственной жизни по этнографическимъ даннымъ», «Внушеніе и гипнотизмъ у малокультурныхъ народовъ», «Страна африканскихъ озеръ и ея обитатели», «Характеристика французского народа», «Христофоръ Колумбъ и открытие Америки по новѣйшимъ изслѣдованіямъ», «Географическое распространеніе буддизма», «Географическое распределеніе англійскихъ колоній», «Объ англичанахъ и бурахъ въ южной Африкѣ», «О странѣ африканскихъ озеръ и ея обитателяхъ», «О цѣляхъ и основныхъ задачахъ торговой географіи», «Веды, дикие обитатели острова Цейлона», «Устная словесность южно-африканскихъ народовъ», «О происхожденіи друидизма», «Общественный быть австралійскихъ дикарей», «Объ Андаманскихъ островахъ и ихъ обитателяхъ», «О современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ Абиссиніи и абиссинцахъ», «Первобытное искусство и образное письмо (пиктографія) по этнографическимъ даннымъ» (читано на VIII Археологическомъ съзѣдѣ

въ Москвѣ) и много другихъ. Изъ немногихъ печатныхъ трудовъ В. М. Михайловскаго, относящихся къ области этнографіи и исторіи древнѣйшей культуры, упомянемъ его обширную монографію «Шаманство» (вышелъ только I-ый томъ), обратившую на себя вниманіе западныхъ ученыхъ, и его статью «Древнѣйшия центры просвѣщенія. Египетъ и Халdea» (М. 1891.). Въ Московскомъ университѣтѣ В. М., въ качествѣ приват-доцента, читалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ специальные курсы по исторіи востока, исторіи землевѣдѣнія и этнографіи. Въ послѣднее десятилѣтіе жизни В. М. занимался преимущественно исторіей педагогики, психологіей дѣтей, дѣлая доклады въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ, гдѣ состояла предсѣдателемъ одной изъ секцій, и вообще пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ знатока по педагогическимъ вопросамъ. Исторія педагогическихъ учешій сдѣлалась предметомъ и его университетскихъ курсовъ. Къ послѣднимъ же годамъ относятся доклады В. М.-ча въ Археографической Комиссіи Московского Археологического Общества. Вообще, хотя научное наслѣдіе, оставленное В. М. Михайловскимъ незначительно, нельзя не отмѣтить, что его многочисленныя, полныя высокаго интереса сообщенія въ учешіяхъ обществахъ принесли свою долю пользы и что въ Москвѣ, гдѣ его больше всего знали, какъ разносторонне образованного ученаго и даровитаго лектора, онъ пользовался вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Добрую память о немъ, какъ о прекрасномъ преподавателѣ и высокогуманномъ директорѣ, сохранять и многочисленные ученики его въ Москвѣ и провинції.

В. М.

† В. И. Сизовъ.

(НЕКРОЛОГЪ.)

19 октября 1904 года внезапно скончался членъ многихъ учешій обществъ (въ томъ числѣ и О-ва Любителей Естествознанія) ученый секретарь Московского Исторического Музея Владимиръ Ильичъ Сизовъ. В. И. родился въ 1840 г. Въ университѣтѣ (въ Москвѣ) онъ былъ ученикомъ Тихонравова, Буслаева, Ешевскаго, Соловьевъ и др. Поступивъ затѣмъ преподавателемъ въ кутаисскую гимназію, В. И. получилъ на Кавказѣ первое знакомство съ археологіей и этнографіей. Потомъ онъ перѣѣхалъ въ Москву и въ 70-хъ годахъ сталъ работать въ московскомъ археологическомъ обществѣ подъ руководствомъ гр. А. С. Уварова. Отсюда начинается рядъ археологическихъ экспедицій В. И., поездокъ по русскимъ городамъ и за границу, собирание русскихъ древностей и предметовъ искусства для историч. музея. Изъ его археологическихъ изысканій особено извѣстны раскопки въ Гнѣздовѣ подъ Смоленскомъ, которыми В. И. освѣтилъ многие вопросы по культурѣ древняго славянскаго населения въ Россіи, при чемъ онъ во многихъ отношеніяхъ исправилъ господствовавшіе раньше взгляды о древне-финскомъ вліяніи. Большую цѣнность имѣютъ также экспедиціи В. И. по Казказу.

Въ области этнографіи Владиміру Ильичу быль ближе матеріальный бытъ народа. Онъ быль прежде всего большімъ знатокомъ въ исторії костюмовъ, о чёмъ и читаль лекціи въ театральномъ училищѣ, а также съ этимъ вопросомъ была связана его дѣятельность въ художественномъ театрѣ Станиславскаго и въ московскомъ императорскомъ театрѣ, на сценѣ которыхъ бытовой костюмъ быль воспроизведимъ, при участіи В. И., до тончайшихъ деталей, доступныхъ археологу и этнографу.

Въ засѣданіяхъ Этнографического Отдѣла В. И. быль интереснымъ собесѣдникомъ по поводу прочитанныхъ докладовъ. Покойный Владимиръ Ильичъ быль честнымъ, отзывчивымъ человѣкомъ, любилъ науку, вѣрилъ въ прогрессъ и до послѣднихъ дней сохранилъ бодрый взглядъ на нашу жизнь. Его всѣ хорошо знали и искренно уважали.

В. Б.

† Н. П. Припузовъ.

(НЕКРОЛОГЪ.)

Въ «Вост. Обозр.» г. Эд. Пекарскій сообщаетъ, что недавно скончался этнографъ Николай Прокопьевичъ Припузовъ, бывшій народный учитель, крестьянинъ Покровской волости Якутск. округа, никогда не порывавшій связи съ крестьянскимъ міромъ, служившій послѣднему въ качествѣ учителя, старосты, письмоводителя и головы. Изъ печатныхъ работъ покойнаго извѣстны слѣдующія: 1) Участіе бѣдныхъ дѣтей Якутской области (Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XV, № 1—2, 1884 г.), 2) Свѣдѣнія для изученія шаманства у якутовъ Якутск. окр., собраны по программѣ Н. Н. Агапитова (тамъ-же № 3—4). 3) Мелкія замѣтки о якутахъ (Записки Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по этнографіи, Т. II, вып. 2. Шаманская повѣрія инородцевъ Вост.-Сиб. Ирк. 1890). 4) Замѣтки по народ. медицинѣ якутовъ (животныя средства лѣченія) (Этнографич. Обозр. 1898 г., № 2). Въ этомъ же № «Этнограф. Обозрѣнія» помѣщена статья Н. Харузина: «Юридические обычая якутовъ», составленная по материаламъ покойнаго Припузова. Изъ непечатаныхъ работъ г-ну Пекарскому извѣстны: довольно обширная статья о свадебныхъ обрядахъ приленскихъ крестьянъ, требующая, впрочемъ, солидной литературной обработки, и имѣющіяся въ его распоряженіи якутскія пѣсни съ русскимъ переводомъ, переданные ему, какъ материалъ по фольклору, Д. А. Клеменцомъ. Въ послѣднее время Н. П. Припузовъ состоялъ вице-предѣдателемъ якутского сельско-хозяйственного общества.

Покойный помѣщалъ свои корреспонденціи съ Лены въ «Восточномъ Обозрѣніи».

Былинная традиція въ Саратовской губерніи. М. Е. Соколовъ, членъ саратовской архивной комиссіи, въ своихъ изысканіяхъ по собиранию памятниковъ народного творчества,—по словамъ «Привол. Кр.»,—натолкнулся на слѣдующій интересный фактъ. Два юзда губерніи, Пе-

тровскій и Саратовскій, до сего времени въ своемъ пѣсенномъ репертуарѣ сохраняютъ былины. Такъ, напримѣръ, 19 ноября 1894 года г. Соколовъ записалъ въ с. Кутынѣ, Петровскаго уѣзда, былины о Суханѣ-богатырѣ, Добрынѣ Никитичѣ и Иванѣ гостиномъ сынѣ. Затѣмъ, 4 января 1904 года въ Гремиачкѣ, Саратовскаго уѣзда, г. Соколовъ слышалъ былину объ Иванѣ гостиномъ сынѣ, хотя здѣсь извѣстно только начало былины, но при этомъ оказалось, что какъ въ Гремиачкѣ, такъ и въ Кутынѣ поютъ ее очень сходно. Наконецъ, въ февралѣ 1904 года онъ записалъ въ подгородной дер. Сосновкѣ, Петровскаго уѣзда, сказку объ Ильѣ Муромцѣ. М. Е. Соколовъ, продолжая трудиться по собирашенію народной словесности, дѣлится своими трудами съ мѣстной архивной комиссией.

По ѿзвѣро-западнымъ и прибалтійскимъ губерніямъ лѣтомъ тѣ-
кущаго года путешествовалъ докторъ философії, членъ финляндской
археологической комиссіи Гейкель. Его экскурсіи посвящены изученію
народныхъ костюмовъ.
(„Телеграмма Росс. Агент.“).

Къ вопросу о переустройствѣ Берлинск. этнографического Музея.

Въ Globus-ѣ, B. LXXXVI № 2 Dr. Augustin Krämer помѣстилъ статью по поводу переустройства знаменитаго Берлинскаго Этнографическаго Музея. Какъ извѣстно, музей этотъ самый богатый изъ всѣхъ подобныхъ хранилищъ въ европейскихъ городахъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ его основанія зданіе музея оказалось слишкомъ тѣснымъ. Прибывающая коллекція приходится уже теперь держать неразобранными въ ящикахъ. Вопросъ о переустройствѣ музея горячо обсуждался заинтересованными въ наилучшей постановкѣ дѣла учеными. Нѣкоторые изъ взглѣдовъ, высказанныхъ Крамеромъ, представляютъ интересъ и для русскихъ этнографовъ. Крамеръ исходитъ изъ дѣленія человѣчества на народы культурные (*Kulturvölker*) и примитивные (*Naturvölker*), предложенного Ратцелемъ. Подъ словомъ «культура» онъ подразумѣваетъ «сумму всѣхъ духовныхъ приобрѣтений данной эпохи» — опредѣленіе Ратцеля, также и «наследованную, неутомимымъ трудомъ выработанную мощь человѣка». Хоть всякая классификація является лишь условной и отвѣтствуетъ только практическимъ цѣлямъ, облегчая обзоръ народовъ земного шара, тѣмъ не менѣе отличительными признаками народовъ культурныхъ и первобытныхъ нужно считать то, что послѣдніе стоять въ зависимости отъ «даровъ и капризовъ природы», подчинены ей, что ихъ культурный приобрѣтенія быстро исчезаютъ передъ болѣе высокой культурой. Крамеръ предлагаетъ выдѣлить изъ коллекцій музея отдѣль культурныхъ народовъ Азіи, произведенія буддійскаго и мусульманскаго искусства и, оставивъ для него все нынѣшнее зданіе музея, соединить его съ стоящими рядомъ европейскими *Kunstgerverbemuseum*. Къ этому новому музею слѣдуетъ, по мнѣнію Крамера, отнести и отдѣль археологіи Востока, такъ какъ эта послѣдняя является наукой о погиб-

шихъ культурныхъ народахъ. Доисторическая же археология, наука о исчезнувшихъ примитивныхъ народностяхъ, должна отойти къ другому музею, для которого слѣдуетъ построить новое грандиозное зданіе, посвященное исключительно народамъ примитивнымъ. Культурные народы Америки, къ которымъ Ратцель причисляетъ астековъ, толтековъ, майя, инковъ и др., Крэмъ относить къ примитивнымъ народамъ, основываясь на томъ, что они оказались не въ состояніи бороться при помощи своей культуры съ болѣе высокой европейской цивилизацией; съ другой стороны, ихъ ближайшіе родичи, индѣйцы Сѣв. и Южн. Америки, представляютъ изъ себя типичнѣйшія примитивныя народности. Что касается до размѣщѣнія коллекцій, Крэмъ дааетъ нѣкоторыя не безынтересныя указанія. По его понятію, въ современныхъ этнографическихъ музеяхъ необходимо обращать больше вниманія на географію, чѣмъ это дѣялось до сихъ поръ. Передъ каждымъ отдѣломъ, посвященнымъ тому или другому материку, должна быть устроена особая зала, въ которой слѣдуетъ размѣстить многочисленныя топографическая и этнографическая карты, рельефы и пр., дающія ясное понятіе о данной области. Коллекціи должны быть размѣщены свободно, чтобы можно было легко обозрѣвать ихъ; не слѣдуетъ помѣщать предметы ниже 80 ст. и выше 160 ст. отъ пола. Желательны снимки и фотографіи съ цѣнныхъ этнографическихъ коллекцій другихъ музеевъ. Наконецъ, въ благоустроенномъ музѣи должны быть устроены аудиторіи, рабочіе кабинеты и пр.

Къ сближенію языкознанія и народовѣдѣнія. Въ Globus-ѣ V. LXXXV, № 22, известный немецкий этнографъ A. Vierkandt посвящаетъ сочувственный отзывъ вышедшій въ 1903 г. въ Берлинѣ книгѣ H. Reich-a, *Der Mimus. Ein literar.-entwickelungsgeschichtlicher Versuch.* Трудъ этотъ представляетъ прекрасный примѣръ плодотворнаго сближенія двухъ научныхъ системъ, языкознанія и народовѣдѣнія, которыя, какъ известно, нѣкоторое время совершенно разъединились. Лишь за послѣднее время снова все сильнѣе раздаются голоса въ пользу ихъ сближенія. Такое направление ставить себѣ задачей новая редакція журнала Archiv f. Religionswissenschaft. Его же, по указанію Фиркандта, проповѣдуется и A. Dietrich въ Ztsch. d. Hessischen Vereins f. Volkskunde. Взаимное отношеніе двухъ наукъ Дитрихъ опредѣляется такъ: «методъ и способъ для изслѣдованія даетъ языкознаніе; цѣль и содержаніе изслѣдованія опредѣляется народовѣдѣніемъ». Историкъ и филологъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они занимаются не единичными, но массовыми явленіями, почти всегда работаютъ въ области фольклора; также и народовѣдѣніе, которое, по выраженію Фиркандта, «преимущественно или даже исключительно работаетъ въ томъ обширномъ нижнемъ слоѣ культуры, надъ которымъ у народовъ культурныхъ имѣется еще надстройка». Въ своемъ серьезнѣйшемъ труде Рейхъ старался выяснить истинный характеръ древне-греческаго мима, прослѣдить его источники до мимическихъ представлений некультурныхъ народностей. Въ этихъ послѣднихъ преобла-

даєть релігіозний характеръ, хотя къ нему и примѣшиваются весьма часто коміческий элементъ; такъ, напримѣръ, среди дѣйствующихъ лицъ появляются путешественники европейцы въ карикатурномъ изображеніи. Рейхъ выводить и древне-греческій мимъ изъ представленій релігіознаго характера. Затѣмъ Рейхъ прослѣживаетъ развитіе мима, его переходъ въ различныя страны, измѣненія его и мимообразныя формы, наконецъ, влияние его на литературу. Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ Рейха является цѣннымъ не только для исторіи культуры, но также во многихъ отношеніяхъ и для этнографа.

Значеніе фонографа для записыванья народныхъ пѣсень отмѣтилъ, между прочимъ, и пр. v. Luschan въ Zeitscr. f. Ethnologie за 1904 г. В. XXXVI, Heft. 2. Имъ самимъ были записаны посредствомъ фонографа 20 №№ турецкихъ народныхъ пѣсень изъ сѣверной Сиріи. Фонъ-Лушанъ пользовался при этомъ дешевымъ аппаратомъ, который, однако, оказался вполнѣ пригоднымъ. Нѣмецкій ученый горячо ратуетъ за то, чтобы лица, отправляющіяся въ научныя экспедиціи, были снабжены фонографами и чтобы при этнографическихъ музеяхъ устраивались особыя отдѣленія для храненія фонографическихъ валюковъ съ записанными пѣснями.

(„Globus“.)

Къ исторіи общинного землевладѣнія. Въ Geschichtsblätter f. Magdeburg, за 1903 г. помѣщена интересная работа L. Sunder-а объ общинномъ землевладѣніи въ Германіи въ средніе вѣка. Сундеръ задался главнымъ образомъ цѣлью прослѣдить, какъ древне-германское наслѣдственное право отразилось въ наименованіи мѣстностей преимущественно въ области между рр. Оре и Аллеръ и р. Скалой.

(„Globus“.)

Вопросъ о полевомъ хозяйстве и земледѣліи у примитивныхъ народностей освѣщенъ интересной работой, помѣщенной Dr. R. Lasch-емъ въ Zeitschr. f. Socialwissenschaft за 1904 г. №№ 1—4. Лашъ, орудуя надъ значительнымъ этнографическимъ материаломъ, прослѣдилъ формы земледѣлія у первобытныхъ народовъ и пришелъ къ интересному выводу, что наше современное полевое хозяйство является лишь однимъ изъ фазисовъ весьма медленной эволюціи, не потерпѣвшей въ своемъ ходѣ никакихъ перерывовъ. Новая эра въ земледѣліи лишь наступаетъ, съ развитіемъ паровыхъ и прочихъ двигателей, уничтожающихъ значеніе скота въ хозяйствѣ, какъ двигательную силу, и съ изобрѣтеніемъ химическихъ удобрений почвъ. То и другое вызоветъ крупный переворотъ въ полевомъ хозяйстве, разъединивъ существующее до сихъ поръ совмѣстное веденіе скотоводческаго и земледѣльческаго хозяйства.

(„Globus“.)

Записки Сигизунда фонъ-Герберштейна, иѣмецкаго дипломата и путешественника XVI вѣка, обратили на себя вниманіе д-ра Ант. Шлоссара, который въ библіофильскомъ журналь *Zeitschrift für Bücherfreunde* посвящаетъ обширную, богато иллюстрированную статью ему и его известному сочиненію „*Rerum Moscoviticarum Commentarii*“. Авторъ даетъ обстоятельную біографію Герберштейна, останавливается на его путешествіяхъ въ Россію въ 1517 и 1526 гг. и подробно описываетъ первое вѣнское изданіе его описанія Россіи на латинскомъ языке 1549 г., и послѣдующіе многочисленные переводы на иѣмецкій, итальянскій и англійскій языки. Шлоссаръ выражаетъ удивленіе, что замѣчательный для своего времени трудъ Герберштейна до сихъ поръ не былъ переведенъ на русскій языкъ и не снабженъ соответствующими комментаріями. Автору, очевидно, неизвестно, что имѣется русский переводъ Анонимова (съ базел. изд. 1556 г.), комментарій проф. Замысловскаго («Герберштейнъ и его сочиненіе о Россіи»), а карты Герберштейна воспроизведены въ «Матеріалахъ по картографіи Россіи», изд. кievской археогр. комиссіей 1900 г. Впрочемъ, достойнаго русскаго изданія «Записокъ» Герберштейна со всѣми ихъ варіантами, иллюстраціями, картами, съ портретами, комментаріями и т. д., дѣйствительно, еще нѣть.

„Русс. Вѣд.“.

Новый трудъ Тэйлора. Знаменитый англійскій антропологъ Эдуардъ Тэйлоръ печатаетъ новую книгу подъ заглавіемъ „Growth and Spread of Culture“.

Она будетъ служить продолженіемъ его изслѣдованія „Primitive Culture“, появившагося въ 1871 г. и вышедшаго 4-мъ изданіемъ въ февралѣ текущаго года. Большая часть новой книги состоялась изъ лекцій, читанныхъ въ разное время проф. Тэйлоромъ. „Русс. Вѣд.“.

Евгеника—новая область вѣдѣнія, задача которой сводится къ тому, чтобы содѣйствовать улучшенію и развитію прирожденныхъ качествъ и способностей расы, чтобы раса была здоровье, крѣпче, лучше и болѣе приспособлена къ выполнению задачи своей жизни, чтобы передать большее слѣдующему поколѣнію въ цѣляхъ содѣйствія прогрессу. Недавно известный изслѣдователь явлений наслѣдственности Фр. Гальтонъ прочиталъ въ лондонскомъ соціологическомъ обществѣ рефератъ о цѣляхъ и предметѣ изысканій «евгеники» (eugenics), при чемъ намѣтилъ пути, по которымъ должна слѣдовать эта наука для выработки своихъ принциповъ и для болѣе широкаго проникновенія въ массы.

„Русс. Вѣд.“.

Обзоръ греческихъ миѳовъ, сдѣланныхъ варшавскимъ профессоромъ Погодинымъ въ его книгѣ «Боги и герои Эллады», отличается отъ многихъ подобныхъ работъ своей научной обстоятельностью. Не только пересказаны миѳы (отъ сказанія о міротвореніи до Троянской войны), но и данъ анализъ миѳовъ, при чемъ указаны данные сравнительной миѳологии.

„Русс. Вѣд.“.

Дорійская надпись съ гимномъ младенцу Зевесу найдена недавно англійскими археологами на Критѣ въ так. наз. Палеокастрой.

На островѣ Итакѣ продолжаетъ свои раскопки нидерландскій археологъ Фольграфъ, въ надеждѣ найти доказательства его тождества съ гомеровскою Итакой.

Каъ извѣстно, не всѣ археологи согласны, какой изъ Іонійскихъ острововъ нужно считать царствомъ Одиссея: Итаку или Левкадію. Дерпфельдъ, напримѣръ, высказывается за Левкадію и тамъ ищетъ подтверждений своей теоріи. Фольграфъ стоитъ за Итаку. Въ посѣднее время онъ велъ раскопки около церкви св. Асанасія. Тутъ онъ нашелъ статуину, пеласгической эпохи, многоугольную ограду въ 30 м. длины съ единственнымъ зданіемъ внутри. Зданіе это—остатки храма. Внутри его развалинъ нашли мраморную статую эфеба 80 сант. высоты, съ собакой, одинъ мѣдный сосудъ небольшихъ размѣровъ съ изображеніями на немъ животныхъ, лампаду съ изображеніемъ какого-то бога, кусокъ золота, въ который вѣланъ голубой камешъ съ изображеніемъ пѣтуха, серебряныя и мѣдные монеты. Две колонны съ микенскими капителями вмѣстѣ съ сосудами доказываютъ, что на островѣ было населеніе въ микенскую эпоху. Переходя въ другое мѣсто, неподалеку отъ первого, Фольграфъ сразу наткнулся на остатки ограды исторической эпохи, а рядомъ съ ней нашелъ слѣды гораздо болѣе древняго поселенія, но относительно возраста его онъ еще не рѣшается выскажаться. Тутъ были найдены: барельефъ, изображающій женщину въ длинномъ ниспадающемъ одѣяніи около 70-ти сант. высоты II в. до Р. Х., глиняная женская голова естественной величины; мраморная голова небольшихъ размѣровъ, пьедесталь съ остатками двухъ ногъ; каменные плиты съ надписями, не поддающимися болѣе чтенію, много бронзовыхъ предметовъ, какъ наконечники копій и проч.; въ мусорѣ глиняныхъ черепковъ оказалось нѣсколько монетъ поздняго времени. Очевидно, все это—еще верхніе слои. Подъ ними Фольграфъ ожидаетъ найти много очень важнаго.

„Русс. Вѣд.“.

Этнографическая коллекція предметовъ изъ Чили, Боливіи и Перу поступила недавно въ этнографическій музей Императорской академіи наукъ. Коллекція приобрѣтена въ Германіи частью путемъ покупки (за 8,000 мар.), частью въ даръ. Составитель этой коллекціи О. Менгель-біръ собиралъ ее въ теченіе 14-ти лѣтъ, и она заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ и рѣдкихъ предметовъ, отчасти еще нынѣ употребляемыхъ индѣйцами, отчасти добытыхъ изъ древнихъ могилъ.

„Русс. Вѣд.“.

На международномъ конгрессѣ американистовъ, состоявшемся въ нынѣшнемъ году, съ 18-го по 23-е августа н. ст., въ Штутгартѣ, въ качествѣ делегата Императорскаго Общества любителей естествознанія,

антропології и этнографії въ Москвѣ долженъ быть выступить В. Г. Богоразъ, известный изслѣдователь чукчей, бывшій участникъ американской Джезуповской экспедиціи на крайней сѣверо-востокѣ Сибири и авторъ издаваемаго теперь нью-йоркскимъ естественно-историческимъ и антропологическимъ музеемъ большаго иллюстрированного труда о чукчахъ. Еромъ ученыхъ трудовъ (въ томъ числѣ материаловъ по чукотскому языку и фольклору, изданныхъ Императорской академіей наукъ), В. Г. Богоразъ составилъ себѣ почтенную известность и какъ беллетристъ (подъ псевдонимомъ «Танъ»).

„Русс. Вѣд.“.

Въ лѣсахъ Южной Америки послѣ д-ра Беха странствуетъ Эрландъ Норденшѣльдъ, новый отчетъ которого недавно появился въ печати.

Изслѣдователь отправилъ свой отчетъ съ оказіей изъ одного пункта между Синой и Пото, на границѣ Перу и Бразилии. Норденшѣльдъ изображаетъ въ очень яркихъ краскахъ свою жизнь въ первобытномъ лѣсу. Послѣ того какъ поиски за гротами и гробницами, несмотря на усиленную помощь мѣстныхъ индейцевъ, не дали ожидаемыхъ археологическихъ результатовъ, экспедиція-было пріуныла, но ее вознаградили отдѣльные цѣнныя предметы, а главнымъ образомъ находка памятниковъ культуры древнѣшихъ временъ. Такъ, экспедиція удалось собрать интересную коллекцію скульптурныхъ произведений изъ камня, который она нашла въ долинахъ Ріо-Туйче, Ріо-Томбопата и Ріо-Зуамбари. Вещи изображаютъ гремучихъ змѣй, ягуаровъ и леопардовъ. Теперь уже, какъ видно изъ донесенія, Норденшѣльдъ покинулъ дѣственный лѣсъ и находится въ области вѣчныхъ снѣговъ на высотѣ 17,000 футовъ надъ уровнемъ моря. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, когда ему удавалось за снѣжною липшай горъ дѣлать цѣнныя археологическія находки, онъ ищетъ и теперь пещеръ до-исторического времени.

„Русс. Вѣд.“.

Объ отношеніи сѣверо-азіатскихъ народностей къ сѣверо-американскимъ былъ прочитанъ интересный докладъ ассистентомъ американского музея естественной истории В. Іохельсономъ на происходившемъ въ Штутгартѣ 14-мъ международномъ конгрессѣ ученыхъ американистовъ.

На основаніи многочисленныхъ данныхъ, добытыхъ во время путешествій, Іохельсонъ пришелъ къ убѣждению, что изученіе сибирскихъ племенъ имѣть чрезвычайно важное значение для исторіи древнихъ обитателей Америки; имѣющійся въ распоряженіи докладчика этнологический материалъ уже въ настоящее время съ достаточнou ясностью устанавливаетъ тѣсную связь материальной и духовной культуры обитателей сѣв.-запада Америки съ уроженцами сѣв.-востока Азии.

„Русс. Вѣд.“.

Изученіе монголо-бурятскаго языка (17 недѣльныхъ уроковъ) вводится въ программу учебнаго курса читинской духовной семинаріи, которая открывается съ значительно-видоизмѣненной программой для миссионерскихъ цѣлей въ Забайкальѣ.

„Прав. Вѣсти.“.

Саратъ Чандра Даcъ — изслѣдователь Тибета — недавно стаrъ извѣстъ русской публикѣ по переводу его книги. «Путешествіе въ Тибетъ».

Въ ряду ученыхъ индусовъ («пундитовъ») Саратъ Чандра Даcъ занялъ видное мѣсто. Онъ совершилъ въ 1881—1883 гг. интересное путешествіе по Тибету и собралъ тамъ много наблюдений надъ населеніемъ страны. Отчетъ его долго держался индійскимъ правительствомъ въ секрѣтѣ, и лишь въ 1890 и 1895 гг. появились извлечения изъ него въ англійскихъ журналахъ. Въ 1902 г. эти извлечения съ дополненіями къ нимъ были изданы отдельно книгой лондонскимъ географическимъ Обществомъ подъ редакціей и съ предисловіемъ извѣстнаго путешественника по Тибету Рокхиля, и вотъ эта-то книга и издана теперь въ русскомъ перевѣдѣ.

Къ переводу приложено введеніе г. Котвича, на 37-ми страницахъ, въ которомъ сдѣланъ обстоятельный исторический очеркъ ознакомленія съ Тибетомъ. Затѣмъ слѣдуетъ предисловіе Рокхиля. Две главы посвящены административному устройству области Лхасы и сословіямъ и быту тибетцевъ. Текстъ сопровождается подстрочными примѣчаніями Рокхиля и русской редакціи и иллюстрированъ портретомъ путешественника, двумя картами, двумя планами Лхасы, четырьмя літографированными картинами (воспроизведеніемъ туземныхъ изображеній священныхъ мѣсть) и 50-ю рисунками, изъ коихъ часть заимствована изъ англійского изданія, часть изъ другихъ сочиненій, а восемь воспроизведены по фотографіямъ русскаго камыка Норзунова. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ, а также тибетскихъ, санскритскихъ и монгольскихъ словъ. Путешествіе Чандра Даса хотя и было совершено 20 лѣтъ тому назадъ, не могло утратить своего значенія для такой консервативной страны, какъ Тибетъ. Во всякомъ случаѣ за это время не было въ Лхасѣ и вообще въ Центральномъ Тибетѣ другого европейски образованнаго путешественника (подробный отчетъ образованнаго бурята г. Цибикова еще не изданъ), а потому болѣе обстоятельного сочиненія для ознакомленія съ этой страной не имѣется. Притомъ Чандра Даcъ былъ хорошо знакомъ съ санскритомъ, съ тибетскимъ языками, съ буддизмомъ и могъ поэтому воспользоваться сообщеніями многихъ учепыхъ ламъ и лицъ высшаго тибетскаго общества.

„Русс. Вѣд.“.

Къ изученію Китайскаго Туркестана. Берлинскій этнографическій музей отправилъ экспедицію въ Турфанъ (китайскій Туркестанъ) съ археологическою и лингвистическою цѣлью.

Экспедиціи удалось найти тамъ рукописи до сихъ поръ совершенно неизвѣстной въ Европѣ разновидности сирійскаго письма съ очень хорошошенькими миниатюрами и прописными буквами. Что это за рукописи, объ этомъ говорить д-ръ Мюллеръ. По его мнѣнію, это — не буддійские и не несторианскіе памятники, — это видно по характеру рисунковъ. Онъ предполагаетъ, что это — видоизмѣненный манихейцами сирійскій алфавитъ. Измѣненіе это произведено главой секты первомъ Мани, и

новонайденные тексты, несомненно, писаны на чистомъ средне-персидскомъ или ногурійскомъ языке. Это первые образцы исчезнувшей манихейской литературы, которые становятся известными Европѣ. Почему эти рукописи попали въ Турфанъ, объясняется тѣмъ, что манихеи преслѣдовали одинаково ожесточенно и у мазденистовъ—персовъ, и у византійцевъ, и они должны были искать убежища въ китайскомъ Туркестанѣ. Подробный докладъ о рукописяхъ будетъ въ свое время опубликованъ баварскою академіей.

„Русс. Вѣд.“.

Статистика Японіи. Ганабуза, начальникъ японского статистического бюро, въ послѣднемъ изданномъ имъ ежегоднику о Японіи приводить слѣдующія статистические данные. Собственно Японія занимаетъ, безъ Формозы и острововъ Пескадоресь, 382.416 кв. килом., т.-е. равняется $\frac{7}{10}$ Германской имперіи. На этомъ пространствѣ, согласно съ переписью, живутъ 43.763.855 чел., т.-е. 114,6 чел. на кв. килом. Больше всего жителей имѣть южный островъ Хоншіу (Ниппонъ)—32.980.918 чел., меньше всего съверный островъ Хоккайдо (608.040 чел.—8 чел. на 1 кв. килом.). Если прибавить къ населенію собственно Японіи населеніе о-ва Формозы и о-овъ Пескадоресь, то всѣхъ жителей имперіи Микадо оказывается 46.228.822 чел. Въполномъ противорѣчіи съ распределеніемъ населения въ Европѣ, у японцевъ городское населеніе преобладаетъ надъ сельскимъ: въ сельскихъ общинахъ живеть 13,6% общаго количества, а въ городскихъ—86,4%. Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что большинство городовъ Японіи не что иное, какъ большія деревни, гдѣ жители занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Мужское населеніе Японіи (22.074.242 чел.) преобладаетъ надъ женскимъ (21.689.613 чел.): 100 мужчинъ приходится на 98,3 женщинъ. Приростъ населенія наблюдается отъ 1,14 до 1, 36. Коефиціентъ раждаемости составляетъ 3,27, причемъ онъ, въ противоположность Западной Европѣ, за послѣдніе годы увеличился; коефиціентъ смертности—2,32 («Allg Zeit»).

„Прав. Вѣст.“

Къ изученію австралійцевъ. Въ засѣданіи королевскаго южно-австралийского Общества въ Аделаїдѣ путешественникъ Гербертъ Базедовъ сдѣлалъ интересный докладъ о своихъ изслѣдованіяхъ въ центральной Австралии.

Черное населеніе живеть еще въ совершенно первобытныхъ условіяхъ въ области къ востоку отъ горъ Мусграва, Манна и Томкинсона. Они не видѣли бѣлаго до появленія среди нихъ Базедова. Ихъ оружіе самое простое: кроме палки и камня они знаютъ только копье;—даже бumerангъ имъ незнакомъ. Главное ихъ занятіе—охота. Чтобы поймать опоссума, туземецъ взбирается на гладкій стволъ эйкалиптоваго дерева въ сто метровъ высоты, продѣлывая для этого небольшіе зарубки на немъ при помощи камня. Туземецъ умѣеть приручить дingo и обнаруживаетъ необыкновенную изворотливость, когда ему приходится ловить птицъ, кроликовъ и зайцъ. Женщины собираютъ личинки и ку-

колки всевозможныхъ насѣкомыхъ, жарить ихъ въ золѣ, и семья ёсть это блюдо съ болѣшимъ appetитомъ; яйца пойдаются тоже очень охотно, свѣжія или насиженныя — все равно. Крупная дичь покрывается раскаленнымъ пескомъ или горячей золой и черезъ нѣкоторое время помирается въ полусыромъ видѣ. Особеннымъ лакомствомъ являются для туземцевъ медоносные муравьи (*Melophorus*). Нѣкоторое количество особей этого вида въ каждомъ муравейнику снабжены въ задней части мѣшечками въ 1 сант. въ диаметрѣ, полными прозрачнаго меда. Изъ этихъ мѣшечковъ питается все муравьиное племя; за ними охотятся и туземцы. По виѣшиему виду это — сильные высокаго роста люди 2-хъ м. роста. Одежда имъ незнакома, точно также, какъ и жилища; только во время дождей они строятъ себѣ шалаши. Передъ мертвыми они питаются большой страхъ; ихъ хоронятъ въ землѣ и потомъ уже не произносятъ ихъ имени. Колдуны пользуются большой популярностью. Хотя болѣзни среди дикарей рѣдки, но къ помощи наангари (колдуна) приходится обращаться довольно часто. Главное лѣкарство, которое прописываютъ они, — человѣческая кровь и какъ внутреннее, и какъ наружное средство.

„Рус. Вѣд.“

Изъ Абиссиніи недавно вернулся въ Парижъ путешественникъ Гюль Леру, сдѣлавшій тамъ очень интересную находку. Въ стаинномъ храмѣ на островѣ озера Зуз онъ нашелъ рукопись, въ которой разсказывается о посѣщеніи царя Соломона царицей Савской. Рукопись переведена Леру на французскій языкъ.

„Рус. Вѣд.“

Численность евреевъ. Общество еврейской статистики предприняло полный и основанный на надежныхъ документахъ подсчетъ еврейского населения на земномъ шарѣ.

Изъ установленныхъ имъ цифръ видно, что наибольшее количество евреевъ живеть въ Европейской Россіи, а именно 5,082,000 человѣкъ. Далѣе слѣдуетъ Австро-Венгрия съ 1,994,000 ч., за нею Соединенные Штаты съ 1,136,000 ч., потомъ Германія съ 590,000 ч., Румынія съ 269,000, Афганистанъ съ 184,000, Англія съ 179,000, Марокко съ 150,000, Нидерланды съ 104,000, Франція съ 86,000, Турція съ 82,000, ч., Палестина съ 78,000, Кавказъ съ 58,000, Алжиръ съ 57,000, Абиссинія съ 50,000, Италія съ 47,000, Тунисъ съ 45,000, Персія съ 35,000, Сибирь съ 34,000, Южная Африка съ 30,000, Болгарія съ 28,000, Египетъ съ 25,000, Индія съ 22,000, Аравія съ 20,000, Канада съ 16,000, Швейцарія съ 13,000, Бельгія съ 12,000, Греція съ 8,400; въ остальныхъ странахъ меньше. Всего количество евреевъ на земномъ шарѣ выражается въ круглой цифрѣ 11,000,000 человѣкъ.

„Рус. Вѣд.“

Открыта подписька на 1905 годъ (годъ однаждытый)

НА ЖУРНАЛЪ

„ЗЕМЛЕВѢДЪНІЕ“.

ИЗДАНІЕ ГЕОГРАФІЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ІМПЕРАТОРСКАГО Общества любителей естествознанія, антропологии
и этнографії

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛЕНІЯ ПРОФ. Д. Н. Анучина.

Журналъ посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимущественно Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія различныхъ странъ, обзору геогр. литературы и т. д.

Выходитъ въ Москвѣ 4-мъ книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкою—6 руб.

Гг. иногородные благоволия обращаться по адресу: Географическое отдѣленіе Общества любителей естествознанія, Политехнический музей, Москва. Прежніе годы, 1895—1903, могутъ быть получены по 5 р. за годъ, а 1894 года безъ 1-й книжки (оставшейся въ немногихъ экземплярахъ)—за 3 р. Всѣ года (1894—1903), безъ 1-й книжки 1894 г., со всѣми приложеніями могутъ быть получены за 46 р., съ подпиской на 1904 г.—за 50 р., а съ 1-й книжкой 1894 г.—за 65 р.

Въ вышедшіхъ книжкахъ „Землевѣдѣнія“ помѣщены между прочимъ статьи: Б. Ф. Адлеръ: „Сѣверогерманская нынѣшность“; И. М. Альбовъ: „Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа“—, „Очерки растительности Колхиды“, „Природа Огненной Земли“; проф. Н. И. Андрусовъ: „Побѣзка въ Дагестанѣ“, проф. Д. Н. Анучинъ: „Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о наимѣ представлена“—, „Сула“ (краткія свѣдѣнія по орографіи); —, „Озера области истоковъ Волги въ верховьевъ Зал. Двіны“—, „И. В. Мушкетовъ и его научные труды“—, „О преподаваніи географіи“; В. В. Богдановъ: „Мурманъ“; Л. С. Бергъ: „Аральское море“; В. Г. Богоразъ: „Ламуты“; А. М. Беркенгеймъ: „Природа и жизнь въ пампахъ Аргентины“—, „Современное экономическое положеніе Сирии и Палестины“—, „Переселенческое дѣло“; И. Н. Боголюбенскій: „Въ верховьяхъ Аму-Дарьи“; Л. А. Вѣльскій: „Гань-шань“—, „Петровскіе озера Корчевск. у.“; проф. А. И. Воейковъ: „Воздѣлываніе человѣка на природу“; М. М. Воскобойниковъ: „Изъ наблюденій на Памире“; А. Грачевъ: „Объ озерахъ Костромской губ.“; В. М. Житковъ и С. А. Бутурлинъ: „По Сѣверу Россіи“; А. А. Ивановский: „Истоки реки Москвы“—, „Озеро Рокча“—, „Арапатъ“; И. Г. Игнатовъ: „По южному Алтаю“; проф. А. Н. Красновъ: „Растительность горныхъ вершинъ Явы, Японии и Сахалина“; проф. П. И. Кротонъ: „Ватсій уязъ“—, „О постановкахъ преподаванія географіи въ средн. учебн. заведеніяхъ“; А. А. Круберъ: „О болотахъ Моск. и Ряз. губ.“—, „Опыты раздѣлнія Евр. Россіи на естеств. районы“—, „О карстовыхъ явленіяхъ въ Россіи“—, „Новая Гвинея“; Г. И. Куликовскій: „Зарастающія и перидічески исчезающія озера Обонежского края“; М. Л. Леваневскій: „Очерки Киргизской степи“; проф. Э. Е. Лейстеръ: „Луна и логоды“; В. Н. Леоновъ: „Озера въ области р. При, Рязанск. г.“—, „Озера Нижней Рачи, въ Закавказѣ“; Е. В. Луценко: Побѣзка къ алтайскимъ таленетамъ”—, „Озера въ области истоковъ Дона“; А. К. Ф. М.: „Альпинизмъ“; В. Г. Михайловскій: „Горные группы и ледники Центрального Кавказа“; М. В. Никольскій: „Стады ассироавилонской культуры на Кавказѣ“; проф. В. А. Обручевъ: „Природа и жители Центральной Азіи“; проф. А. П. Иавловъ: „О рельефѣ равнинъ и его измѣненіяхъ подъ влияніемъ работы подземныхъ и поверхностныхъ водъ“; С. К. Паткановъ: „По Юкатану“; Х. С. Г. Султановъ: „Сызг. область мусульманъ въ Аравіи“; пр.-доц. Г. И. Танфильевъ: „Домостр. степи Евр. Россіи“—, „О торянината Моск. губ.“; Н. Тихоновичъ: „Въ киргизскихъ степяхъ Семиналинск. обл.“; пр.-доц. В. А. Федченко: „Задачи ботанической географіи“; А. О. Флеровъ: „Ботанико-географич. очерки“; Д. Чорчъ: „Оч. физ. геогр. Южн. Америки“; А. Яриковъ: „Педология или наука о почвѣ“ въ др. Кроме того мелкія извѣстія и библіографическая замѣтка. Пріложения къ журналу включаютъ: 1) Ф. Нансенъ. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт.; 2) Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ, 894 стр.; 3) Арт. Гейкинъ. О преподаваніи географіи. Советы учителямъ; 4) проф. С. Гунтеръ. Исторія географ. открытий и успѣхи научного землевѣдѣнія въ XIX вѣкѣ. (Печатается и будетъ доставлена подписька на 1903 годъ).

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографического Отдѣла И. О. Л. Е., А. и З.

Адресъ: Москва, Политехническій музей, въ редакцію „Этнографического Обозрѣнія“.

1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. Ф. Миллера*. М. 1894. 8°. VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (распродано).

2) Бѣломорскія былины, записанные *А. Марковымъ*, съ предисловіемъ проф. *В. Ф. Миллера*. М. 1901. 8°. XV + 618 стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ Скоропечатни А. А. Левенсонъ).

3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Фед. Миллера*, изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900. 4°. XXII + 368 стр. Ц. 3 р. (за границу 3 р. 75 к.).

4) *П. С. Ефименко*. Матеріалы по этнографіи русскаго населения Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг. 4°. VII + 221 + X + 276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб. (Издание почти распродано). (За границу 11 руб.).

5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред. *Ф. Я. Трейланда*. М. 1881. 4°. X + 224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р.).

6) Протоколы засѣданій Этнографическаго Отдѣла 1874—1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186 + 7 стр. Ц. 2 р. за границу 2 р. 50 к.).

8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа: а) для собирания этнографическихъ свѣдѣній, б) для собира-
ния свѣдѣній обѣ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII + 217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянского населения Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 гг. 4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).

10) *Н. Н. Харузинъ*. Русскіе лопари (очерки прошлаго и современнаго быта). М. 1890. II + 472 стр. 3 фототип. и карт. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).

11) *В. М. Михайловский*. Шаманство (сравнительно-этнографические очерки). М. 1892. 4°. IV + 115 стр. Ц. 1 р. 50 к. (за границу 2 руб.).

12) *И. А. Житецкий*. Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ. М. 1893. 4°. II + 73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к. (за границу 1 р. 60 к.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 г.

Годъ X.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогический журналъ

Годъ X.

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ГЕОГРАФІЯ“.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ кіисадъ (июн—июль), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвѣщенія для юридическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ ОДОБРЕНЪ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библиотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставить себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналахъ имются отдѣлы: 1) научно-популярные статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретического и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) акваріумъ и террариумъ; 3) библиографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

Весьма желательно установление живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставить себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція просить лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высыпать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналахъ были помѣщены статьи: И. Я. Аминіфіева, А. П. Артари, Л. И. Бородовскаго, проф. А. Ф. Брандта, В. В. Богданова, П. Вольногорскаго, Н. Н. Вануловскаго, проф. С. П. Глазенапа, М. И. Голенихина, проф. А. С. Догеля, М. И. Демкова, Л. Н. Елагина, В. Е. Жадовскаго, Б. М. Житнова, проф. Н. Ю. Зографа, Н. Ф. Золотницкаго, проф. Н. Ф. Кащенко, проф. Н. И. Кузнецова, проф. И. А. Каблукова, проф. Н. М. Кулагина, Г. А. Коневинникова, М. А. Коневинниковой, проф. А. К. Краснова, М. Э. Мендельсона, С. П. Мечи, Г. А. Надсона, А. М. Никольскаго, К. Д. Носилова, проф. А. П. Павлова, А. Н. Рождественскаго, проф. В. В. Саломникова, К. А. Сатунинна, И. Н. Сентъ-Міера, М. М. Сіязова, В. И. Талева, проф. И. А. Тимирязева, проф. А. А. Тихомирова, П. Р. Фрейберга, проф. В. М. Шимковича, П. Ю. Шимдта и некоторыи другія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересыпкою 4 р. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересыпкою и доставкою 2 р. 50 к.; за гравюду 7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 и 1904 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоять 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссию и пересыпку денегъ только 20 коп. съ каждого годового полнаго экземпляра.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ: Москва, Донской, домъ Даниловой.

Редакторъ-издатель М. П. Варавза.

Русский Антропологический Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорского Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла *А. А. Ивановскаго* (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣле, 30 марта 1900 г., предсѣдателя Отдѣла *проф. Д. Н. Анучинъ*); выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на 1905 годъ.

Съ требованіемъ обращаться: Москва, Историческій Музей, Секретарю Антропологического Отдѣла *А. А. Ивановскому*.

Редакція

„ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОБОЗРЕНІЯ“

ПЕЧАТАЕТЬ ПЛАТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ ПОЗАДИ ТЕКСТА.

Цѣна одного объявленія на цѣлой страницѣ—
10 руб., на $\frac{1}{2}$, страницѣ—5 р. 50 коп. и на $\frac{1}{4}$,
страницѣ—3 рубля.

Постороннія приложенія для разсылки при изданіи принимаются по особому соглашенію.

Конторамъ, доставляющимъ объявленія, дѣлается скидка: съ объявленій русскихъ 10%, съ объявленій заграничныхъ 20%.

Поступила въ продажу новая книга:

АРХАНГЕЛЬСКИЯ БЫЛИНЫ

и

ИСТОРИЧЕСКИЯ ПѢСНИ,

собранныя А. Д. Григорьевымъ въ 1899—1901 гг.

Съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа.

Томъ I. Часть I: Поморье. Часть II: Пинега.

Издание Императорской Академіи Наукъ.

Сборникъ объемомъ въ 48 печатныхъ листовъ 8° и содержитъ въ себѣ, помимо текстовъ 212 поморскихъ и пинежскихъ былинъ и историческихъ пѣсень, еще 56 напѣвовъ къ нимъ, предисловіе ко всему изданію, свѣдѣнія объ эпической традиціи въ Поморьѣ и Пинежскомъ краѣ, біографіи пѣвцовъ и пѣвицъ, предисловіе къ напѣвамъ, алфавитные указатели и обзоръ варяントовъ былинъ и историческихъ пѣсень.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ и Вильнѣ.

Можно получать также въ книжныхъ магазинахъ Суворина (въ Москвѣ, Петербургѣ и др. городахъ) и Вольфа, Путоловой, „Трудъ“ и др. въ Москвѣ.